58 02/19

5ор
1

Д
И

Sep

58 02/19

ОБЪ ОРОЧАХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГАВАНИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. П. МАРГАРИТОВА.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ АМУРСКАГО КРАЯ ВЪ Г. ВЛАДИВОСТОКѢ.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

58 02/19

ОБЪ

ОРОЧАХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГАВАНИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. П. МАРГАРИТОВА.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ АМУРСКАГО КРАЯ В Г. ВЛАДИВОСТОКѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

Бм 25

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Мая 1888 года.

Лит. князя Кропоткина.

Видъ селенія Орочей.

М. Вольскій.
Владивостокъ 1887 года.

Гос. ... Б-ка
Инв. № 348711

Непосредственное сосѣдство съ г. Владивостокомъ одного изъ Тунгузскихъ племенъ, именно Орочей, и малоизвѣстность о ихъ бытѣ въ наукѣ послужили поводомъ къ тому, что среди нашего Общества Изученія Амурскаго Края возникла мысль сдѣлать посильное изслѣдованіе ихъ быта, поручивъ кому-либо изъ членовъ Общества собрать этнологическія свѣдѣнія о нихъ и пріобрѣсти, для пополненія коллекцій Владивостокскаго музея, обращики бытовыхъ вещей ихъ.

На мою долю выпало исполнить это порученіе Общества.

По имѣвшимся у Общества историческимъ даннымъ географическое положеніе Орочей въ прежнія времена простиралось отъ береговъ залива „Петръ Великій" до з. Декастри съ одной стороны и отъ верховьевъ притоковъ р. Усури и Амура до береговъ Великаго Океана съ другой. На всемъ этомъ протяженіи Орочи съ трехъ сторонъ примыкали къ народамъ другаго типа и, соприкаясь съ ними, волей не волей должны были претерпѣвать, особенно въ пограничныхъ мѣстахъ, этнологическое превращеніе. Сосѣдство съ болѣе культурнымъ народомъ, Маньджурами, сильнѣе всего выказалось въ этомъ направленіи. Вотъ почему въ настоящее время мы не видимъ въ окрестностяхъ г. Владивостока ни одного Ороча и нѣтъ ихъ выше вплоть почти до 48° с. ш. На всемъ этомъ пространствѣ, подъ вліяніемъ Маньджуровъ и Китайцевъ, какъ народа болѣе сильнаго и болѣе культурнаго, Орочи переродились, утративъ свои бытовыя особенности; даже типъ, какъ выразитель внѣшности, и языкъ, какъ выразитель внутренней жизни человѣка, до того измѣнились, что съ трудомъ напоминаютъ о ихъ кровномъ тунгузскомъ происхожденіи.

Тѣснимые также, хотя и не въ такой степени, съ запада и сѣвера, Орочи уцѣлѣли въ болѣе первоначальномъ своемъ видѣ только въ приморскихъ пунктахъ и притомъ сѣвернѣе 48° с. ш. Вотъ почему наше Общество, преслѣдуя вышеуказанную цѣль, рѣшило отправить меня именно въ Императорскую гавань, какъ въ центръ болѣе сохранившихся отъ постороннихъ вліяній Орочей, а не въ другую какую либо мѣстность, лежащую ближе къ г. Владивостоку.

Изъ своихъ скудныхъ средствъ Общество, при вспомоществованіи Его Высокопревосходительства Генералъ Губернатора Приамурскаго края, давшаго мнѣ съ своей стороны кое-какія порученія, ассигновало мнѣ 400 руб. Такихъ средствъ для пріобрѣтенія коллекцій и для совершенія пути болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ тысячи миль, считая въ Императорскую гавань и обратно, очевидно нехватило бы, если полное сочувствіе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ не пришло бы на помощь. Принося отъ лица Общества искреннюю благодарность вообще всѣмъ этимъ лицамъ, я считаю долгомъ особенно благодарить слѣдующихъ: М. Г. Шевелева и К. Н. Шулынгина, доставившихъ меня въ Императорскую гавань и обратно на своемъ пароходѣ, А. К. Вольдена, давшаго средства на наемъ мнѣ помощника и снабдившаго меня многими вещами, необходимыми для странствованія по тайгѣ и И. П. Надарова, принимавшаго участіе въ снаряженіи этой экспедиціи. Очутившись среди Орочей въ тайгѣ, я на первыхъ же порахъ увидѣлъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, просимыхъ у меня Орочами; въ этомъ случаѣ меня выручилъ командиръ шхуны „Ермакъ" Г. Греве, зашедшій въ Императорскую гавань для гидрографическихъ цѣлей, за что я и приношу ему предъ Обществомъ благодарность.

Всѣ остальныя издержки покрылись вышеуказанными 400 руб., изъ коихъ часть пошла на покупку товаровъ для обмѣна на коллекціи, и часть на плату проводникамъ и возчикамъ по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ Орочей, начиная отъ р. Коппи до р. Тунджи съ заходомъ вверхъ по рр. Тунджи, Ходэ и Уй.

Изъ вещей, пріобрѣтенной мною коллекціи, дороже другихъ мнѣ обошлись мужскіе и женскіе костюмы и шаманскія принадлежности, неохотно уступаемыя даже за сравнительно высокія цѣны. Но болѣе всего цѣнно въ моемъ пріобрѣтеніи — это коллекція ороческихъ череповъ и одинъ скелетъ; достать ихъ не стоило денегъ, но стоило большаго риску и хлопотъ, такъ какъ Орочи, какъ и всѣ полудикари, всегда готовы взяться за оружіе на защиту могилъ своихъ родичей. Въ этомъ случаѣ большое подспорье оказалъ мнѣ мой спутникъ г. Веденскій, которому, по моему мнѣнію, должно быть благодарно не только наше Общество, но и вообще всякій интересующійся антропологіею, такъ какъ черепа Орочей составляютъ музейную рѣдкость, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ взято со старыхъ кладбищъ.

Предпославъ такое краткое ознакомленіе съ тѣмъ, какъ снарядилась и чѣмъ во смыслѣ пріобрѣтенія окончилась данная экспедиція, я перейду къ сообщенію собранныхъ мною свѣдѣній объ Орочахъ.

Время, бывшее въ моемъ распоряженіи для изученія Орочей, было до того незначительно, что объѣхать все пространство, занимаемое ими, и нанести на карту точное ихъ распространеніе, было дѣломъ не возможнымъ, а посему по этому вопросу я сообщаю свѣдѣнія чисто разспросныя, основанныя большею частью на показаніяхъ самихъ Орочей. По свѣдѣніямъ, собраннымъ академикомъ Шренкомъ въ бытность его на Амурѣ, настоящіе Орочи простирались отъ залива Де-кастри почти вплоть до з. Св. Ольги, имѣя восточнымъ своимъ предѣломъ берегъ моря и западнымъ верховья притоковъ рр. Усури и Амура, слѣдовательно жили не только по восточному, но и по западному склону хребта Сихото-алина. На югъ отъ нихъ, т. е. у з. Св. Ольги и южнѣе, жили Орочи, переродившіеся подъ вліяніемъ Маньджуровъ и получившіе отъ нихъ названіе Тазовъ или Тадзовъ; Тадзы занимали пространство и по притокамъ рѣки Усури и простирались даже до г. Владивостока. Теперь же эти Тадзы раскинули свои предѣлы дальше на сѣверъ и, какъ мнѣ извѣстно, живутъ на р. Нельма, впадающей въ Японское море и называемой Орочами Шамарга. Хотя Шамаргинскіе Тадзы и вышли изъ повиновенія Мандзъ и отдалились отъ нихъ на сѣверъ, но тѣмъ не менѣе типъ чистыхъ Орочей ими утраченъ, языкъ измѣнился и не совсѣмъ ясно понимается Орочами Императорской гавани. Мнѣ пришлось видѣть двухъ Шамаргинскихъ Тадзовъ, бывшихъ въ Императорской гавани проѣздомъ въ г. Николаевскъ за товарами. Они объяснялись съ Орочами, но, какъ видно, не совсѣмъ ясно. Лобъ у нихъ выбритъ и носятъ двѣ косы; покрой одежды и устройство лодокъ напоминаетъ мандзовскій. Словомъ это уже не Орочи, а выродки изъ Орочей; настоящіе же Орочи оканчиваютъ свое распространеніе на югъ рѣкою Ботиль, гдѣ находится селеніе Орочей въ 8 юртъ.

Съ другой стороны западные Орочи, живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ въ Гольдами, смѣшались съ ними и приняли отъ нихъ нѣкоторыя особенности, несвойственныя чистымъ Орочамъ, и хотя Орочи Императорской гавани признаютъ ихъ за Орочей, добавляя „Амурскіе Орочи“, но тѣмъ не менѣе отличаютъ ихъ отъ себя. «*Амурскій Орочъ*, говорятъ Орочи Императорской гавани, *малъ мало Гольда, малъ мало Орочъ, но не Орочъ и не Гольда; рыбу лови, худо умѣй, соболя промышляй, все равно моя, богу молись, все равно Орочъ, а кради, все равно Гольда*».

Подобные отзывы самихъ Орочей о своихъ единоплеменникахъ ясно говорятъ, что уклоненіе западныхъ, Амурскихъ Орочей, до того уже велико, что даже сами Орочи сознаютъ это. Мѣсто жительства ихъ по рр. Дондону, Хунгари и вообще по западному склону Сихото-алина.

Кромѣ названія „Амурскій Орочъ“ у Орочей есть и другое подобное названіе другихъ, именно болѣе сѣверныхъ своихъ сосѣдей — это „*Амурскій Гилякъ*“. Здѣсь я долженъ сказать, что слово „Гилякъ“ Орочами прикладывается безразлично ко всѣмъ инородцамъ, подобнымъ себѣ, какихъ только они знаютъ. Меня крайне удивило, когда я, пріѣхавъ въ Императорскую гавань, спросилъ перваго попавшагося мнѣ Ороча, кто онъ такой, и получилъ въ отвѣтъ „Гилякъ“. Спрашиваю другаго, третьяго всѣ говорятъ, что они Гиляки. Мысль, что я ѣхалъ къ Орочамъ, а попалъ къ Гилякамъ, признаюсь, сразу озадачила меня. Нашелся даже одинъ такой, который задалъ мнѣ такой вопросъ „а твоя развѣ не зналъ, что наша Гилякъ“; нѣтъ, говорю я, я думалъ, что вы Орочоны, „да“ говорятъ они, „мы Орочоны“; нѣтъ говорю я, „я думалъ вы Орочи“, да подтверждаютъ они, „мы Орочи“. Такіе отвѣты сразу сбили меня съ толку, я тутъ-же задалъ себѣ первую задачу, разобрать этотъ вопросъ, но благодаря тому, что два Ороча, хорошо говорившіе по русски, были въ отлучкѣ въ г. Николаевскѣ, мнѣ удалось его рѣшить только тогда, когда я пріѣхалъ на р. Коппи, гдѣ одинъ Орочъ, хорошо говорящій по русски, при самомъ тщательномъ моемъ уходѣ за нимъ, объяснилъ мнѣ такъ: „*Русскіе прежде ходи Николаевскъ, тамъ гляди Гиляка, малъ мало послѣ ходи Императорскую гавань, смотри насъ и говори, мы Гилякъ*; *моя и думай, что русскій зови насъ Гилякъ; твоя русскій наіонъ, какъ же твоя не хочетъ зови и моя Гилякъ*“? Такимъ образомъ выяснилось, что названіе Гилякъ, по мнѣнію Орочей, приписано русскими всѣмъ вообще инородцамъ, а они въ разговорахъ съ русскими считаютъ за нужное не только другихъ ино-

родцевъ, но и себя называть Гиляками. Вотъ почему на многихъ русскихъ картахъ за частую встрѣчаются помѣтки „юрта гиляцкая, селеніе гиляковъ“ и т. п. даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Гиляка и не было никогда. Впослѣдствіи, когда я былъ на рр. Тунджи, Дюанко и друг., эти свѣдѣнія о названіи „Гилякъ“ подтвердились показаніями другихъ Орочей.

Послѣ такого объясненія, на мой вопросъ — кто онъ такой, онъ самодовольно отвѣтилъ мнѣ „Орочъ“. Желая еще больше убѣдиться въ этомъ самонаименованіи, я началъ ему называть другія названія инородцевъ, и онъ какъ человѣкъ бывалый, очень точно отвѣчалъ мнѣ указаніемъ мѣстности, гдѣ всѣ инородцы живутъ. *„Моя Орочъ*, говорилъ онъ мнѣ, *а Орочонъ живи на Амуръ, далеко за Хабаровка, Гольда живи на Амуръ, близъ Хабаровка, Гилякъ живи Николаевскъ, Тазы живи Шамара и дальше*“. На мой вопросъ, гдѣ живутъ Ороки, онъ объяснилъ, что Ороки, есть переселенцы въ дальнія страны, а гдѣ живутъ, онъ точно не знаетъ, можетъ быть на Сахалинѣ, а можетъ быть еще гдѣ.

Только одного названія Ольча или Оличи, какъ я не произносилъ его, онъ не призналъ, и на мой вопросъ кто живетъ въ Де-кастри, отвѣчалъ, „Амурскій Гилякъ“. Прилагалъ ли онъ въ этомъ случаѣ названіе „Гилякъ“ въ общепринятомъ ими смыслѣ, желая этимъ сказать, что въ Де-кастри живутъ подобные ему инородцы, или дѣйствительно по его свѣдѣніямъ тамъ живутъ Гиляки, обстоятельно отъ него я не узналъ. Амурскій Гилякъ по его словамъ, ѣздитъ на оленяхъ, говоритъ такъ-же какъ и онъ, только съ небольшимъ измѣненіемъ, касающимся болѣе выговора, нежели самихъ словъ, напр. Амурскій Гилякъ говоритъ „сороде“, а онъ „сооде“, Амурскій Гилякъ говоритъ „конгури“, а онъ „конгули“ и т. п. Таковыя же не точныя показанія объ Амурскомъ Гилякѣ давали мнѣ Орочи и въ другихъ мѣстахъ.

Гдѣ Шренковскіе Оличи, одно ли они и тоже, что и Амурскій Гилякъ, или это тоже Орочи, которые нѣтъ сомнѣнія раньше жили гораздо сѣвернѣе и своимъ, даже и теперь, двойственнымъ типомъ послужили къ раздѣленію на Орочи и Оличи, или это совсѣмъ другой народъ, котораго Орочи не знаютъ, что конечно трудно допустить? Въ свое двухъ часовое пребываніе въ Де-кастри я дѣйствительно видѣлъ тамъ двухъ инородцевъ, совершенно по типу отличающихся отъ Орочей, но по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ не могъ вступить съ ними въ разговоръ и узнать что либо подходящее.

Орочи сами дѣлятъ инородцевъ Де-кастри на два разряда, о чемъ я могу судить хотя и по единственному факту. У одного Ороча на р. Дюанко по имени Тараска, есть жена, типомъ сильно отличающаяся отъ Орочей; когда я спросилъ, кто она и откуда, то мнѣ отвѣтили что она Тунгузка изъ Де-кастри и разсказали длинную процедуру, какъ она попала къ нимъ. Я не преминулъ тутъ же вставить слова „Амурскій Гилякъ“, но они отличаютъ это названіе отъ слова Тунгузъ. По моему мнѣнію инородцы Де-кастри, если только и раздѣляются на два рода, то это раздѣленіе произошло вслѣдствіе смѣшенія Орочей съ мѣстными инородцами; одни унаслѣдовали болѣе ороческаго и, можетъ быть, называютъ себя Ольчами, а другіе болѣе другаго типа и получили болѣе общее названіе—Тунгузы; первые почти чисто охотники, вторые отчасти и скотоводы. Такимъ образомъ вопреки доводамъ акад. Шренка, доказывающаго о вымышленномъ названіи Орочей, можно сказать, что есть Орочи, но нѣтъ Оличей, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго народа. Впрочемъ съ моей стороны добросовѣстнѣе будетъ сказать, что есть Орочи, но есть ли Оличи, не знаю, такъ какъ показанія Орочей Императорской гавани о жителяхъ з. Де-кастри не ясны, и рѣшить этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ, есть дѣло будущаго времени.

Итакъ сѣверные сосѣди Орочей есть Оличи по Шренку, а по моему мнѣнію есть Орочи, смѣшавшіеся съ какимъ-то другимъ Тунгузскимъ народомъ. Гдѣ истинная граница между ними, не знаю, скажу только, что собственно Орочи простираются по берегу моря до с. Хои и по р. Тунджи до притока ея Мули. Такимъ образомъ распространеніе Орочей, болѣе или менѣе чистыхъ отъ примѣсей, ограничивается двумя съ небольшимъ градусами широты и двумя градусами долготы.

До сего времени, говоря объ Орочахъ Императорской гавани, я называлъ ихъ чистыми, уцѣлѣвшими отъ постороннихъ примѣсей, собственно же говоря, я къ великому моему неудовольствію долженъ сознаться, что я далекъ отъ той мысли, чтобы признать ихъ за чистыхъ. Если обратить вниманіе на разнотипичность Орочей даже одного и того же селенія, то становится подозрительнымъ, чтобы они были чистаго происхожденія, сохранившагося нетронутымъ съ давнихъ временъ. Всѣ почти Орочи круглоголовы, но одни съ широкимъ, плоскимъ лицомъ, а другіе съ болѣе длиннымъ лицомъ, имѣющимъ иногда довольно значительную волосистость и ясно выдѣляющійся носъ, тогда какъ первые гололицы и съ приплюснутымъ носомъ. Мало того, даже нѣкоторые обычаи и даже отчасти языкъ различаются среди Орочей, живущихъ другъ отъ друга на такомъ разстояніи, какъ 7—8 верстъ. Мнѣ приходилось сравнивать слова Орочей съ Хадэ со словами Уйскихъ Орочей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ я замѣчалъ разницу, хотя Орочи при этомъ увѣряли меня, что это все равно, можно сказать и такъ и сякъ: напр. соболя одни называютъ „Ного“, другіе „Носо“, медвѣдя одни называютъ „Мапа“, другіе „Мафа“

и т. п. Обычное у Орочей празднество въ честь медвѣдя празднуется у однихъ такъ, а у другихъ нѣсколько иначе. Въ празднествѣ у Уйскихъ Орочей женщины не только не участвуютъ, но даже не присутствуютъ при ѣдѣ медвѣдя, у Тунджинскихъ же женщины принимаютъ почти полное участіе. Подобныхъ фактовъ можно подыскать массу, всѣ они говорятъ или наводятъ на мысль, что корень или родовое начало у инородцевъ окрестностей Императорской гавани не одинъ, а по крайней мѣрѣ два. Подобную же разницу можно видѣть и въ характерахъ Орочей. Коппинскіе напр. Орочи злые, не ласковые и хотя гостепріимны, но гостепріимство выражаютъ съ сознаніемъ своей силы, своего достоинства; Тунджинскіе же наоборотъ ласковые, кроткіе, гостепріимны и услужливы. Коппинскіе съ большой неохотой принимаютъ нововведенія русскихъ, Тунженскіе же всѣмъ охотно подчиняются. Коппинскіе на отрѣзъ отказались дать мнѣ лодку и гребцовъ, несмотря на сравнительно выгодную для нихъ плату, Тунженскіе же не только снарядили для меня лодку съ полнымъ числомъ гребцовъ, но даже на двухъ лодкахъ сопровождали меня на цѣлыхъ 50 верстъ. Хадонскіе Орочи, какъ находящіеся подъ постоянными вліяніями русскихъ не отдѣляются такъ рѣзко отъ другихъ, а скорѣе занимаютъ средину, въ однихъ случаяхъ ближе подходятъ къ Коппинскимъ, въ другихъ къ Тунджинскимъ. Даже среди жителей одного и того-же селенія есть разница, напр. въ Коппи есть одинъ старецъ, который своею кротостью и типомъ явно отличается отъ другихъ, и хотя пользуется общимъ уваженіемъ и почтеніемъ, но когда рѣчь зашла о назначеніи его старшиною, то всѣ на отрѣзъ отказались ему подчиняться. Подобные примѣры есть и на другихъ рѣчкахъ.

Я полагаю, что было когда-то время, когда коренные жители окрестностей Императорской гавани подверглись нашествію какого нибудь другаго племени, болѣе сильнаго ихъ физически, но болѣе слабаго въ нравственномъ отношеніи. Такому предположенію я имѣю слѣдующее, хотя и неположительное, основаніе. Въ разговорѣ съ однимъ старикомъ мнѣ удалось уловить только намекъ на какое то давнишнее нашествіе на нихъ другаго народа, пришедшаго съ моря, и съ которымъ имъ никогда не приходилось развязаться окончательно. Разговоръ нашъ былъ прерванъ, а на другой разъ онъ не былъ уже со мною такъ откровененъ.

Но каковы бы ни были инородцы Императорской гавани, мы, несмотря на ихъ двойственный съ переходными степенями типъ признаемъ за ними названіе Орочей и пока, какъ и прежде, будемъ признавать ихъ за чистыхъ Орочей.

Распространеніе вотъ этихъ то Орочей, какъ мы уже видѣли, въ настоящее время совсѣмъ не такое обширное, какъ оно было во времена изслѣдованій г. Шренка, и говоря объ ихъ распространеніи, мнѣ кажется можно выразиться: Орочи живутъ въ Императорской гавани и верстъ на 100 вокругъ ея, размѣстившись на этомъ пространствѣ небольшими и рѣденькими селеньицами, съ народонаселеніемъ всего на всего въ 318 душъ, считая здѣсь и взрослыхъ и дѣтей. Это уже слѣдовательно, не племя, а остатки когда то большаго племени. Въ бытность Шренка на Амурѣ ему было извѣстно о многихъ селеніяхъ Орочей, о которыхъ въ настоящее время многіе изъ Орочей и незнаютъ.

Кромѣ разбросанныхъ нѣсколькихъ юртъ по р. Тунджи въ настоящее время существуютъ только слѣдующія селенія: с. Ботиль въ 8 юртъ съ 30 жителями, с. Коппи въ 7 юртъ съ 37 жителями, с. Ходэ въ 6 юртъ съ 35 жителями, с. Уй въ 5 юртъ съ 29 жителями, с. Дюанко въ 5 юртъ съ 25 жителями; (всѣ эти селенія названы именами тѣхъ рѣкъ, при устьяхъ коихъ расположены); дальше с. Датта въ 10 юртъ съ 59 жителями расположено при устьѣ р. Тунджи; по р. Тунджи находятся с. Оське въ 5 юртъ съ 27 жит., с. Хуту въ 5 юртъ съ 25 жителями и наконецъ с. Худодане, въ которомъ мнѣ не пришлось быть, состоитъ, какъ мнѣ говорили, изъ 4 юртъ съ 23 жителями. Кромѣ того по разбросаннымъ юртамъ живутъ 22 жителя.

Выборъ мѣста для селенія обусловливается пригодностью рѣки для захода въ нея рыбы для метанія икры. Изъ всѣхъ рѣкъ окрестностей Императорской гавани пригодны только слѣдующія: Ботиль, Коппи, Ходэ, Уй, Дюанко и Тунджа. Изъ нихъ первыя пять по своей величинѣ доступны для рыбы только при устьяхъ и на нѣсколько верстъ отъ нихъ вверхъ, вотъ почему на нихъ селенія Орочей расположены только при устьяхъ; рѣка же Тунджа по своимъ размѣрамъ доступна для входа въ нее рыбы на довольно большое разстояніе вверхъ, почему на этой рѣкѣ есть селеніе не только при устьѣ, но и по среднему и даже по верхнему ея теченію. Каждое селеніе, какъ находящееся въ зависимости отъ рѣки, можетъ болѣе или менѣе считаться постояннымъ, считать же жителей ея вполнѣ осѣдлыми, такъ сказать прикрѣпленными къ тому или другому селенію невозможно. Каждый Орочъ, по завѣтной привычкѣ къ кочеванію, причисляетъ себя къ тому или другому селенію и живетъ въ немъ до тѣхъ поръ пока житейскія обстоятельства позволяютъ ему жить; обстоятельства же въ жизни Орочей до того измѣнчивы, что рѣдкій Орочъ живетъ большую часть своей жизни въ одномъ и томъ же селеніи. Нынѣшній годъ, напр. какому нибудь Орочу, живущему въ Ходэ, пришло въ голову, что лучше ловить рыбу на р. Дюанко, онъ тотчасъ беретъ свои пожитки и отправляется жить на р. Дюанко; на оборотъ Орочъ съ Дюанко въ расчетѣ на лучшій уловъ на

Ходэ, отправляется такимъ-же образомъ на р. Ходэ и живетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока какіе нибудь расчеты не заставятъ его переселиться еще куда нибудь. На что уже мое пребываніе въ Императорской гавани было кратковременно, и то въ теченіи его нѣкоторые Орочи съ р. Ходэ три раза перемѣняли свое мѣстожительство, гоняясь за рыбой горбушей. Такимъ образомъ постоянство селеній почти не обусловливаетъ осѣдлости Орочей, говорю почти потому, во-первыхъ, что число рѣкъ, гожихъ для рыбной ловли, на столько незначительно, что невозможно мѣнять ихъ ежегодно, а во вторыхъ потому, что въ послѣднее время, благодаря вліянію русскихъ, и въ силу нѣкоторыхъ требованій властей, многіе изъ Орочей обзаводятся болѣе фундаментальными постройками, которыя волей неволей заставляютъ ихъ прикрѣплятся къ какой нибудь одной мѣстности, одному селенію. Каждый Орочъ живетъ при устьяхъ рѣкъ, слѣдовательно въ селеніи, исключительно ради рыбнаго промысла, дающаго ему главный насущный хлѣбъ, т. е. юколу, для приготовленія которой требуются нѣкотораго рода приспособленія въ его жилищѣ; вотъ почему въ селеніяхъ у каждаго Ороча жилище его, юрта, всегда бываетъ сдѣлана болѣе или менѣе основательно. Вблизи каждой юрты есть и другія постройки, служащія для сохраненія его имущества или предназначенныя для другихъ какихъ либо цѣлей. Но кромѣ недвижимаго, такъ сказать, имущества въ селеніяхъ каждый Орочъ имѣетъ еще по нѣсколько юртъ временныхъ, построенныхъ на мѣстахъ другихъ промысловъ, куда онъ въ извѣстныя времена года уходитъ жить или одинъ или съ семьей, смотря по обстоятельствамъ. Такъ на мѣстѣ пушнаго промысла каждый Орочъ имѣетъ отдѣльную юрту, причемъ если онъ зимуетъ въ ней одинъ, то строитъ маленькую, а если съ семьей, то болѣе основательную. Такъ какъ не всякій Орочъ можетъ предугадать, гдѣ ему придется зимовать, на мѣстѣ ли рыбной ловли, или на мѣстѣ пушнаго промысла, то многіе изъ нихъ дѣлаютъ склады своей провизіи, т. е. амбары (см. т. I, рис. 6), не при жильѣ, а приблизительно на половинѣ пути отъ лѣтняго жилья до зимняго, дабы въ томъ и другомъ случаѣ можно было бы пользоваться ими. Зажиточные же Орочи, могущіе имѣть по два и по три амбара, дѣлаютъ ихъ по большей части при жильѣ, одинъ амбаръ у лѣтняго жилья, другой у зимняго. Впрочемъ отдалять амбары отъ жилья у нихъ принято еще и въ видахъ пожара. Въ жизни Орочей не малую роль играетъ рыба хоё, дающая имъ не только вкусное мясо, но и кожу для одежды и обуви. Ловлѣ этой рыбы они посвѣщаютъ всю весну, избирая для ея улова особыя мѣста по берегу бухты, гдѣ многіе строютъ еще третье, такъ сказать, весеннее жилище. Такимъ образомъ каждый Орочъ имѣетъ минимумъ два или три жилища и одинъ или два бревенчатыхъ амбара для склада имущества. Странствуя по этимъ жилищамъ въ теченіи года, Орочи такимъ образомъ и становятся какъ бы бродячимъ народомъ.

Лишь одно у Орочей можетъ считаться болѣе или менѣе постояннымъ—это мѣсто пушнаго промысла. Каждый Орочъ по наслѣдству получаетъ въ свои владѣнія рѣку или ручей для ловли соболя; гдѣ ловилъ соболя отецъ, тамъ суждено ловить и его дѣтямъ. Я зналъ Орочей на рр. Уй и Дюанко, которые для ловли соболя подъ осень переѣзжаютъ на р. Ботиль, и наоборотъ при мнѣ пріѣхалъ одинъ Орочъ съ Ботиля на р. Уй для той же цѣли и на томъ основаніи, что отцы ихъ ловили соболя на этихъ рѣкахъ. На р. Уй живетъ самый старый изъ Орочей по имени Бѣлка, старикъ почтенный, ученый, какъ выражаются о немъ другіе Орочи,—(что значитъ ученый, увидимъ дальше) и этотъ старецъ, немогущій идти за соболемъ въ свою родовую рѣку, находящуюся верстъ на 70 отъ р. Уй, попросилъ позволенія у старшины ловить нынѣшній годъ соболя на р. Ходэ; старшина отказалъ. Нужно было видѣть съ какимъ огорченіемъ бѣдный старикъ принялъ это рѣшеніе; идти въ свою рѣку онъ не можетъ, а по близости ловить не велятъ, и можетъ быть въ послѣдній годъ своей долгой жизни онъ лишается такого удовольствія, какъ ловить соболя.

Величина рѣки пригодной для ловли соболя, должна быть незначительна, поэтому каждый Орочъ имѣетъ въ своемъ владѣніи небольшую какую либо рѣку или нѣсколько маленькихъ рѣченокъ, впадающихъ или прямо въ море, или въ одну изъ выше указанныхъ рѣкъ; большая же рѣка служитъ достояніемъ многихъ. Рѣка, оставшаяся за смертью бездѣтнаго владѣльца, поступаетъ тому, кто первый осенью захватитъ ее, или кому отдадутъ старшіе въ селеніи.

Въ видахъ пріученія Орочей къ осѣдлости начальство при посредствѣ избранныхъ изъ Орочей старшинъ принуждаетъ ихъ строить бревенчатые дома и разводить огороды. Такихъ домовъ выстроено пока три и всѣ поставлены не при устьѣ рѣкъ, а верстъ на 15 выше по рѣчкѣ, дабы можно было ими пользоваться какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Конечно въ этихъ случаяхъ каждый хозяинъ избралъ для мѣста своего жительства ту рѣку, на которой онъ ловитъ соболя, или по крайней мѣрѣ по близости къ этой рѣкѣ. Всѣ же остальные Орочи, какъ лѣтомъ въ селеніяхъ, такъ и зимою въ тайгѣ по рѣченкамъ живутъ въ такъ называемыхъ юртахъ. Болѣе обыкновенная изъ юртъ —это двухскатный балаганъ, имѣющій форму трехгранной призмы, поставленной на землю четыреугольной стороною; менѣе обыкновенна юрта двухскатная съ небольшими вертикальными стѣнками; такая юрта употребляется много-

людными семьями, гдѣ рабочихъ рукъ при ея постройкѣ можетъ участвовать сравнительно больше. Удобство ея состоитъ въ томъ, что внутри ея близъ продольныхъ стѣнокъ Орочи могутъ находится не только въ лежачемъ положеніи, какъ въ юртѣ перваго образца, но и въ сидячемъ. Таковыя же вертикальныя стѣнки дѣлаются иногда и въ юртѣ обыкновенной двухскатной, только съ внутренней стороны ея въ такомъ случаѣ вмѣстимость ея сокращается. Юрта, изображенная на т. I, рис. 3, есть временное жилье, построенное на скорую руку гдѣ-либо въ тайгѣ, на мѣстѣ продолжительной охоты, или на берегу бухты для ловли весною рыбы хоё, но не для ловли рыбы кэты и горбуши, употребляемой для юколы, для сушки которой всегда строятся юрты первыхъ двухъ видовъ, хотя бы ихъ пришлось строить и на короткое время. Есть у Орочей и переносная юрта, носимая охотникомъ за собою, когда онъ идетъ зимою на долгое время. Главная часть этой юрты есть пологъ изъ рыбьей кожи, представляющей изъ себя поверхность конуса съ небольшимъ на верху сѣченіемъ. Вбиваются 5—6 кольевъ конусообразно и покрываются этимъ пологомъ, и юрта, хорошо защищающая отъ непогоды, готова. Вбить 5—6 кольевъ не долго и всегда возможно, а пологъ легокъ и удобенъ для переноски. Діаметръ основанія такой юрты бываетъ около двухъ аршинъ и высота около $1^1/_2$ аршинъ.

Самый составъ двухскатной юрты состоитъ изъ довольно плотнаго ряда жердей, окаймляющихъ въ основаніи продолговатый четырехугольникъ (см. планъ юрты таб. I, р. 2). Одни концы жердей вбиваются въ землю, а другіе, связанные по два подъ угломъ (одинъ съ одной стороны другой съ противуположной) прикрѣпляются къ продольной перекладинѣ, составляющей, такъ сказать, конекъ всей постройки. Система жердей составляющихъ остовъ юрты, поистинѣ напоминаетъ систему стропилъ нашихъ построекъ, если представить себѣ, что стропила поставлены прямо на землю. Въ обоихъ концахъ остова оставляются незабранными жердями четырехугольныя отверстія для дверей. Для скрѣпы накладывается рядъ поперечныхъ жердей. Весь остовъ прикрывается корьемъ въ одинъ или два ряда, смотря по добротности коры. Сверхъ корья, дабы оно не сносилось вѣтромъ, накладывается еще рядъ жердей. Въ верху, около конька, оставляется одно или два, а иногда во всю длину конька, отверстія для выхода дыма, а въ узкихъ сторонахъ, какъ я уже сказалъ по одному четырехугольному отверстію для дверей. Дверь прикрывается или рыбьей кожей, натянутой на деревянную раму, или берестой, сшитой въ два слоя въ перекрестъ волокномъ. Двухскатная юрта дѣйствительно напоминаетъ обыкновенную крышу въ два ската, поставленную прямо на землю. Юрта съ вертикальными стѣнками отличается отъ предыдущей только тѣмъ, что крыша поставлена не прямо на землю, а на низенькія стѣнки, которыя дѣлаются или изъ тонкихъ бревенъ съ плохимъ скрѣпомъ по угламъ, или тоже изъ жердей, воткнутыхъ вертикально въ землю и обтянутыхъ корьемъ. Коническая юрта строится тоже изъ жердей и корья; въ этой юртѣ всегда бываетъ одна дверь (на рис. I, таб. 1-я изображенъ остовъ двухскатной юрты съ боку.)

Двухскатная юрта, смотря по числу душъ, въ ней помѣщающихся, варіируетъ по своимъ размѣрамъ въ слѣдующихъ предѣлахъ: по длинѣ она бываетъ отъ 2 до $3^1/_2$ саженъ, а въ ширину всегда бываетъ около 3 саженъ. Приблизительная одинаковость ширины объясняется тѣмъ, что по ширинѣ каждая юрта раздѣляется на три части, размѣры конхъ во всѣхъ юртахъ бываютъ одинаковы, т. е. по бокамъ юрты тянутся нары, шириною въ ростъ человѣка каждая, а по срединѣ очагъ съ промежуточными проходами занимаетъ отъ $2^1/_4$—3 аршинъ. Въ вышину отъ пола до конька юрта бываетъ отъ одной до $1^1/_2$ сажени, смотря по тому предназначается ли юрта для большаго заготовленія надъ ея очагомъ юколы, или для незначительнаго. Большая заготовка юколы требуетъ и большаго числа помостовъ надъ очагомъ, а слѣдовательно и большей высоты юрты. Юрта съ вертикальными стѣнками бываетъ отъ 3 до 4 саженъ въ длину, ширина же и высота, какъ зависящія отъ однихъ и тѣхъ же условій, бываютъ такія же, какъ въ юртѣ двухскатной. Юрта коническая, какъ временное жилье, не имѣетъ правильно устроенныхъ паръ и навѣсовъ надъ очагомъ, а потому размѣры ея бываютъ различны и опредѣляются не только числомъ душъ, въ ней помѣщающихся, но и продолжительностью времени, на которое она строится.

При такомъ устройствѣ юртъ въ нихъ возможно укрыться отъ дождя, но невозможно защититься отъ холода и вѣтра, который, очевидно, пронизываетъ ихъ, особенно зимою, по всѣмъ направленіямъ. Не подумайте благосклонные читатели, что при такой прекрасной вентиляціи въ юртахъ воздухъ всегда бываетъ чистъ. Смрадъ отъ дыма и рыбьяго жира, запахъ отъ прѣлаго тряпья и отъ всевозможныхъ выдѣланныхъ и не выдѣланныхъ кожъ и благоуханіе отъ нечистоплотности самихъ хозяевъ наполняютъ всю юрту и составляютъ неотъемлемую ея собственность во всѣ времена года.

Въ такой-то жизненной обстановкѣ и заключается причина быстраго вымиранія Орочей; всякая эпидемическая болѣзнь, разъ забравшись въ среду ихъ, находитъ себѣ почву и всѣ условія для своего развитія.

Каждая юрта по длинѣ раздѣляется двумя бревнами, толщиною въ четверть, на три почти равныя части, изъ конхъ боковыя, засыпанныя въ уровень съ бревнами землею, образуютъ небольшія возвышенія, нары, служащія

для спанья, а средняя часть занята очагомъ, длиною около $2^1/_2$ аршинъ, а шириною до $^3/_4$ аршина. Очагъ представляетъ изъ себя правильный четырехугольникъ, ограниченный четырьмя, положенными плашмя, жердями. Пространство между парами и продольными боками очага, а также между дверями и короткими сторонами очага, образуетъ проходъ приблизительно въ аршинъ шириною вокругъ всего очага. Надъ очагомъ на трехъ парахъ жердей, воткнутыхъ въ землю и достающихъ вершинами до крыши юрты, устраиваются изъ тонкихъ жердей помосты, числомъ два, три или болѣе, смотря по величинѣ юрты.

Нижній помостъ начинается на высотѣ $1^1/_2$ аршинъ надъ очагомъ, чрезъ аршинъ отъ него другой и такъ далѣе. Иногда второй или третій помостъ простирается не только надъ очагомъ, но и на всю юрту и представляетъ такимъ образомъ какъ-бы потолокъ юрты. Эти помосты предназначены для копченія юколы; къ нижнему кромѣ того, привѣшиваются одинъ или два деревянныхъ крючка для подвѣшиванія на нихъ котла для варки пищи. Изъ каждой рыбы вырѣзываютъ два продольныхъ мясистыхъ куска, которые прежде всего надѣваются на деревянныя веретена и ставятся вокругъ очага почти надъ самымъ огнемъ. Въ теченіи дня поворачиваютъ ихъ то однимъ бокомъ къ огню, то другимъ и къ концу сутокъ, когда мясо нѣсколько завялится, его снимаютъ съ веретеновъ (которые тотчасъ же занимаются новой рыбой) и кладутъ на первый помостъ, откуда она постепенно переходитъ на второй и на третій помосты, замѣняясь каждый разъ болѣе свѣжей. Когда такимъ образомъ всѣ помосты окажутся полными, тогда съ верхняго помоста юкола, совсѣмъ уже готовая, складывается въ берестовыя чумашки, перевязывается лыкомъ и относится въ амбары, а помостъ въ свою очередь занимается слѣдующей юколой.

Кромѣ очага съ помостами и еще двухъ или трехъ паръ досчатыхъ полокъ, прикрѣпленныхъ по бокамъ юрты по обѣ стороны отъ входа, другихъ построекъ внутри юрты нѣтъ. Дорогія мѣха, матеріи и лишніе запасы хранятся обыкновенно въ амбарахъ, остальной весь хламъ помѣщается тутъ же въ юртѣ, частью подвѣшенный на помосты и сложенный на полкахъ, а большею частью разбросанный по нарамъ, гдѣ спятъ и гдѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивается вся домашняя жизнь Ороча. На нарахъ они сидятъ, пьютъ, ѣдятъ, тутъ же совершаются и всѣ мелкія домашнія работы, мужъ вяжетъ невода, сѣти, куетъ стрѣлы, остроги и т. п., а жена шьетъ одежду, выдѣлываетъ изъ бересты различныя коробочки и т. п. Тутъ же среди всевозможныхъ шкуръ и тряпокъ спятъ и валяются грязныя дѣтишки, зачастую вмѣстѣ съ собакой или даже семьей собачьей. Хорошіе собаки и маленькія щенята большею частью держатся въ юртѣ. Рѣдкую вещь приходится спросить у Ороча такую, за которой ему приходится встать съ мѣста и достать гдѣ нибудь; обыкновенно же, наклонившись вокругъ себя въ ту или другую сторону, онъ можетъ дать вамъ все, что только можно ожидать отъ него. Спросите вы у него соболя, онъ тотчасъ достанетъ вамъ его изъ подъ какой нибудь шкуры или бересты, лежащей у него въ изголовьяхъ, спросите охотничьи и вообще промысловыя принадлежности, они тутъ же у него висятъ надъ головой, спросите какую нибудь мелочь, стоитъ ему только наклонится въ другую сторону и онъ вамъ сейчасъ же достанетъ ее изъ какой нибудь чумашки, валяющейся тутъ же среди хлама. Словомъ все, чѣмъ орочь можетъ похвастаться, помѣщается рядомъ съ нимъ, или въ ногахъ или подъ головой или подъ бокомъ.

Такимъ образомъ вся внутренняя обстановка слѣдующая: по срединѣ юрты продолговатый очагъ съ системою надвисшихъ надъ нимъ помостовъ, просалѣныхъ и прокопченыхъ до черноты; по бокамъ, отступя отъ него на аршинъ, возвышаются на четверть высотою нары, покрытыя берестой и переполненныя всевозможнымъ годнымъ и негоднымъ добромъ. По бокамъ отъ дверей на нижнихъ полкахъ и около нихъ помѣщается вся домашняя посуда и вообще утварь, а на верхнихъ нагромождены чуманы, переполненныя преимущественно женскимъ добромъ. Все это переполнено дымомъ и всевозможными смрадами, а посреди этого хаоса, какъ бы для оживленія картины, сейчасъ у входа на корточкахъ сидитъ хозяйка дома съ какой нибудь работой, а на нарахъ полулежа растянулся Орочъ съ трубкой въ зубахъ. Сидятъ они и оба молчатъ, погрузившись въ какую то глубокую думу; и если бы не движеніе ресницъ Ороча и не шевеленіе пальцевъ Орочки, то ихъ можно было бы принять тоже за груду хлама, такъ какъ одѣяніе ихъ до того грязно и изорвано, что издалека не мудрено смѣшать ихъ съ кучей тряпья. Если въ юртѣ живутъ двѣ семьи, то таже картина разбросана въ другомъ углу, у другой двери; бываютъ въ одной юртѣ и по три семьи и даже больше, но уже тутъ и не разберешь, гдѣ кончаются предѣлы одной четы и гдѣ начинаются другой.

Внѣшняя обстановка юртъ такая: если хозяинъ домовитый, то возлѣ юрты раскинутъ на четырехъ столбахъ навѣсъ изъ корья съ помостомъ изъ жердей, прикрѣпленныхъ къ столбамъ на высотѣ аршина полтора отъ земли. (См. таб. I, рис. 4). На помостѣ обыкновенно сложены всѣ дворовыя громоздкія вещи, нарты, остроги, весла и т. п., а подъ помостомъ, раскинувшись во всѣвозможныхъ позахъ, спасаются отъ жары стаи собакъ. По другую сторону юрты на вбитыхъ по парно кольяхъ положено горизонтально нѣсколько жердей для сушки невода и сѣти; тутъ же по близости имѣется помѣщеніе изъ сруба для какой нибудь живности или для медвѣдя, или лисы съ лисятами или для

какой нибудь привязанной дикой птицы; домашней живности, кромѣ собакъ, у Орочей нѣтъ никакой. Все остальное пространство вокругъ юрты утыкано кольями съ горизонтальными перекладинами для сушки втораго сорта юколы, а также юколы для собакъ.

Если хозяинъ шаманъ то по близости юрты можно видѣть рядъ различной величины кольевъ съ прикрѣпленными къ нимъ изображеніями животныхъ. На одномъ колѣ надѣто напр. изображеніе птицы, на другомъ медвѣдя, тигра, человѣка и т. п. (см. таб. 6, рис. 1-6). Если шаману нужно кормить своихъ идоловъ, то онъ для нихъ устраиваетъ небольшую загородь и ставитъ ихъ на помостъ или пень. Иногда самый пень обдѣлывается въ видѣ какого нибудь болвана. У болѣе лѣнивыхъ и бѣдныхъ Орочей недостаетъ обыкновенно навѣса и помѣщенія для живности, которую въ этомъ случаѣ и не заводятъ. Колья же для сушки юколы и сѣтей въ достаточномъ количествѣ окружаютъ каждую юрту.

Такихъ 6 или 7 юртъ, поставленныхъ при устьѣ какой либо рѣчки, составляютъ селеніе Орочей. Юрты обыкновенно располагаются въ рядъ, иногда впрочемъ неправильный вдоль берега и всегда концами по линіи господствующихъ вѣтровъ, дабы можно было при случаѣ сквознымъ вѣтромъ провѣтривать юрту отъ дыма, а также смотря по вѣтру входить въ ту или другую дверь. Природа, обильная дарами въ этихъ укромныхъ уголкахъ, обыкновенно не заставляетъ долго изыскивать мѣста для селенія. Низменный бережекъ, окаймленный лѣсистой горою съ тылу и служащій предѣломъ травянистой рѣченки, скрывающейся на горизонтѣ гдѣ-то въ ущельяхъ горъ, вотъ и мѣсто, подходящее для селенія Орочей.

Съ разсвѣтомъ пробуждается населеніе; мужья послѣ питья чая отправляются на рыбную ловлю, а жены кормятъ дѣтей и собакъ и принимаются за уборку готовой юколы и за очистку мѣста для свѣжей. Часа черезъ два возвращаются съ работы мужья и, развѣсивъ свою мокрую одеженку, въ полуголомъ видѣ садятся опять за чай, а жены, окруженныя вереницею дѣтей и собакъ, принимаются за обдирку и за разрѣзку на юколу свѣжей рыбы, обрѣзки и потроха которой чрезъ полчаса запружаютъ почти весь берегъ. Гамъ дѣтей, сосущихъ рыбьи головы, ворчанье дерущихся собакъ и гарканье воронъ на этотъ разъ нарушаютъ тишину угрюмой окружающей тайги. Послѣ уборки рыбы женщины готовятъ обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ одной вареной рыбы, да нѣсколькихъ чашекъ чаю съ юколой, а мужья продолжаютъ благодушествовать, чѣмъ обыкновенно заняты вплоть до вечерняго улова, если нѣтъ никакой спѣшной работы. Жены же работаютъ какъ до обѣда, такъ и послѣ обѣда. Послѣ вечерняго улова время проходитъ также, какъ и послѣ утренняго. Съ угасомъ зари семья Орочей ложится спать и если сосѣдній шаманъ не вздумаетъ оглашать окрестность ударами о бубенъ и своими дикими, раздирающими душу, завываніями, то наступаетъ полнѣйшая тишина, изрѣдка нарушаемая воемъ собакъ, головъ въ 50 сразу. Для человѣка непривычнаго этотъ вой кажется чѣмъ то невѣроятнымъ. Когда я услышалъ его въ первый разъ, то никакъ не могъ сразу сообразить, что такое вокругъ меня творится, и только тогда, когда Орочъ закричалъ на нихъ свое обычное „тай“, и собаки одна за одной стали затихать, то тогда только я различилъ, что это вой собакъ.

Занятія Орочей между мужчиной и женщиной распредѣляются слѣдующимъ образомъ: все, что относится къ добыванію и къ пріобрѣтенію находится въ рукахъ мужчины, а что касается до обдѣлыванія и обработки добытаго, все это лежитъ на обязанности женщины. Такъ, добыть рыбу, какого нибудь звѣря, заготовить бересты, корья, дровъ и т. п.— это дѣло мужчины, приготовить же рыбу во всѣхъ ея видахъ, выдѣлать кожу, сдѣлать изъ нея одежду, выварить бересту и употребить ея на различныя подѣлки — это лежитъ на обязанности женщины. Но такъ какъ требованія Орочей не прихотливы, а окружающая природа обильна, то занятія мужчины, хотя и трудны и подъ часъ рискованы, но не продолжительны; занятія же женщины хотя и не трудныя, но за то обильныя и кропотливыя. Вотъ почему Орочъ, когда на него не посмотри, все лежитъ да трубку куритъ, а женщина все что нибудь да дѣлаетъ. Стоитъ Орочу выдти на сутки въ тайгу на охоту, онъ запасается всѣмъ нужнымъ на цѣлую недѣлю, а женщина въ теченіи недѣли все это обдѣлай и подготовь къ употребленію.

Есть только нѣсколько работъ, которыя Орочамъ приходится совершать и не въ урочный часъ; такъ, напр., поправка рыболовныхъ и охотничьихъ принадлежностей, ремонтъ юрты, подѣлка и поправка лодокъ и т. п. Есть у нихъ и уважаемое ремесло — это кузнечное мастерство, за которымъ они проводятъ многіе часы досуга. Большинство изъ Орочей имѣетъ небольшой кузнечный мѣхъ и кузнечныя принадлежности. Ножи и незатѣйливыя вещи изъ желѣза каждый можетъ дѣлать самъ для себя, стрѣлы же, копья и т. п. могутъ дѣлать только нѣкоторые мастера, которые обыкновенно и называются кузнецами. Каждый кузнецъ имѣетъ отдѣльную мастерскую, помѣщающуюся въ маленькой конической юрточкѣ и считается мастеромъ не только желѣзныхъ издѣлій, но и серебряныхъ, такъ какъ выдѣлываетъ серебряныя серги, кольца, браслеты и т. п. Этимъ же мастерамъ доступны даже и такія вещи, какъ механизмъ ружья. Нетолько Орочи, но и солдаты мѣстной команды отдаютъ имъ въ починку свои ружья.

Другихъ домашнихъ занятій, направленныхъ къ улуч-

шенію его быта, у Ороча нѣтъ, да онъ, при своей невзыскательной и апатичной натурѣ, и не изыскиваетъ ихъ; было бы что ѣсть, а какого качества ѣда, для него безразлично. Въ видахъ пріученія ихъ къ осѣдлости, русское начальство, побуждаетъ ихъ строить себѣ деревянные дома и разводить огороды; въ письменномъ наказѣ, данномъ мѣстнымъ начальствомъ одному ороческому старшинѣ, кромѣ того предлагается Орочамъ заводить свиней и куръ, съ указаніемъ даже мѣстности, гдѣ ихъ можно купить. Но все это пока значится только въ наказахъ; дома строятъ и огородъ разводятъ одни только старшины, да и то не всѣ, про разведеніе же домашней живности, они, какъ видно, и забыли. Когда я прочиталъ имъ этотъ наказъ, то видно было, что они тутъ только вспомнили, что имъ было приказано года $1^1/_2$ тому назадъ относительно свиней и куръ. Нельзя сказать, чтобы Орочъ былъ лѣнивъ и не сознавалъ пользы того, что требуется отъ него этимъ наказомъ; онъ большой лакомка до огородныхъ овощей и не прочь пожить въ теплой хатѣ, но въ силу какой то вѣковой инерціи, ведущей его по прадѣдовскому пути, онъ не можетъ перебороть себя,—бросить старое и взяться за новое; къ тому же по его представленію возмездіе за занятія, навязываемыя этими наказами, не стоитъ того, чтобы взяться за нихъ по серьезнѣе, въ ущербъ его вѣковымъ привычкамъ и трудамъ.

Пищею имъ служитъ исключительно почти рыба и мясо дикихъ животныхъ. Ѣдятъ они всякую живность: рябчикъ, олень и т. п. идетъ наравнѣ съ вороной, нерпой, бѣлкой и т. п.; не ѣдятъ развѣ только змѣй, которыхъ почему-то считаютъ не чистыми. *„Орочъ*, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, *умный все кушай; если Орочъ одно кушай, а другое не кушай, то скоро умирай“*. Любимымъ кускомъ считается медвѣжина. Мучная пища считается лакомствомъ, но мало такихъ богачей, которые могутъ употреблять ее часто. Исключеніе составляетъ одинъ хадэнскій старшина, по имени Ванька Кузнецъ, онъ же и мѣстный купецъ, который имѣетъ деревянный домъ, гдѣ можно встрѣтить не только крупу и муку, но даже самоваръ, лампу и даже часы и шарманку.

Ѣдятъ и варятъ пищу съ солью, но неособенно претендуютъ, если ея нѣтъ. Варятъ исключительно въ чугунныхъ, манджурскаго привоза, котлахъ, которые считаются необходимымъ достояніемъ каждаго, живущаго своимъ домомъ; такую же необходимую принадлежность составляетъ и чайникъ, въ большинствѣ случаевъ тоже манджурской подѣлки. Сваренное мясо берется каждымъ изъ общаго котла большой ложкой (Таб. IV, рис. 1) и накладывается въ небольшія деревянныя чашечки (Таб. IV, рис. 2) или берестовыя чумашки (Таб. IV, рис. 3) откуда переносится въ ротъ двумя палочками, на подобіе манзовскихъ (Таб. IV, рис. 4). Иногда хозяйка выкладываетъ все сваренное мясо изъ котла въ общую чашку или чумашку, поставленную на небольшой столикъ, вокругъ котораго садятся всѣ члены семейства, и въ этомъ случаѣ такими же палочками всѣ ѣдятъ изъ общей чашки. Жидкую пищу Орочи почти не употребляютъ и всякій наваръ отъ мяса выливаютъ собакамъ. Одинъ лишь наваръ считается вкуснымъ и употребляется въ пищу, это наваръ изъ рыбьихъ головъ, смѣшанный съ оленьимъ или нерпичьимъ жиромъ. Жидкую пищу составляетъ одинъ почти чай, который въ большомъ употребленіи и пьется почти всегда съ юколой. Вообще юкола у Орочей играетъ такую же роль, какъ хлѣбъ у русскаго; чай пьетъ съ юколой, жиръ ѣстъ съ юколой, когда нужно закусить на ходу или во время ѣзды, Орочъ ѣстъ тоже юколу. Юкола, смотря по ея приготовленію, различается въ трехъ ея видахъ и достоинствахъ. Орочка однимъ ударомъ ножа отрѣзаетъ отъ свѣжей рыбы голову, которую или отдаетъ хныкающему ребенку для сосанья или собираетъ отдѣльно для выварки къ обѣду, затѣмъ разрѣзаетъ рыбу вдоль спины, миновавъ позвоночный хребетъ ея, и нажатіемъ ножа отдѣляетъ отъ костей мясо со спины и реберъ; такимъ же образомъ отдѣляетъ мясо и съ другой стороны рыбы. Нарѣзавши такихъ кусковъ въ одинъ разъ съ полсотни, она дѣлитъ ихъ на три части. Одну часть конечно лучшую, надѣваетъ на вертела и надрѣзываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ поперекъ, затѣмъ поджариваетъ на огнѣ, вокругъ очага и кладетъ на помосты на цѣлое лѣто. Получается такимъ образомъ юкола чисто копченая и перваго достоинства. Вторая часть кусковъ кладется прямо на помосты для копченія. По истеченіи извѣстнаго срока, если мѣсто на помостахъ потребуется для болѣе свѣжей юколы, то ее выносятъ на солнце для досушиванія; это юкола втораго сорта. Третій сортъ юколы получается изъ третьей части кусковъ, вывѣшенныхъ прямо на солнце; это юкола вяленая. Кости отъ рыбъ и всякая костлявая рыба сушится на солнце на юколу для собакъ. Большимъ лакомствомъ считается жованная юкола пополамъ съ какой нибудь ягодой. Лѣтомъ, когда приходятъ гости, хозяйка беретъ одну или двѣ юколы и пережовывая ее, сливаетъ въ чашку; наполнивъ чашку до половины, вторую половину добавляетъ ягодой, перемѣшиваетъ все и десертъ готовъ.

Мнѣ не удавалось видѣть, чтобы Орочи ѣли мясо въ сыромъ видѣ, видѣлъ только дѣтишекъ, сосущихъ рыбьи головы. Впрочемъ слышалъ отъ ихъ самихъ, что зимою они ѣдятъ струганину изъ мерзлой сырой рыбы и нѣкоторыхъ частей мяса животныхъ.

Звѣровой и рыбный промыслы доставляютъ Орочамъ не только пищу, но и необходимый матеріалъ для одежды и обуви. Лѣтомъ и весной каждая Орочка старается заго-

товить не только юколу изъ рыбы, но также запасается и кожей ея. Кожу для одежды и обуви Орочки снимаютъ не только съ кэты и горбуши, но и вообще со всѣхъ большихъ рыбъ, такъ напр. съ кунджи, съ чумы, трески и т. п., но главнымъ образомъ съ рыбы хое. Сдѣлавъ надрѣзъ вдоль линіи живота, Орочка очень ловко и проворно обдираетъ кожу съ обоихъ боковъ рыбы; гдѣ были плавники, образуются дыры, на которыя затѣмъ кладутся заплатки. Каждая шкурка растягивается на палочки и засушивается или на солнцѣ или подъ очагомъ, гдѣ она и прокапчивается, отъ чего лучше за тѣмъ выдерживаетъ сырость. Дальнѣйшая обработка производится такъ: на толстомъ бревнѣ дѣлается выемка глубиною дюйма въ два и шириною въ дюймъ; сухую шкурку, скомкавши, какъ попало, кладутъ въ эту выемку и начинаютъ бить по ней сильно затупленнымъ желѣзнымъ топоромъ, или сдѣланнымъ спеціально для этого деревяннымъ топоромъ. Шкурка, повороченная нѣсколько разъ подъ ударами, становится мягкою и годною для употребленія. По прочности перваго считается кожа рыбы хое, изъ которой главнымъ образомъ изготовляется обувь и мужскіе наколѣнники, затѣмъ кожа кэты, изъ которой дѣлается верхняя одежда. По красотѣ первою считается кожа кунджи, которая имѣетъ темныя пятна. Изъ этой кожи шьютъ парукавники, украшенія на спину и нарядные дѣтскіе костюмы.

Мужчины кромѣ обуви и нѣкоторыхъ мелочей костюма изъ рыбьей кожи ничего не носятъ. Для зимней охоты рыбья кожа холодна, а лѣтомъ, вслѣдствіе ея раскисанія отъ воды, для мужчинъ, часто находящихся или на водѣ или подъ дождемъ, она не удобна. По этому костюмы изъ рыбьей кожи носятъ только дѣти и женщины, которымъ лѣтомъ приходится проводить время больше въ сухости, а зимою не въ большомъ холодѣ. Сравнительно большая часть костюма мужчины, а также и женщины, дѣлается изъ китайской дабы, или изъ какой либо матеріи, привозимой Орочамъ купцами. Зимняя и вообще теплая одежда шьется по преимуществу изъ шкуръ собакъ, которыхъ для этого разводятъ въ большомъ количествѣ, а также и изъ лисы. Покрывала, одѣяла, постели и т. п. дѣлаются изъ медвѣдя, кабарги, оленя и пр. Соболь и выдра идутъ только на отдѣлку, да и то только у богатыхъ. Имѣя большой запасъ мѣховъ, Орочи за большія суммы иногда покупаютъ у мандзъ ватные халаты и даже бараньи шубы.

Одежда мужчинъ слѣдующая: халатъ изъ дабы или какой либо другой матеріи, длиною нѣсколько ниже колѣнъ, съ застежками по всей длинѣ полъ, при чемъ верхняя застежка приходится съ боку около плеча. Преобладающими цвѣтами для халата является бѣлый и синій и рѣдко коричневый. Кругомъ шеи и по длинѣ полъ нашивается въ одинъ или два ряда узенькая коемочка другаго цвѣта, чѣмъ халатъ. Такая же коемочка обводится и вокругъ рукавовъ. У рѣдкаго Ороча имѣется нижняя сорочка изъ ситцу, обыкновенно же халатъ замѣняетъ ему и верхнюю одежду и рубаху, въ крайнемъ случаѣ онъ надѣваетъ два халата, при чемъ болѣе старый сверху, а болѣе новый снизу. Штаны всегда и у всѣхъ двойные, т. е. собственно штаны, съ короткими штанинами и наколѣнники, закрывающіе ногу начиная отъ ступни вплоть до половины бедра. Штаны держатся на поясницѣ при помощи пояса, къ которому по бокамъ привязываются на длинныхъ ремешкахъ наколѣнники. Собственно штаны всегда бываютъ изъ матеріи, наколѣнники же бываютъ различные, или изъ матеріи, или изъ рыбьей кожи, или изъ кожи нерпы или изъ какого либо еще мѣха, и смотря по надобности Орочъ надѣваетъ или тѣ или другіе. Зимніе халаты такого же покроя, какъ и лѣтніе, шубы же всегда короче халатовъ. Обувь главнымъ образомъ шьется изъ рыбьей кожи, впрочемъ встрѣчается и изъ мѣха кабарги для зимы и изъ выдѣланной кожи оленя для лѣта. Обувь изъ кожи оленя или изъ кожи рыбы, съ подошвами изъ кожи оленя, носится лѣтомъ, когда отъ тренія о землю рыбная обувь скоро рвется, зимой же, когда Орочъ ходитъ большею частію на лыжахъ, употребляется обувь изъ рыбьей кожи. Лѣтомъ Орочи большею частью ходятъ безъ шапокъ, только во время дождя одѣвается шляпа изъ бересты, представляющая изъ себя конусъ съ широкимъ основаніемъ и съ небольшой высотой. Для зимы же имѣются мелкія шапочки изъ кожи съ ногъ оленя или кабарги и шарфъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, который надѣвается и на шею и на голову вокругъ шапочки. Когда Орочъ берется за какую либо работу, то дабы широкіе рукава халата не мѣшали ему, онъ обвязываетъ ихъ около кисти руки особыми, шириной въ ладонь, повязками, парукавниками изъ рыбьей кожи или изъ матеріи. Такими же повязками онъ обвязываетъ и наколѣнники около ступни. Необходимую принадлежность каждаго Ороча составляетъ поясъ, которымъ подпоясывается халатъ и къ которому всегда, гдѣ бы Орочъ не находился, привязаны два ножа въ берестовыхъ или кожанныхъ ножнахъ. Одинъ ножъ узенькій, длинный, изгибающійся по произволу Ороча; этотъ ножъ замѣняетъ Орочу всякій инструментъ, имъ онъ просверливаетъ дыры, строгаетъ какъ рубанкомъ, выдалбливаетъ и вырѣзываетъ все, что угодно. Другой ножъ короче и шире, употребляется для ѣды и вообще для незатѣйливой работы. Табакъ большею частью носится въ берестяныхъ коробочкахъ, которыя всегда кладутся за пазуху, у нѣкоторыхъ же для табаку имѣются киссты съ мѣдной или костяной бляхой, прикрѣпленной къ ременной затяжкѣ; кисетъ при помощи этой бляхи, перекинутой чрезъ верхнюю застежку халата, виситъ подъ верхней полою халата. Вотъ и все мужское

одѣяніе, какое только мнѣ приходилось видѣть; есть у нихъ, какъ говорили мнѣ, халаты и изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, но этихъ халатовъ они почти не носятъ, а только любуются ими. Дорогіе халаты, а также куски шелковыхъ матерій, которыхъ у богатыхъ бываетъ кусковъ до 20 и болѣе, идутъ у Орочей на калымъ, т. е. на выкупъ невѣсты и на покрывала для богатыхъ покойниковъ. Шелковыя матеріи и даже парчу не разъ доводилось мнѣ видѣть въ гробахъ.

Женскій костюмъ покроемъ мало разнится отъ мужскаго, только онъ бываетъ всегда яркихъ цвѣтовъ и на немъ всегда больше украшеній въ видѣ мѣдныхъ бляхъ и разноцвѣтныхъ обшивокъ и узоровъ. Преобладающими цвѣтами являются желтый и красный, затѣмъ голубой и коричневый. Если костюмъ желтый, то полы, подолъ и рукава обшиваются широкой коймою краснаго или голубаго цвѣта, и наоборотъ; такимъ образомъ женскій халатъ всегда двухъ и даже трехцвѣтный. Женщины ходятъ большею частью въ двухъ халатахъ, нижній, болѣе новый, всегда застегнутъ, а верхній болѣе старый, всегда на распашку. Нѣкоторыя вмѣсто нижняго халата носятъ передникъ, которымъ прикрывается весь передъ, начиная отъ шеи и почти до полу. Наколѣнники и нарукавники отличаются отъ мужскихъ только узорами. Обувь всегда изъ рыбьей кожи. Для лѣта головныхъ уборовъ, кромѣ платковъ, да и то не у всѣхъ, нѣтъ. Зимою кромѣ платка носятъ еще мѣховые наушники, которые прикрываютъ не только уши, но и большую часть головы. У нѣкоторыхъ женщинъ въ видѣ украшенія пришиваются на спинѣ халата двѣ широкія ленты, обшитыя соболемъ и увѣшанныя различными побрякушками. Необходимымъ украшеніемъ женщины служатъ серьги, состоящія изъ серебрянаго кольца діаметромъ въ дюймъ, и нѣсколькихъ кружковъ изъ цвѣтнаго камня, привѣшанныхъ къ кольцу. У богатыхъ такихъ сережекъ надѣто въ каждомъ ухѣ по 3 и по 4 штуки. Нѣкоторыя носятъ небольшія сережки и въ поздряхъ. Браслеты и кольца есть, но не у многихъ. Костюмъ изъ рыбьей кожи приблизительно такой же, только коймы и узоры на немъ не нашиты, а наведены краской. Бляхи же нашиваются на обоихъ.

Занятія Орочей, указанныя мною выше, суть занятія второстепенныя, совершаемыя ими или по необходимости, или отъ нечего дѣлать. Главное же занятіе — это пушной промыселъ и вообще охота. Даже рыбный промыселъ и то нѣкоторыми богатыми въ послѣднее время иногда избѣгается, пушной же никогда. Какъ бы Орочъ не былъ богатъ, сколько бы ни было запаса у него пушнины, онъ ни за что не откажется отъ охоты за соболемъ; развѣ только больные и дряхлые старики не ловятъ соболя и въ этомъ случаѣ сильно негодуютъ на судьбу.

Я намѣренъ былъ взять съ собою во Владивостокъ въ прислуги одного 15-лѣтняго Ороча, который одну зиму уже ловилъ соболя. Давалъ ему по 7 руб. въ мѣсяцъ жалованья, необходимую для него одежду и обязывался чрезъ годъ доставить его обратно; *„тамъ можно соболя промышляй,“* спросилъ онъ меня, и когда я отвѣтилъ, что нѣтъ, то онъ окончательно отказался отъ предложеннаго добавивъ *„моя такъ у тебя живи лѣтомъ, деньги моя не надо, только соболя пусти промышляй.“* Другой фактъ такой — у мѣстнаго рыбопромышленника г. Блюмстера живетъ работникъ, бездомный сирота Орочъ, который съ тѣмъ условіемъ и нанимался къ нему, чтобы онъ осенью и въ началѣ зимы пускалъ его на соболиный промыселъ.

„Промышлять соболя“ — это все, вокругъ чего группируется жизнь Ороча. Вся лѣтняя и весенняя жизнь состоитъ изъ ряда приготовленій къ пушному промыслу.

Рыбу заготовляютъ лѣтомъ для того, чтобы зимою быть свободнѣе для пушнаго промысла, одежду шьютъ для того, чтобы зимою было въ чемъ ходить на охоту. Казалось бы, что нѣкоторыя работы съ большимъ удобствомъ могли бы быть совершаемы зимою, но спросите, отчего Орочъ дѣлаетъ ихъ лѣтомъ, онъ отвѣтитъ вамъ, что такими дѣлами заниматься нельзя зимою, когда надо соболя ловить.

Началомъ пушнаго промысла считаются первыя числа Октября, когда выпадетъ первый снѣжокъ. Недѣли за двѣ до этого времени каждый Орочъ, управившись съ юколой и вообще со всѣми лѣтними заботами, начинаетъ подготовляться къ ловлѣ соболя; приводитъ въ порядокъ всѣ снасти, исправляетъ все, что испортилось, и дѣлаетъ вновь то, чего недостаетъ. Какъ только снасти готовы и началъ идти снѣжокъ, Орочъ, по старинному вѣрованію, идетъ въ тайгу на горы молиться Богу, дабы Богъ помогъ ему преодолѣть всѣ, могущія быть, несчастія, и послалъ ему лучшую удачу въ промыслѣ. Сверхъестественная сила, въ рукахъ которой состоитъ вся жизнь Ороча и возможность распоряжаться всякою живностью въ тайгѣ, называется у Орочей Андури. Вотъ этому то Андури каждый Орочъ, хотя бы былъ и христіанинъ, предъ отправленіемъ на промыселъ, считаетъ долгомъ помолиться. Впрочемъ нѣкоторые молятся не предъ отправленіемъ на охоту, а послѣ того, какъ только разставятъ всѣ снасти и ловушки. Въ томъ и другомъ случаѣ порядокъ молитвы бываетъ слѣдующій: каждый домовитый Орочъ лѣтомъ старается пріобрѣсти фунта два крупы и заготовить какой либо ягоды. Изъ этой крупы приготовляется каша, не женою, а самимъ Орочемъ, перемѣшивается съ ягодою и обливается нерпичьимъ или оленьимъ жиромъ. Если нѣтъ крупы, то приготовляется каша изъ толченой юколы и ягоды. Зашедши въ

въ тайгу Орочъ садится на колѣни и говоритъ: *„Андури, Андури, я Орочъ бѣдный, часто хворай, нога боли, рука боли, долго тайга ходи не могу, пошли моя пленка соболя лучше и больше, пошли моя стрѣла оленя, моя ловушка кабарожку“* и пр. Прочитавъ завывающимъ голосомъ всю свою просьбу, Орочъ разбрасываетъ на всѣ 4 стороны приготовленную имъ кашу, если есть при этомъ у него водка, то разливаетъ и водку. Въ этотъ день до вечера Орочъ ничего не дѣлаетъ, а на другой день рано утромъ беретъ съ собою все необходимое и уходитъ изъ юрты въ тайгу для разстановки пленокъ и стрѣлъ на нѣсколько дней. Съ собою Орочъ беретъ фунта 4 крошеной юколы, для чего у каждаго имѣется мѣшочекъ изъ рыбьей кожи, шириною дюйма въ 4 и глубиною дюймовъ въ 5 и кусокъ кирпичнаго чаю съ чайникомъ. На себя надѣваетъ короткую шубу изъ мѣха собаки и теплыя изъ перпячьего мѣха наколѣнники; подпоясывается фартукомъ изъ рыбьей кожи, дабы полы одежды не рвались о вѣтки, и, если есть, то захватываетъ съ собою и переносную юрту. Съ такимъ запасомъ провизіи и съ такими приспособленіями для ходьбы и ночлега Орочъ, странствуя по тайгѣ нѣсколько сутокъ сряду, терпитъ много холоду и голоду. Спитъ въ холодной юртѣ у огонька, или зарывшись въ сугробъ снѣга; въ погонѣ за соболемъ удаляется все дальше и дальше въ тайгу до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ вся провизія. Обратный путь въ теченіи двухъ или трехъ сутокъ совершаетъ безъ провизіи. Про одного Ороча говорили мнѣ, что онъ предъ отправленіемъ на охоту ужасно много ѣстъ, а когда пойдетъ на охоту, то уже съ собою ничего не беретъ изъ провизіи и ходитъ такъ иногда дней 6 и 7.

Осенью, когда вся тайга покрывается снѣгомъ, а быстрыя рѣчки не успѣли еще покрыться льдомъ, Орочи ловятъ соболя пленкой. (Таб. II, рис. 3). Пленкой называется веревочка съ волосяною петлей. Зная обыкновеніе соболя переходитъ всѣ небольшія рѣчки и ручьи чрезъ перекинутыя чрезъ нихъ деревья, каждый Орочъ дѣлаетъ такихъ перекладинъ на своей родовой реченкѣ иногда штукъ 20 и больше и на каждой такой перекладинѣ ставитъ пленку. (Таб. II, рис. 3). Бревно перекинуто съ берега на берегъ чрезъ реченку, пригнутая веревкой палка есть или сучекъ того же дерева, или отдѣльно воткнутая въ дно или берегъ рѣки длинная, сырая жердь. На бревнѣ вбиваются три небольшіе колышка *a*, крайніе длиннѣе, а средній короче; крайніе кромѣ того соединены перекладинкой *d*. Между колышками и этой перекладинкой образуется отверстіе величиною, потребною для того, чтобы соболь могъ проскочить чрезъ него. На срединѣ пленки есть небольшой крючечекъ *b*. Одинъ конецъ пленки привязывается къ концу жерди, которая пригибается къ бревну и закрѣпляется крючкомъ *e* за средній колокъ. Другой конецъ пленки, именно волосяной, складывается въ петлю и разставляется между колышками *a*; кругомъ колышковъ натыкаются вѣтки для маскированія и для того, чтобы соболь не перепрыгнулъ, а полѣзъ чрезъ отверстіе. Соболь, полезшій между колышками, задѣваетъ петлю плечами и срываетъ крючекъ *e*, отчего жердь выпрямляется и душитъ соболя, подвѣсивъ его такимъ образомъ надъ водою.

Ловля соболя пленкою считается у Орочей самымъ лучшимъ способомъ, во-первыхъ потому, что шкура получается вполнѣ цѣлая, и во-вторыхъ потому, что соболь въ пленкѣ можетъ оставаться нѣсколько дней, если только хозяинъ почему либо замѣшкается навѣстить его, нетронутымъ никакимъ животнымъ, такъ какъ оказывается подвѣшеннымъ надъ водою. Въ другихъ же ловушкахъ иногда случается такъ, что соболь раньше прихода Ороча, бываетъ растерзанъ лисой или воронами. Наставивши пленокъ вдоль всей своей рѣчки, Орочъ отходитъ на сутки въ сторону отъ нихъ, дабы своимъ присутствіемъ не пугать соболя. Вотъ въ это-то время нѣкоторые и молятся Андури. На другой день онъ возвращается домой, заходя къ каждой пленкѣ, и если гдѣ есть соболь, снимаетъ его и ставитъ пленку снова. Нѣкоторые при этомъ успѣваютъ по сторонамъ рѣки, если только замѣтятъ слѣдъ какого нибудь животнаго, настораживать луки и другія ловушки. Сдѣлавъ, такъ сказать, обходъ всѣхъ своихъ пленокъ и лучковъ, если таковые были поставлены, Орочъ возвращается домой для одного или двухдневнаго отдыха, запасается провизіей и идетъ опять для обхода пленокъ и лучковъ. Таковые обходы Орочъ совершаетъ до тѣхъ поръ, пока его рѣченка окончательно не замерзаетъ и не покроется снѣгомъ, тогда пленки, недостигающія своей цѣли, снимаются, и начинается ловля соболя настороженными лучками и ловушками.

Лучекъ настораживается по направленію, перпендикулярному къ слѣду, ведущему къ водопою, или къ логовищу, или къ другому мѣсту, постоянно посѣщаемому животнымъ (Таб. II, рис. 1). На двухъ колышкахъ и горизонтальной перекладинкѣ *b* натягивается лукъ, тетива котораго задѣвается за одинъ конецъ курка *c*, другой конецъ курка вкладывается въ петлю *d*, къ которой привязывается длинная веревочка *f*. Веревочка *f* перетягивается черезъ слѣдъ животнаго, натягивается и закрѣпляется за какое нибудь дерево. Животное проходя по своему обычному слѣду, задѣваетъ веревочку *f*, отчего петля *d* соскакиваетъ съ курка *c* и тетива толкаетъ стрѣлу въ животное. Лучекъ на соболя и лучекъ на другое животное разнятся величиною, а также величиною стрѣлы и кольевъ, на которыхъ онъ натягивается. При настораживаніи всегда

расчитывается, чтобы стрѣла угадила прямо въ сердце животнаго; по этому стрѣла на оленя приходится фута на 2 отъ земли, стрѣла на выдру на четверть, а на соболя и того меньше.

Ловушка устраивается такъ: отыскивается дерево съ дуплом; дупло должно быть minimum въ четверть шириною и должно находиться на высотѣ 1 или $1^1/_2$ аршинъ отъ земли. Затѣмъ берутъ толстую, длинную жердь и вставляютъ одинъ конецъ ея въ дупло, гдѣ она поднирается маленькой палочкой, къ которой привязывается приманка, большею частію рыба. Соболь, полезшій за приманкой въ дупло, сталкиваетъ подпорку, отчего жердь подается и тутъ же въ дуплѣ придавливаетъ его.

Странствуя въ теченіи всей зимы на лыжахъ по тайгѣ съ хорошо выдресированной собакой, Орочъ не пропускаетъ случая поохотиться за соболемъ съ ружьемъ или съ ручнымъ лукомъ. При случаѣ, если собака отыщетъ соболя, она старается загнать его на какое либо дерево, гдѣ его Орочъ бьетъ пулей или стрѣлою. На тотъ случай, когда соболь спрячется въ дупло или въ нору, у многихъ Орочей есть съ собою маленькая мѣшкообразная сѣтка, которую они разставляютъ предъ отверстіемъ, куда спрятался соболь, и начинаютъ стукомъ и крикомъ выгонять его оттуда. Соболь выскакиваетъ прямо въ сѣтку, гдѣ тотчасъ же загрызается собакою или убивается охотникомъ. (Таб. II, рис. 4). Вотъ и всѣ способы ловли и охоты за соболемъ.

Въ погонѣ за соболемъ Орочъ не пропускаетъ случая добыть и другихъ животныхъ, идущихъ ему въ пищу, или на одежду, или составляющихъ для него такой же торговый интересъ, какъ и соболь. Къ послѣднимъ нужно причислить лисицу, выдру, кабаргу и бѣлку. Волка и енота въ предѣлахъ Императорской гавани нѣтъ.

Лисица убивается стрѣлами и ружьемъ, но больше добывается отравою и ловится собаками. Ядъ для отравы доставляютъ имъ Маньджуры чрезъ Гольдовъ. Въ послѣднее время русскіе купцы начали доставлять имъ и стрихнинъ, но съ нимъ умѣютъ обходиться только два Ороча. Выдра, въ силу своей привычки выходитъ всегда изъ воды на сушу по одной и той же дорожкѣ, способствуетъ добыванію ея настороженнымъ лучкомъ, чѣмъ большею частью она и добывается. Бѣлка, по малоцѣнности своей шкурки, по выраженію Орочей, не окупаетъ ружейнаго выстрѣла и не стоитъ того, чтобы для нея устраивать какія либо ловушки или лучки, по этому и нѣтъ спеціально для ея улова никакихъ приспособленій, ни снастей, а добывается она какъ попало и гдѣ попало.

Пантовымъ промысломъ Орочи спеціально не занимаются, при случаѣ, если попадется олень съ мягкими рогами, то они сушатъ ихъ и продаютъ Гольдамъ. За то у Орочей существуетъ мускусный промыселъ. Въ окрестностяхъ Императорской гавани въ большомъ количествѣ водится кабарга, струя которой покупается не только Гольдами и Маньджурами, но и русскими купцами. Кабаргу бьютъ ружьемъ, стрѣлами, прямо съ руки и настороженными, ловятъ собаками и ставятъ особаго устройства ловушки. (Таб. II, рис. 2). Съ одной стороны слѣда кабарги вбиваютъ два колышка *a* съ зарубинками, спускающимися сверху внизъ, въ эти зарубинки вставляются двѣ палочки *b*, придерживаемыя защѣпкой *c*, прикрѣпленной по срединѣ веревочки *df*, натянутой отогнутой лѣсиной. Дощечки, перекинутые черезъ слѣдъ кабарги, однимъ концомъ воткнуты между палочками *b*; нижній конецъ веревочки *df* складывается въ петлю и кладется на дощечки. Кабарга, идя по обычной своей тропѣ, попадаетъ ногою въ петлю и нажимаетъ дощечки, отчего нижняя палочка *b* скользитъ внизъ, а защѣпка *c* срывается и даетъ возможность лѣсинѣ выпрямиться и задернуть петлю, приподнявъ ногу кабарги, къ верху.

Всѣ перечисленныя животныя составляютъ, кромѣ кабарги, отъ которой только струя идетъ въ продажу, исключительно торговый интересъ; изъ животныхъ же не составляющихъ для Орочей исключительно торговаго интереса, а служащихъ для нихъ больше для житейскихъ потребностей, нужно указать на слѣдующихъ: лось, пятнистый олень, медвѣдь, кабанъ, два вида нерпъ и сивучъ. Къ болѣе рѣдкимъ животнымъ относятся рысь и росомаха. Всѣ эти животныя служатъ имъ пищею и доставляютъ матеріалъ для другихъ потребностей. Лось, напр., помимо обильнаго куска даетъ хорошую кожу, а иногда и молодые рога и шерсть, идущую впрочемъ на продажу для матрацовъ. Нерпа даетъ кожу и мѣхъ для одежды, а сивучъ крѣпкіе ремни. Медвѣдь считается благородною дичью, а кабанъ самою страшною. Лось и олень большею частью бьются настороженными стрѣлами,—нерпа и сивучъ ружьемъ и острогой.

Весною, когда, по увѣренію Орочей, убитые нерпа и сивучъ не тонутъ, а остаются на поверхности воды въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, Орочи охотятся за ними на большихъ лодкахъ. Иногда лодки 3—4 за разъ выплавываютъ далеко въ море, расходятся на извѣстныя разстоянія другъ отъ друга и бьютъ нерпъ изъ ружьевъ. Нерпа или сивучъ, убитый стрѣлкомъ, составляетъ достояніе всѣхъ сидящихъ съ нимъ въ лодкѣ. Въ другое время года, когда убитые нерпа или сивучъ тотчасъ же опускаются на дно, Орочи бьютъ ихъ острогой, тихонько подплывая къ нимъ сонным ночью на маленькихъ лодочкахъ. Ни одинъ Орочъ, по своему вѣрованію, не убиваетъ спящаго животнаго; приблизившись къ спящей нерпѣ, Орочъ направляетъ на нее острогу и стукомъ или крикомъ будитъ ее; какъ

только животное пошевелилось, моментально острога вонзается въ него; острога, привязанная на длинный ремень, позволяетъ животному плавать и таскать за собою Ороча съ его лодочкой. Бываютъ случаи, что животное пойманное острогой, направляется прямо въ море, а погода не позволяетъ Орочу слѣдовать за нимъ, тогда волей не волей приходится отрѣзать острогу и пожалѣть о неудачной охотѣ. Нерпа ночью обыкновенно спитъ на подводныхъ камняхъ или на торчащихъ изъ подъ воды лѣсинахъ близъ берега. Тамъ, гдѣ такихъ камней нѣтъ, Орочи устраиваютъ искуственныя для нихъ постели, состоящія изъ одной или двухъ жердей, вбитыхъ въ дно и выходящихъ изъ подъ воды наклонно.

Медвѣдь и кабанъ бьются ружьемъ, но главнымъ образомъ копьемъ, управляясь имъ какъ рогатиной. Нѣкоторые ухитряются ловить маленькихъ медвѣжатъ живыми, воспитываютъ ихъ до трехлѣтняго возраста въ особыхъ срубахъ и потомъ устраиваютъ въ честь его праздникъ, во время котораго его бьютъ и съѣдаютъ.

Пушной и вообще звѣровой промыселъ, въ силу таежныхъ передрягъ, годъ отъ году, по увѣренію Орочей, ухудшается. Даже такія животныя, какъ нерпа и сивучъ, пользующіеся болѣе устойчивой жизненной средой, именно моремъ, и тѣ, какъ говорятъ Орочи, уменьшаются въ численности; одинъ видъ нерпъ, именно болѣе бѣлый, за послѣднее время почти вовсе изчезъ изъ окрестностей Императорской гавани, а осталась только нерпа пятнистая. Наземныя же животныя, какъ живущія въ средѣ, подверженной болѣе стихійнымъ невзгодамъ, нежели море, сравнительно въ большей степени уменьшаются. Частые пожары, неравномѣрно снѣжныя зимы, обмелѣнія рѣкъ и т. п. вліяютъ очень на правильное размноженіе живности въ тайгѣ. Всѣ эти невзгоды, по выраженію Орочей, проявились съ появленіемъ къ нимъ европейцевъ и въ частности русскихъ; даже такое явленіе, какъ громъ, Орочи утверждаютъ, что они услышали въ первый разъ тогда, когда узнали русскихъ. Каждый Орочъ на вопросъ, сколько онъ промышляетъ соболей въ зиму, какъ будто считаетъ долгомъ упомянуть о томъ, что раньше, когда они не знали еще ни русскихъ, ни другихъ народовъ, пріѣзжающихъ къ нимъ на пароходахъ, соболей и вообще всякой живности въ ихъ тайгѣ было много, теперь же становится все меньше и меньше.

Признавая уменьшеніе соболей и вообще таежной живности за фактъ, стоящій въ связи съ появленіемъ европейцевъ въ предѣлахъ Императорской гавани, я считаю главною причиною этому таежные пожары, которые уничтожаютъ не только логовища и излюбленныя мѣста животныхъ, но и самихъ животныхъ и которые въ сильныхъ размѣрахъ, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину и ширину, начали происходить именно съ появленіемъ въ тайгѣ европейцевъ, не дорожащихъ благами тайги и обходящихся съ огнемъ въ тайгѣ не такъ осторожно, какъ Орочъ, которому въ тайгѣ приходится питаться, одѣваться и коротать свою обездоленную жизнь. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ пушной промыселъ и вообще звѣровой среди Орочей можетъ быть выраженъ въ послѣдніе годы въ слѣдующихъ размѣрахъ: самый лучшій, т. е. вполнѣ здоровый и рьяный охотникъ бьетъ въ годъ соболей до 70, лисицъ до 30 штукъ и другихъ животныхъ до 75 штукъ; средней руки охотникъ бьетъ соболей до 40, лисицъ до 15 штукъ и другихъ животныхъ до 50 штукъ; лѣнивый, или дряхлый охотникъ бьетъ соболей до 10 штукъ и другихъ животныхъ штукъ по 20 и то случайно.

На табл. III, рис. 9 изображены стрѣлы для стрѣльбы изъ лука, на рис. 10, 11 и 12 стрѣлы для настороженныхъ лучковъ, на рис. 13 стрѣлы съ деревянными наконечниками для игры или упражненія въ стрѣльбѣ. Рис. 5 изображаетъ копье-рогатину на медвѣдя, рис. 7 острогу для рыбы, рис. 8 острогу для нерпы и сивуча и рис. 14 два пожа.

Прежде чѣмъ перейдти къ другому промыслу, играющему видную роль въ жизни Орочей, именно къ рыбному, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о лодкахъ, какъ о главныхъ орудіяхъ при рыбной ловлѣ и какъ о главныхъ перевозочныхъ средствахъ при перемѣнѣ мѣстожительствъ ради рыбной ловли. Лодки у Орочей существуютъ 4-хъ типовъ, двѣ изъ нихъ приспособлены болѣе къ плаванію по морю и бухтамъ и двѣ къ мелкимъ и быстрымъ рѣкамъ (таб. III, рис. 1). Эта лодка самая большая и исключительно морская; сдѣлана она изъ 5-ти большихъ продольныхъ досокъ, составляющихъ дно и бока лодки, и изъ нѣсколькихъ коротенькихъ досокъ, которыми задѣланы корма и носъ, причемъ носовыя дощечки, по двѣ съ каждой стороны, одними концами прикрѣплены подъ тупымъ угломъ къ боковымъ продольнымъ доскамъ, а другими сбиты другъ съ другомъ подъ острымъ угломъ и составляютъ носъ лодки. Большая доска, составляющая дно лодки, нѣсколько выгнута снизу вверхъ и переднимъ концомъ выступаетъ впередъ вершковъ на 10 сравнительно съ боковыми досками. Этотъ выступъ, на которомъ и прикрѣплены вышеуказанныя носовыя дощечки, нѣсколько приподнятъ вверхъ и служитъ для того, чтобы лодка не зарывалась носомъ въ волны; на самой передней части этого выступа всегда прикрѣпляется деревянное изображеніе лебедя, обыкновенно весьма неизящно сдѣланнаго. Корма задѣлывается всегда одною поперечною доскою, имѣющею ширину какъ разъ такую, какъ и ширина нижней пары боковыхъ досокъ. Одинаковость ширины кормовой и нижнихъ боковыхъ досокъ пригоняется съ тою цѣлью, что иногда, при незначи-

тельности числа гребцовъ, такая лодка оказывается тяжела и широка, напр. при забрасываніи невода, когда всегда бываетъ одинъ гребецъ, тогда верхнія боковыя и носовыя доски снимаются и получается лодка подобнаго же формата, только гораздо легче, ниже и у́же. Такимъ образомъ эта лодка двухъярусная, причемъ верхній ярусъ окаймляетъ лодку со всѣхъ сторонъ, кромѣ кормы, и можетъ смотря по надобности, сниматься и опять накладываться. Вся лодка сбита изъ вышеуказанныхъ досокъ деревянными гвоздями, при чемъ края верхнихъ досокъ заходятъ за края нижнихъ, пазы законопачиваются вываренным мхомъ и забиваются тоненькими рейками. Длина такихъ лодокъ варіируетъ около 10 аршинъ, ширина по срединѣ лодки около 2 арш., шириною у кормы около 2,2 арш. ширина носа около 1,3 арш. и ширина дна по срединѣ 0,6 арш. глубина около 1 арш. Изъ этихъ цифръ видно, что лодка постепенно съуживается отъ кормы къ носу и въ среднемъ поперечномъ сѣченіи образуетъ трапецію, у которой верхняя сторона около 2 арш., а параллельная ей нижняя 0,6 арш. Удобство этой лодки состоитъ въ томъ, что она очень легкая на ходу, сидитъ въ водѣ 3,6 дюйма и можетъ вмѣщать помимо 5-ти рабочихъ до 50 пуд. груза. Другая лодочка (Таб. III, рис. 2), такъ называемая оморочка, предназначена главнымъ образомъ для плаванія по бухтамъ и притомъ одному и много двумъ человѣкамъ сразу. Выдалбливается изъ одного большаго дерева, по преимуществу изъ тополя, вербы или кедра; носъ и корма острые и нѣсколько выше, чѣмъ средина. При незначительной ширинѣ дна сидитъ она въ водѣ очень мало, почему весьма неустойчива, такъ что непривыкшему человѣку не проплыть на ней и двухъ, трехъ саженей. Весло для оморочки употребляется одно съ двумя лопастями; Орочъ беретъ это весло по срединѣ и угребается то правой, то лѣвой его лопастью попеременно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надо подъплывать къ какому либо животному тихонько, тогда употребляются два маленькихъ весла, по одному на каждую руку. Длина оморочки варіируетъ около 6,5 арш., ширина около 0,75 арш. и глубина около 0,5 арш. При одномъ гребцѣ можетъ вмѣщать грузу пудовъ 10. Рѣчныя лодки обѣ долбленыя, одна большая и называется ульмакъ (Таб. III, рис. 3), а другая маленькая, такъ называемая рѣчная оморочка (Таб. III, рис. 4), которая отличается отъ морской тѣмъ, что носъ и корма нѣсколько тупѣе, дно болѣе округлено, борта положе и вообще она нѣсколько меньше морской. Ульмакъ напоминаетъ собою большое длинное корыто, отъ котораго отличается только носомъ, а именно, дно у носовой части не обрублено, а выдается впередъ въ видѣ лопатовиднаго придатка, длиною въ аршинъ и шириною въ поларшина. Этотъ отростокъ данной части служитъ для того, чтобы ульмакъ, при ходѣ вверхъ по теченію, не зарывался въ воду, а всплывалъ бы, а также для предохраненія ульмака отъ ударовъ о камни и валежникъ. Ульмакъ выдалбливается изъ тополя, вербы и иногда изъ липы, причемъ корма выдѣлывается изъ вершины, а носъ изъ комля дерева, почему корма бываетъ всегда у́же и ниже носа. Длина ульмака около 10 арш., ширина около 12 арш. и глубина 0,75 аршина. Можетъ поднять 3 человѣка и грузу пудовъ 25 — 30.

Вотъ на этихъ то лодкахъ Орочи въ лѣтнее время совершаютъ всѣ свои передвиженія и производятъ рыбную ловлю какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкахъ. Когда Орочи собираются артелью неводить, или лучить рыбу въ морѣ, то садятся на большую дощатую лодку, когда артель не больше трехъ человѣкъ, то употребляютъ ульмакъ, а когда одинъ Орочъ то всегда на оморочкѣ.

Главнымъ жизненнымъ продуктомъ Орочей, какъ я уже упоминалъ выше, служитъ сушенокопченая рыба, такъ называемая юкола. Для юколы преимущественно изъ всѣхъ рыбъ употреблялись и употребляются кэта и горбуша. Причины такому вѣковому предпочтенію кэты и горбуши въ этомъ случаѣ слѣдующія: во-первыхъ, эта рыба сравнительно мясистая и въ тоже время малокостистая, во-вторыхъ, кэта и горбуша всегда въ опредѣленное время года большими стадами собираются у устьевъ рѣкъ и входятъ въ рѣки для метанія икры, а слѣдовательно удобны для улова ея массой, и въ третьихъ, метаніе икры у этихъ рыбъ совпадаетъ какъ разъ съ такимъ временемъ года, когда Орочи незаняты своимъ звѣровымъ промысломъ и когда слѣдовательно бываетъ болѣе всего удобно и возможно для нихъ удѣлять больше время на заготовленіе изъ нея юколы.

Кэта, описанная впервые Палласомъ, подъ именемъ Salmo lagocephalus, какъ свидѣтельствуетъ Маакъ, дѣйствительно обладаетъ всѣми признаками, присущими роду Salmo т. е. лососямъ и какъ прочіе лососи, принадлежитъ къ такимъ соленоводнымъ рыбамъ, которыя большую часть года проводятъ на глубинѣ моря, а для метанія икры собираются большими стаями и въ опредѣленное время года приплываютъ къ устьямъ рѣкъ и даже далеко поднимаются вверхъ по рѣкамъ, если только размѣры рѣки не препятствуютъ этому. Какъ живутъ въ морѣ вообще лососи и въ частности наша кэта, пока ничего точнаго не извѣстно, да и трудно ожидать какихъ либо вѣрныхъ наблюденій надъ нею въ безднѣ морской; можно только думать съ достовѣрностью, что кэта никогда не уходитъ далеко отъ устья той рѣки, гдѣ родилась, и слѣдовательно никакимъ образомъ не совершаетъ путешествія въ Ледовитый океанъ и обратно, какъ это предполагаютъ нѣкоторые, но по большей мѣрѣ молодые выводки и старыя особи послѣ переста переходятъ изъ устья рѣки въ близъ лежащую

глубину моря, гдѣ ожидаетъ ихъ большой запасъ пищи, и живутъ тамъ до слѣдующаго періода метанія икры. Да и вообще всѣ длинныя морскія путешествія, приписываемыя прежде лососямъ, сельдямъ и т. п. нынѣ наукою, какъ говоритъ Бремъ, отвергнуты. Признаются только поднятія рыбы изъ глубины моря на поверхность и приближенія ея къ берегамъ, иногда съ заходомъ въ рѣки, для метанія икры, что въ практикѣ обыкновенно принято называть *ходомъ* рыбы.

Появленіе кэты у устьевъ рѣкъ начинается въ Іюнѣ и продолжается до половины Сентября и въ теченіи этого времени раздѣляется на 3 періода или хода, идущіе вскорѣ одинъ за другимъ, прерываясь небольшими промежутками времени. Въ раіонѣ Императорской гавани 1-й ходъ кэты начинается въ половинѣ Іюня и продолжается до первыхъ чиселъ Іюля, затѣмъ прекращается дней на 10 и около 20 Іюля начинается 2-й ходъ, который продолжается до 1-хъ чиселъ Августа; потомъ снова прерывается недѣли на двѣ и въ концѣ Августа начинается 3-й ходъ. Въ половинѣ Сентября ходъ рыбы вверхъ по рѣкамъ прекращается и начинается обратный. Изъ этихъ трехъ ходовъ послѣдній обыкновенно бываетъ самый обильный, а первый самый малорыбный, но за то первый значительно превышаетъ послѣдній достоинствомъ рыбы, второй ходъ занимаетъ въ томъ и другомъ отношеніи средину. Первый ходъ, собственно говоря, нельзя назвать ходомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. движеніемъ рыбы стаями вверхъ по рѣкамъ, а это есть, вѣрнѣе сказать, только появленіе рыбы у береговъ въ близи устья рѣкъ, съ заходомъ въ самыя рѣки на такое разстояніе, гдѣ еще обнаруживается сила морскаго прилива и отлива. Словомъ на этотъ разъ кэта подымается на незначительное разстояніе отъ устья и притомъ небольшими стаями. Въ это время кэта носитъ всѣ наружные признаки вполнѣ свѣжей и бодрой рыбы. Цвѣтъ чешуи серебристо-бѣлый, жабры красныя, челюсти прямыя, зубы едва замѣтны, мясо розовокраснаго цвѣта, и какъ мнѣ удалось убѣдится на опытѣ, можетъ безъ порчи оставаться на воздухѣ цѣлыя лѣтнія сутки. Засолъ рыбы этого періода даетъ прекрасные результаты какъ относительно вкуса, такъ и относительно прочности рыбы при храненіи.

Около 20-го Іюля начинается второй ходъ кэты. На этотъ разъ кэта является въ бо́льшемъ количествѣ и съ большимъ влеченіемъ къ прѣсной водѣ. Въ это время кэту можно ловить уже въ рѣкахъ на нѣсколько верстъ отъ устья. Рыба этого хода не отличается уже тою свѣжестью и бодростью, какъ рыба перваго хода. Серебристобѣлый цвѣтъ становится болѣе блеклымъ, жабры темнѣютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ близъ плавниковъ появляются темныя пятна неопредѣленной формы; сверхъ всего этого верхняя челюсть или губа вытягивается впередъ и изгибается внизъ, зубы выростаютъ и нѣсколько загибаются къ полости рта. Мясо изъ розовокраснаго становится краснымъ, не столь долго можетъ сохранятьсяся на воздухѣ, (чрезъ 12 часовъ въ головѣ появляются черви) и хотя еще вполнѣ пригодно для засолки, но уже нѣсколько уступаетъ въ этомъ отношеніи рыбѣ 1-го хода.

Орочи обыкновенно для своей юколы стараются употреблять рыбу этихъ двухъ ходовъ, руководствуясь тѣмъ, что послѣдующая рыба не такъ вкусна, и не такъ легко сохранима даже и въ копчено-сушеномъ видѣ. Вотъ слова одного Ороча: *„теперь* (т. е. Іюль) *юкола суши, юкола долго лежи ничего, а малъ мало осень юкола суши, юкола скоро портись и гнибко сухой.“*

Къ 20 Августа всѣ Орочи, незапасшіеся по лѣности, или другой какой причинѣ, хорошею рыбою для юколы, приготовляются для обильнаго лова кэты 3-го хода, для чего обыкновенно уходятъ дальше отъ устья по рѣкѣ на заранѣе избранныя или подготовленныя мѣста и здѣсь въ одинъ или два дня успѣваютъ налавливать столько рыбы, сколько старательные Орочи наловили въ теченіи всего лѣта, но рыба за то худшаго достоинства.

На этотъ разъ кэта большими массами входитъ въ рѣки и поднимается по нимъ вверхъ на столько, на сколько можетъ, при чемъ ни случайныя, ни искуственныя преграды не устрашаютъ и не удерживаютъ ее. Словомъ въ это время она лезетъ на проломъ, готовая перенести все, лишь бы только идти вверхъ по рѣкѣ.

Къ этому времени кэта на столько измѣняется по своему наружному виду, что трудно признать въ ней на первый взгядъ ту кэту, которую приходилось видѣть въ Іюнѣ. Ярко бѣлый цвѣтъ чешуи перешелъ въ темный, а темныя пятна отъ плавниковъ распространились по бокамъ и стали почти черныя, такъ что наружный покровъ представляется грязно-пѣгимъ. Жабры темныя, челюсти искривились, зубы стали большіе и крючкообразной формы.

Сверхъ всего этого она становится вялой, апатичной ко всему, за исключеніемъ развѣ только къ стремленію, какъ можно дальше забраться въ прѣсную воду; даже и жизнь становится ей, какъ будто, не мила. Мясо такой кэты совершенно темное и дряблое. На воздухѣ можетъ сохраняться не долго, чрезъ нѣсколько часовъ въ немъ заводятся черви.

Вышеуказанное видоизмѣненіе кэты предъ метаніемъ икры присуще вообще всѣмъ лососямъ и зависитъ отъ совокупности многихъ причинъ, частью отъ пищи и воды, частью отъ свѣта и теплоты; но главная причина — это процессъ развитія и метанія икры, вызывающій измѣненія въ организмѣ очень многихъ животныхъ. По крайнѣй мѣрѣ видоизмѣненіе челюсти и зубовъ, а

также первое появленіе пятенъ, зависитъ часто отъ этого физіологическаго процесса, а прѣсная вода и другія причины только усиливаютъ, довершаютъ это видоизмѣненіе. Мнѣ удалось видѣть кэту 2-го хода, пойманную мили за $1\frac{1}{2}$ до прѣсной воды, и она уже была съ признаками видоизмѣненной кэты. Отчего кэта 1-го хода не подвержена такимъ перемѣнамъ, сказать не берусь, думаю только, что здѣсь играетъ роль возрастъ кэты и въ какой разъ она мечетъ икру.

Многіе, нѣсколько знакомые съ ходомъ и ловомъ кэты, утверждаютъ, что кэта послѣ метанія икры погибаетъ. Я позволю себѣ усумниться въ этомъ. Не можетъ быть, чтобы природа ограничила періодъ жизни столь совершеннаго существа, какъ рыба, періодомъ размноженія, послѣ котораго всѣ физіологическіе процессы ея прекращаются сами собою и рыба умираетъ. По крайней мѣрѣ рыба 1-го и 2-го ходовъ, хотя разслабленною, все же возвращается послѣ метанія икры въ море. Никто изъ инородцевъ не видѣлъ въ періодѣ первыхъ двухъ ходовъ мертвой кэты, хотя всѣ подтверждаютъ, что послѣ 3-го хода въ рѣкахъ бываетъ масса мертвой кэты. Въ виду того, что подъ осень вмѣстѣ съ кэтой попадаются мертвыми и другія, даже прѣсноводныя рыбы, можно думать, что кэта метъ не отъ того, что метаніемъ икры должно прекратиться ея существованіе, а отъ другихъ причинъ, одинаково дѣйствующихъ и на другихъ рыбъ. Такое предположеніе становится еще вѣроятнѣе въ виду того, что, по словамъ инородцевъ, смертность кэты всегда начинается и въ большей силѣ бываетъ не у устья рѣки, а въ верхнихъ предѣлахъ рѣки, куда только могла забраться кэта. Очевидно, что кэта истощенная отъ недостатка пищи и ослабшая отъ метанія икры, если только зашла далеко не въ свою сферу жизни, т. е. въ прѣсную воду, то сразу становится въ условія невыгодныя для борьбы за существованіе и волей не волей должна погибать. Тѣмъ болѣе, если рѣка мелкая, а слѣдовательно и бѣдная пищею, необходимою для отощавшей кэты, покрывается льдомъ, а мѣстами и совершенно промерзаетъ. Наконецъ, если кэта послѣ размноженія вся должна погибать, то какъ объяснить тотъ фактъ, что кэта 1-го хода по величинѣ превосходитъ кэту 2-го хода, а эта въ свою очередь превосходитъ кэту 3-го хода. Обще принятъ среди Орочей тотъ взглядъ, что въ Іюнѣ идетъ старая кэта, въ Іюлѣ моложе, а въ августѣ самая молодая, которая мечетъ икру въ 1-й разъ. По моему мнѣнію кэта 3-го хода дѣйствительно самая молодая; забравшись далеко въ рѣку, она становится въ условія неблагопріятныя для своего существованія, почему большая часть ея погибаетъ, а меньшая часть возвращается въ море и на другой годъ, освободившись отъ всѣхъ признаковъ видоизмѣненія, пріобрѣтаетъ способность къ размноженію раньше и идетъ въ рѣки по этому не въ Августѣ, а въ Іюлѣ. Уцѣлѣвшая часть отъ этой кэты на 3-ій годъ такимъ же образомъ становится кэтой 1-го хода.

Единственнымъ для меня невыясненнымъ вопросомъ остается тотъ, какимъ образомъ кэта, видоизмѣнивши свои ротовыя части во время 3-го хода, на другой годъ является съ болѣе правильнымъ ртомъ и съ прямыми зубами. Моя ошибка состоитъ въ томъ, что я не прослѣдилъ, измѣняется ли челюстная кость у кэты, или только губной слой и кожа. Если измѣняется только губа, то обратное ея превращеніе въ теченіи года, а тѣмъ болѣе двухъ лѣтъ вполнѣ возможно.

Въ силу своей величины кэта, при торопливомъ ея заготовленіи, не всегда прокапчивается и просушивается, на столько, чтобы безъ порчи сохраниться въ теченіи долгаго времени, вотъ почему Орочи при спѣшномъ заготовленіи юколы предпочитаютъ кэтѣ, горбушу, которая меньше кэты.

По наружному виду и по внутреннему строенію горбуша весьма сходна съ кэтой, отличается только ростомъ, и мелкостью чешуи, а потому горбуша, по моему мнѣнію, принадлежитъ тоже къ роду Salmo. Относительно ея жизни вообще и въ частности относительно періода и способа ея размноженія должно сказать тоже самое, что и о кэтѣ. Она для метанія икры дѣлаетъ тоже три хода, только она идетъ нѣсколько раньше кэты, при чемъ 1-й ходъ горбуши предшествуетъ 1-му ходу кэты, 2-й второму и 3-й третьему. Такимъ образомъ ходъ кэты и горбуши вмѣстѣ идетъ почти непрерывно въ теченіи всего лѣта.

По наблюденіямъ Орочей обиліе горбуши всегда предвѣщаетъ недостатокъ въ кэтѣ и наоборотъ недостатокъ горбуши предвѣщаетъ обиліе кэты. Мясо горбуши нѣсколько бѣлѣе кэты и въ соленомъ видѣ нѣсколько грубѣе.

Предъ метаніемъ икры горбуша подвергается еще большему превращенію, чѣмъ кэта, и притомъ это превращеніе выражается во всей своей силѣ опять таки во время послѣдняго хода. Помимо измѣненій наружнаго покрова, ротовыхъ частей и зубовъ, у нея къ 3-му ходу сильно распухаетъ спина и образуется такимъ образомъ горбъ, который, начинается около затылка, подымается вверхъ почти подъ прямымъ угломъ приблизительно на дюймъ и постепенно спускается къ хвосту. Отъ этого горба горбуша кажется раза въ полтора шире обыкновеннаго и до того измѣняется по виду, что безъ послѣдовательнаго наблюденія за выростаніемъ этого горба невозможно узнать ее. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ наружнаго вида горбуши падаетъ и достоинство ея мяса, которое постепенно все темнѣетъ и дѣлается дряблымъ. Во время 3-го хода въ горбѣ

горбуши, даже въ живомъ ея видѣ, обыкновенно заводятся черви.

На ряду съ кэтой и горбушей въ окрестностяхъ Императорской гавани живетъ еще одинъ видъ изъ рода Salmo. Эту рыбу Орочи называютъ чу́ма. По величинѣ своей она занимаетъ средину между кэтой и горбушей. Цвѣтъ наружнаго покрова и форма туловища и головы такіе же, какъ и у первыхъ двухъ ея родичей, только расположеніе чешуи нѣсколько иное, почему, въ силу свѣтовыхъ законовъ, при извѣстныхъ положеніяхъ чумы, вдоль ея боковъ представляются нѣсколько темныхъ полосъ, чѣмъ собственно и можно только воспользоваться для отличія ея, напр. отъ взрослой горбуши. Но этотъ отличительный наружный признакъ до того неясенъ, что непривычному человѣку весьма трудно отличить чу́му отъ другихъ ея родичей и только привычный Орочъ можетъ сразу выдѣлить ее отъ другихъ рыбъ. Изъ отличительныхъ ея особенностей можно указать на то, что она, какъ кажется. не переживаетъ предъ метаніемъ икры такихъ измѣненій и превращеній, какъ первые два вида. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, никто еще не замѣчалъ за нею такихъ превращеній.

Наибольшее ея появленіе у прѣсныхъ водъ бываетъ въ началѣ Іюня, а затѣмъ въ небольшомъ количествѣ она сопровождаетъ въ теченіи первыхъ двухъ ходовъ кэту и горбушу.

Мясо чу́мы свѣтлорозовое и нѣжнѣе мяса кэты; при засолѣ, копченіи и вообще при всякомъ ея приготовленіи и заготовленіи даетъ результаты сравнительно выше, чѣмъ кэта и горбуша. Жаль только, что по количеству своему она не можетъ служить самостоятельнымъ предметомъ промысла.

Всѣ перечисленныя рыбы составляютъ насущную потребность для Орочей, какъ главный жизненный продуктъ, который въ томъ или другомъ видѣ заготовляется ими на цѣлый годъ, почему эти рыбы и служатъ необходимымъ предметомъ промысла.

Изъ другихъ рыбъ, хотя и не столь необходимыхъ для пищи Орочей, но составляющихъ тоже необходимый предметъ промысла, нужно указать на рыбу хоё, кожа которой, какъ я уже упоминалъ выше, даетъ Орочу хорошій матеріалъ для обуви и одежды. Хоё, по первому взгляду, представляетъ впечатлѣніе большой щуки. Туловище у́же, чѣмъ у кэты, но толще, чѣмъ послѣдняя, почему хоё представляется болѣе округлой формы. Голова большая и длинная, ротъ широкій и вооруженъ большими, хотя и рѣдкими, зубами; наружный покровъ пятнистый, причемъ пятна небольшія и рѣдкія, чешуя крупнѣе, чѣмъ у обыкновенной щуки, икра красная, величиною какъ у горбуши, мясо такое же, какъ у кэты, но въ свареномъ видѣ вкуснѣе. О величинѣ хоё и ширинѣ ея пасти и горла можно судить по тому, что на крючекъ, предназначенный для ея улова, насаживаютъ средней величины горбушу, т. е. вершка въ $2^1/_2$ шириною и вершковъ 6 длинною и такую насадку хоё проглатываетъ сразу безъ затрудненія. Хоё принадлежитъ тоже къ такимъ соленоводнымъ рыбамъ, которые мечутъ икру въ прѣсной водѣ, куда для этой цѣли заходятъ весною, но не стаями, какъ кэта и горбуша. Кромѣ того хоё не уходитъ въглубину моря послѣ метанія икры, какъ напр. кэта, а остается, повидимому, на такой же глубинѣ, какъ и до метанія икры, и ловится въ теченіи всего года почти съ одинаковымъ успѣхомъ. Весною ловятъ хоё большими удочками и въ бухтахъ и въ рѣкахъ, для чего устраиваютъ то мосты, выступающіе на сажень съ берега надъ водою, или ставятъ крючки, сдѣланные изъ рѣзцовъ кабарги (самца), прикрѣпленныхъ подъ угломъ къ небольшой палочкѣ. Лѣтомъ Орочъ, если только ѣдетъ на оморочкѣ по бухтѣ, въ большинствѣ случаевъ привязываетъ большой крючекъ съ насадкой на длинномъ шнуркѣ къ двухлопастному веслу, причемъ всегда держитъ и острогу на готовѣ. Хоё, бѣгая по поверхности воды, попадается или на крючекъ Орочу, или, если близко подойдетъ къ оморочкѣ, не проминетъ, ловко брошенной въ нее остроги.

Изъ рыбъ, хотя не составляющихъ насущной потребности Орочей, но могущихъ послужить предметомъ промысла, укажу на сельдь и треску. Есть говорятъ и анчоусъ, но этой рыбы мнѣ не удалось видѣть ни въ свѣжемъ, ни въ приготовленномъ видѣ, а по сему о ней я умолчу. Впрочемъ пребываніе мое въ Императорской гавани не совпало также и съ ходомъ сельди и трески, но этихъ рыбъ я видѣлъ въ приготовленномъ видѣ и собралъ о нихъ кое-какія свѣдѣнія.

Селедка, какъ извѣстно, рыба чисто морская, которая большую часть жизни проводитъ въ глубинѣ моря и только для метанія икры собирается громадными стаями и подходитъ къ окрестнымъ берегамъ, выбирая для этого главнымъ образомъ небольшія бухточки. Время метанія икры весна и осень. Не имѣя надобности въ селедкѣ, Орочи не заводятъ и снарядовъ для ея ловли; въ экстренныхъ же случаяхъ, когда напримѣръ потребуется запасъ корма для собакъ, они иногда поступаютъ, между прочимъ, такъ: берутъ два Ороча оморочку за ея концы, заходятъ осторожно въ воду, гдѣ подмѣтятъ стаю сельдей и черпаютъ ихъ прямо оморочкой, воду сливаютъ и получаютъ такимъ образомъ полъ лодки сельдей. Хотя такой способъ ловли и нельзя считать за обыкновенный даже и среди Орочей, а скорѣе за случайный, но тѣмъ не менѣе мнѣ указывали на такой случай два раза, одинъ въ бухтѣ„ Ванина“, другой въ бухтѣ„ Иннокентія“.

Мѣстный рыбопромышленникъ финляндецъ, живущій на р. Коппи, первый завелъ неводъ для сельди и тѣмъ самымъ подалъ хорошій примѣръ Орочамъ. У этого финляндца я видѣлъ бочекъ 15, ведеръ по 18 каждая, насоленой сельди, пойманной имъ при помощи одного лишь Ороча въ два заброса *невода*. Конечно, будь рабочія руки и хорошій большой неводъ, поймать можно массу.

Относительно трески можно сказать тоже самое, что и о селедкѣ, т. е. по разсказу Орочей ея бываетъ близъ береговъ весьма много и ловить ее не составляетъ большаго труда. Главный ходъ ея бываетъ рано весною и поздно осенью и даже зимою, время, какъ видите, для Орочей не свободное и весьма неудобное, почему они ловлей трески спеціально не занимаются. Вѣсомъ треска бываетъ фунтовъ до 18 и весьма жирная. Ловятъ ее удочкой дѣти, не ходящія на звѣровой промыселъ.

Рыба кунджа, ку́ма, ленокъ, камбала и пр., а также и хоё составляютъ свѣжій продуктъ для Орочей въ теченіи цѣлаго года.

Главными рыболовными снарядами у Орочей служатъ: неводъ, сѣть и острога, второстепенными удочка и всевозможные крючки.

Матеріалами для неводовъ и сѣтей служатъ своей фабрикаціи нитки изъ особаго рода крапивы. Лучшею крапивою для нитокъ считается та, которая растетъ близъ береговъ бухты на низменныхъ мѣстахъ, гдѣ она, въ силу обилія сырости, растетъ длинными жесткими стволами. Осенью, когда стебель крапивы совершенно созрѣетъ, Орочи собираютъ ее съ избыткомъ, а зимою жены обминаютъ ее въ такихъ же ямахъ, какъ и для обработки рыбьей кожи. Обмятые стебли крапивы даютъ длинныя и крѣпкія волокна, изъ которыхъ затѣмъ прядутся при помощи особаго веретена нитки, а уже изъ нитокъ взятыхъ по двѣ или по три, сучатъ толстыя сравнительно нитки для неводовъ и сѣтей, и веревки для другихъ потребностей. Готовятъ нитки большею частью жены, невода же и сѣти вяжутъ изъ нихъ сами Орочи. Для предохраненія отъ дѣйствія соленой воды на неводъ и сѣти, ихъ сейчасъ же послѣ связки варятъ въ теченіи 2 или 3 сутокъ въ водѣ съ кровью оленя, отчего всѣ невода и сѣти бываютъ буроватаго цвѣта, и по увѣренію Орочей сохраняются вдвое дольше, чѣмъ не вываренные въ крови.

Острога для рыбы всегда почти бываетъ трехперая и рѣдко — двухперая, при чемъ перья эти не спаяны, а сложены другъ съ другомъ и закрѣплены крючкообразными зацѣпками (Таб. III, рис. 7), такъ что изъ трехперой остроги весьма легко можно составить двухперую и одноперую острогу, смотря по надобности. Одноперая острога употребляется только для нерпъ и сивучей или для самыхъ большихъ рыбъ, которыя представляютъ изъ себя большую цѣль для промышленника и бросая въ которыхъ, трудно бываетъ дать промахъ. Изъ удочекъ и крючковъ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе крючекъ, сдѣланный изъ рѣзца кабарги (самца) и употребляемый преимущественно для рыбы хоё (Таб. III, рис. 6) Въ палочкѣ, величиною въ четверть, дѣлается щель, куда вставляется рѣзецъ кабарги и закрѣпляется веревочкой, дабы онъ не выскользнулъ изъ щели, и крючекъ для большой рыбы готовъ. На такой крючекъ насаживается обыкновенно горбуша небольшихъ размѣровъ, или красноперка; крючекъ на веревочкѣ, аршина въ 2 длиною, привязывается къ сухой палкѣ, которая на каменномъ якорѣ ставится на излюбленномъ для ловли мѣстѣ. Такихъ палокъ съ крючками можно встрѣтить всегда при входѣ во всякую бухту, гдѣ только есть селеніе Орочей. Остальные крючки и удочки всевозможныхъ размѣровъ сдѣланы изъ желѣза и фабрикуются, какъ и остроги и стрѣлы самими Орочами (Таб. III, рис. 16, 17).

Вопросъ о рыбной ловлѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ удобствѣ морскихъ береговъ и рѣкъ для этой цѣли, а посему я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ.

Болѣе выдающіяся рѣки окрестностей Императорской гавани слѣдующія: Ходэ и Май, впадающія въ Императорскую гавань; верстъ на 80 южнѣе ея р. Коппи, впадающая въ бухту Андрея, на сѣверъ отъ Императорской гавани идутъ одна за другой рр. Уй, Дюанко и Тунджа, впадающая въ море близъ м. Лесепсъ Датта.

Устья этихъ рѣкъ заселены Орочами, которые въ лѣтнее время запасаются здѣсь юколой на зиму.

Устье р. Ходэ илистое, травянистое и засорено наноснымъ валежникомъ, вслѣдствіе чего неудобно для неводной ловли, но за то и тихое удобное для плаванія на небольшихъ лодкахъ, оморочкахъ, а потому Орочи ловятъ здѣсь преимущественно острогой и сѣтью, и только уже въ концѣ Августа, во время третьяго обильнаго хода, въ самой рѣкѣ, на заранѣе очищенныхъ мѣстахъ, ловятъ неводомъ.

Устья рр. Уй и Май въ силу тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ неудобны для неводной ловли, а посему Орочи этихъ рѣкъ заготовляютъ себѣ юколу тоже сѣтью и острогой. Острогой бьютъ рыбу днемъ и ночью. Благодаря навыку и зоркости своей, Орочи владѣютъ острогой весьма ловко и проворно. Днемъ въ тихую погоду Орочъ видитъ рыбу на глубинѣ аршина и на разстояніи саженей 3 отъ лодки. Почти на такомъ же разстояніи онъ бросаетъ въ нее острогу и рѣдко даетъ промахъ. Ночью для приманки обыкновенно зажигаютъ на носу лодки пучекъ бересты; рыба стаями выплываетъ на огонь, и достаточно часу для двухъ Орочей, чтобы лодка (ульмакъ) была полна рыбы. Этотъ способъ ловли рыбы называется лучить рыбу. Лучить рыбу выѣзжаютъ иногда и въ море,

въ этомъ случаѣ собираются человѣка 4 — 5 и ѣдутъ на большой (досчатой) лодкѣ.

Устья рр. Коппи и Тунджи и отчасти р. Дюанко песчаныя, довольно открыты для вѣтровъ съ моря, а посему бурныя и чисты отъ валежника, который или уносится въ море или выбрасывается на берегъ. Въ этихъ устьяхъ юкола заготовляется почти исключительно неводомъ. Для ловли неводомъ необходимы 2 или 3 человѣка почему малолюдныя семейства заводятъ неводъ, сообща, по 2 или по 3 семьи. Неводятъ такъ: одинъ конецъ невода тянется рыбакомъ по берегу, а второй рыбакъ между тѣмъ на лодкѣ завозитъ другой конецъ невода на нѣсколько саженъ отъ берега, смотря по величинѣ невода, и спустившись съ нимъ нѣсколько по теченію, поворачиваетъ тоже къ берегу, здѣсь выскакиваетъ изъ лодки и начинаетъ вытаскивать неводъ на берегъ, торопясь при этомъ на столько, чтобы 1-й рыбакъ, идя тихимъ ходомъ по берегу, приблизился къ нему въ то же время, когда большая часть невода имъ вытянута и показалась въ немъ рыба. Какъ только рыба начала биться въ неводѣ, оба рыбака сразу выбрасываютъ неводъ на берегъ. При такомъ способѣ ловли дно должно быть ровное, чистое и притомъ теченіе должно быть равномѣрное, иначе трудно было бы приспаровиться къ тому, чтобы неводъ, идя по теченію, всегда былъ одинаково натянутъ и притомъ не спутался бы. Такимъ то качествомъ и отличаются устья рр. Коппи и Тунджи. Достоинство этихъ рѣкъ заключается и въ томъ еще, что устья ихъ какъ болѣе открытыя со стороны моря, благопріятствуютъ первымъ двумъ ходамъ рыбы, почему 1-й и 2-й ходы кэты и горбуши здѣсь бываютъ сравнительно въ большихъ размѣрахъ, нежели на рр. Ходэ, Май и проч. Не даромъ японцы, незаконно ловившіе у насъ рыбу до 1883 года, всѣ жили на рѣкахъ Коппи и Тунджи, гдѣ ихъ соляные склады и другія постройки и до настоящаго времени хранятся подъ присмотромъ нелюдимой тайги. Съ этихъ рѣкъ, по словамъ Орочей, много рыбы перевезено въ Японію.

Такъ какъ ловлей сельди и трески изъ Орочей спеціально никто не занимается, то и излюбленныхъ и опытомъ помѣченныхъ мѣстъ для ихъ лова нѣтъ. По случайнымъ же находкамъ, какъ кажется, этими рыбами изобилуютъ въ опредѣленное время года почти всѣ маленькія бухточки отъ мыса Лесепсъ-Датта до р. Коппи. Мнѣ указывали между прочимъ на бухты Иннокентія, Фальшивую, Ванину и на др. Ловятъ также и въ самой Императорской гавани.

О томъ, на какой по количеству уловъ рыбы можно расчитывать, я собиралъ свѣдѣнія преимущественно у Орочей, затѣмъ отъ мѣстныхъ солдатъ, которые сами себѣ заготовляютъ рыбу на зиму и которымъ волей неволей приходится слѣдить за рыбной ловлей, и наконецъ отъ мѣстнаго рыбопромышленника Бломстера.

Показанія Орочей выражались обыкновенно какой нибудь мѣрой, напр. рыбы съ лодку, половину лодки и т. п. или числовой мѣрой—рыбы сто штукъ, два ста и т. п.

Провѣривъ эти данныя съ показаніями солдатъ и Бломстера, я перевелъ ихъ на пуды и въ прилагаемой таблицѣ выражаю количество рыбы въ пудахъ на ловлю одного или двухъ человѣкъ, и на ловлю артели въ 10 человѣкъ. Такимъ снарядомъ, какъ неводъ, артель въ 10 человѣкъ можетъ наловить рыбы не въ пять разъ больше 2-хъ человѣкъ, а разовъ 6, 7. Въ этой же таблицѣ указано время, въ которое бываетъ наибольшее появленіе рыбы у береговъ и въ рѣкахъ.

Продукты пушнаго, вообще звѣроваго и рыбнаго промысловъ идутъ у Орочей частью на жизненную потребу ихъ самихъ и частью на покупку другихъ необходимыхъ вещей у пріѣзжающихъ къ нимъ купцовъ. Торговля ведется почти исключительно мѣновая, только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить, что Орочъ за свои товары проситъ денегъ, въ большинствѣ же случаевъ мѣняетъ ихъ на необходимые для себя предметы, какъ то на табакъ, чай, порохъ, свинецъ, крупу, на металлическую посуду, ружья, матеріи и т. п., а также на различнаго рода украшенія, серьги, пуговицы, ожерелья и т. п. Цѣну для своихъ пушныхъ товаровъ Орочъ знаетъ и довольно вѣрно опредѣляетъ стоимость ихъ въ рубляхъ, но онъ не знаетъ цѣнъ предлагаемыхъ ему товаровъ, почему со стороны купцовъ всегда бываютъ злоупотребленія; напр. Орочъ цѣнитъ своего соболя, положимъ, въ 6 руб, въ 8 и т. п. и эти цѣны бываютъ очень вѣрныя, и если ему не нужно никакихъ товаровъ, то онъ и не отдаетъ его дешевлѣ своей цѣны, но если вмѣсто денегъ ему нужно взять какимъ нибудь товаромъ, то въ этомъ случаѣ всегда бываетъ обманутъ своимъ купцомъ; если за 6 рублеваго соболя ему предложатъ рубля на два дабы, да на полтину пороху или еще чего либо, то такой обмѣнъ онъ считаетъ для себя вполнѣ выгоднымъ. Въ обмѣнъ на товары купцамъ идутъ главнымъ образомъ соболь, лиса, выдра и струя кабарожья. Средняя цѣна на соболя 5 рублей, считая деньгами, или товару руб. на 2, напр. фунта 3 пороху и фунтовъ 5 свинцу. Лисица цѣнится наравнѣ съ соболемъ. Выдра продается по 1 руб. четверть, такимъ образомъ выдра въ 5 четвертей стоитъ и 5 руб., а въ 6 четвертей 6 руб, или товарами приблизительно меньше на полъ цѣны. Струя взрослой кабарги стоитъ три руб. или товаромъ рубл. на $1\frac{1}{2}$. Вышеуказанныя цѣны измѣняются какъ по достоинствамъ пушнины, такъ и по годамъ. Этотъ годъ какъ передавали мнѣ, соболь въ Николаевскѣ шелъ по 3 руб., а струя по 1 р. 75 к.

		Сельдь	Треска	Кэта	Горбуша	Чума
Январь		—	—	—	—	—
Февраль		—	—	—	—	—
Мартъ		—	—	—	—	—
Апрѣль		—	1-й ходъ	—	—	—
Май		1-й ходъ	—	—	—	1-й ходъ
1—15 Іюня		—	—	—	1-й ходъ	По помогу.
15—30 Іюня		—	—	1-й ходъ	—	
1—15 Іюля		—	—	—	2-й ходъ	
15—31 Іюля		—	—	2-й ходъ	—	
1—15 Августа		—	—	—	3-й ходъ	
15—31 Августа		—	—	3-й ходъ	—	
Сентябрь		2-й ходъ	—	—	—	—
Октябрь			2-й ходъ	—	—	—
Ноябрь		—		—	—	—
Декабрь		—	—	—	—	—
Хорошій для улова годъ	2 чел.	200 пудовъ въ 1 день	150 пуд.	80 п.	70 п.	?
	10 чел.	Масса	750 п.	500 п.	400 п.	?
Дурной для улова годъ	2 чел.	100 пудовъ въ 1 день	20 п.	20 п.	15 п.	?
	10 чел.	700 п.	100 п.	175 п.	100 п.	?

Орочи сами не возятъ своихъ товаровъ никуда; исключеніе составляетъ одинъ только Орочъ, по иниціативѣ начальства сдѣлавшійся въ послѣдніе три года купцомъ. Онъ не только свою пушнину возитъ самъ въ г. Николаевскъ, но предъ отправленіемъ скупаетъ ее и у другихъ Орочей. Обыкновенно же купцы съ Амура сами пріѣзжаютъ къ нимъ. Сухопутное сообщеніе между Амуромъ и Императорской гаванью вслѣдствіе непроходимости горъ и тайги, залегающей между этими пунктами, возможно только зимою, когда всѣ рѣки покрываются льдомъ и представляется такимъ образомъ возможность пользоваться ими, какъ санным путемъ. Сообщеніе совершается на собакахъ; каждый купецъ заявляется иногда на 3 или 4 нартахъ, т. е. на узенькихъ, но длинныхъ санкахъ. Къ переду нарты привязывается длинная, аршинъ въ 8 веревка, къ которой прикрѣплены хомуты для собакъ въ родѣ ошейниковъ. Собакъ 10 могутъ легко везти пудовъ 20 грузу и кучера, который всегда сидитъ на нартѣ верхомъ, причемъ къ погамъ его привязаны лыжи, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели тѣ, которыя употребляются для пѣшаго хожденія. Санями правятъ палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, а съ собаками объясняется при помощи особыхъ звуковъ, которые впрочемъ бываютъ понятны только для передовой собаки, остальные же мчатся за передней безъ всякихъ понуканій и объясненій.

Зимнихъ дорогъ между Амуромъ и Императорскою гаванью существуетъ три; всѣ онѣ проходятъ по такимъ рѣкамъ, верховья которыхъ раздѣляются незначительными водораздѣлами, по коимъ, чрезъ постоянные проѣзды въ теченіи многихъ лѣтъ, образовались просѣки, возможныя для проѣзда не лѣтомъ, а только зимою, когда снѣгъ завалитъ всѣ пни и груды валежника. Первый путь проходитъ нѣсколько сѣвернѣе г. Хабаровки, именно по притоку Амура, р. Дондону или Найхэ.

Верховье этой рѣки близко подходитъ къ верховьямъ рр. Ходэ и Копии. Благодаря ключу (о существованіи коего мнѣ извѣстно со словъ Орочей), идущему по направленію отъ верховья Дондона къ р. Копии, представилась

возможность проложить просѣку не къ р. Ходэ, а къ р. Коппи, на которую и переходитъ дорога съ р. Дондона. Р. Коппи въ свою очередь тамъ, гдѣ ближе всего подходитъ къ р. Ходэ, соединена съ послѣдней тоже просѣкой. По этой просѣкѣ и по р. Ходэ идетъ дорога въ Императорскую гавань. Второй путь проходитъ по р. Хунгари и ея протоку Солгодами, идетъ просѣкой въ верховья р. Мули, притока р. Тунджи, и затѣмъ по р. Тунджи до села Датта. Отъ села Датта проложена просѣка, проходимая даже и лѣтомъ чрезъ рр. Дюанко и Уй въ Императорскую гавань.

Третій путь начинается съ Маріинска и идетъ чрезъ озеро Кизи и впадающую въ него рѣку Яй, затѣмъ просѣкой переходитъ въ р. Тунджу и идетъ до устья р. Мули, гдѣ сходитъ на хунгарскій путь. (Всѣ эти пути на прилагаемой картѣ обозначены чертой, а тамъ, гдѣ они проходятъ просѣками, двойной чертой).

Изъ русскихъ амурскихъ купцовъ, навѣщающихъ Императорскую гавань, Орочи называли мнѣ двухъ, одинъ изъ с. Троицкаго и другой изъ с. Дзябру (русскаго названія этому селенію Орочи не знаютъ.) Первый пріѣзжаетъ къ Орочамъ первымъ путемъ, т. е. по рр. Дондону и Коппи, а возвращается чрезъ с. Датта по хунгорскому пути, объѣхавъ такимъ образомъ всѣхъ Орочей. Второй же пріѣзжаетъ тѣмъ и другимъ путемъ, смотря по тому, куда ему выгоднѣе впередъ попасть, на р. Коппи или на р. Тунджу. Первый купецъ за свое ласковое обращеніе пользуется у Орочей общимъ расположеніемъ, второй же своими нахальными вымогательствами возбудилъ къ себѣ нелюбовь и недовѣріе Орочей. Въ послѣдніе два—три года Орочи, когда увидѣли, что русскія власти заступились за нихъ противъ ихъ давнишняго притѣснителя и эксплуататора Нопа, жившаго въ Императорской гавани, стали нѣсколько смѣлѣе съ такими господами, какъ купецъ изъ Дзябру, и въ случаѣ надобности начинаютъ пускать въ ходъ свои кулаки. Благодаря этому купецъ изъ с. Дзябру послѣдній годъ уѣхалъ отъ нихъ почти ни съ чѣмъ. Благодаря заступничеству начальства въ послѣдніе годы стали мало помалу прекращаться трепетанія Орочей предъ пріѣзжими гольдами и особенно предъ манзами. Тѣ родовые долги, которые прежде съ каждымъ годомъ все паростали въ двое, теперь почти вывелись. Мнѣ передавали, что одинъ Орочъ, опираясь на наказъ, оставленный исправникомъ старшинѣ, такъ горячо расплатился съ однимъ гольдомъ, требовавшимъ съ него какой то отцовскій долгъ, наросшій, вслѣдствіе удваиванія чрезъ каждый годъ, до большихъ размѣровъ, что наврядъ ли этотъ гольда вздумаетъ еще когда либо собирать долги съ Орочей. Только въ мѣстахъ, не подлежащихъ за дальностію разстоянія надзору мѣстной команды, и теперь еще иногда появляются купцы гольды и манзы, и позволяютъ себѣ очень жестоко обходиться съ Орочами. Пріѣзжаетъ, напр., манза или гольда къ Орочу на 20 собакахъ и требуетъ корму для своихъ собакъ, необращая вниманія на то, есть ли у бѣднаго Ороча лишняя юкола, или нѣтъ; бываютъ случаи, что для собакъ отбирали у Ороча весь запасъ юколы, и семья Ороча оставалась безъ куска провизіи (и достается же имъ, если вздумаютъ воспротивиться этому). Мнѣ пришлось видѣть на р. Тунджѣ, въ с. Оське, одного купца мандзу, который цѣлое лѣто безплатно живетъ у Ороча и подчасъ еще колотитъ его, якобы за лѣность. Но скоро кажется, настанетъ то время, когда Орочи уразумѣютъ свою правоту и избавятся отъ такихъ дармоѣдовъ. Предъ моимъ отъѣздомъ Орочъ, у котораго жилъ вотъ этотъ мандза, втихомолку спрашивалъ моего совѣта, какъ бы спровадить его по добру, по здорову; я, конечно, далъ совѣтъ, и кажется, что они его спровадятъ.

Есть среди Орочей, какъ я уже упомянулъ выше, и свой купецъ, такъ сказать доморощеный, это старшина по рр. Ходэ, Уй и Май, по имени Ванька кузнецъ. Три года тому назадъ, когда Орочи, выведенные изъ терпѣнія, жаловались на своего притѣснителя Нопа, жившаго въ Императорской гавани и эксплуатировавшаго Орочей, скупая у нихъ за безцѣнокъ, а иногда и отбирая силой соболей, начальство вытѣснило этого Нопа, и дабы избавится отъ другихъ, могущихъ заступить мѣсто Нопа, рѣшило, что лучше образовать купца изъ среды самихъ Орочей, давъ ему кое-какія наставленія. Такимъ избраннымъ купцомъ сталъ Ванька кузнецъ, которому поручено было собирать съ Орочей пушнину и ѣздить за товарами самому въ г. Николаевскъ. Заботливое начальство снабдило Ваньку и цѣнами на товары, обязавъ его за соболя доставлять своимъ собратамъ извѣстное количество того или другаго товара и барыша брать столько, чтобы окупалось имъ потраченное время на поѣздку въ Николаевскъ и стоимость этой поѣздки.

Выборъ Ваньки въ купцы былъ удаченъ, такъ какъ Ванька человѣкъ энергичный, толковый и мало придерживающійся старинныхъ ороческихъ предразсудковъ. Дѣло сначала шло очень хорошо, жаль только, что Ванька скоро понялъ суть торговыхъ операцій и уже къ концу третьяго года своего купечества онъ сдѣлался кулакомъ не хуже любаго русскаго. Вошелъ въ сдѣлку съ тѣми купцами, которые раньше сами пріѣзжали къ Орочамъ, кредитуется у нихъ товарами и самымъ плачевнымъ образомъ сообщаетъ Орочамъ о наступающихъ тяжелыхъ временахъ; цѣны на пушнину, говоритъ Ванька, теперь пали, соболь стоитъ три рубля, а не пять, какъ прежде, выдра 75 коп. за четверть, а не 1 руб; цѣны же на товаръ увеличиваются, табакъ стоитъ 18 руб. пудъ, крупа 4 руб. пудъ и т. п.

Изъ разговора съ Орочами можно было понять, что Ванька кузнецъ многое извращаетъ предъ глазами Орочей о жизни въ г. Николаевскѣ и о поѣздкѣ туда, и тѣмъ самымъ предотвращаетъ желаніе другихъ Орочей ѣздить самимъ съ своей пушниной въ Николаевскъ. Въ видахъ сохраненія въ секретѣ цѣнъ на товары, онъ очень недоволенъ бываетъ, когда какой либо посторонній человѣкъ, могущій разоблачить его секретъ, является среди Орочей.

Впрочемъ Ванька тѣмъ хорошъ, что онъ, какъ человѣкъ бывалый, познакомившійся нѣсколько съ бытомъ русскихъ, часто заступается за обиженныхъ, подаетъ совѣтъ неумѣлымъ, помогаетъ бѣднымъ и научаетъ ихъ многому хорошему; жаль только, что онъ изъ коммерческихъ расчетовъ оберегаетъ всѣхъ Орочей отъ вліянія постороннихъ, отъ которыхъ Орочи могли бы тоже чему либо поучится и такимъ образомъ могли бы прогрессировать въ своемъ быту. Для того, чтобы Ванька, какъ человѣкъ торговый былъ бы вполнѣ полезнымъ для своихъ собратовъ, слѣдуетъ препятствовать ему злоупотреблять своими знаніями и взглядами ради торговыхъ цѣлей, и для этого, по моему мнѣнію, ему слѣдуетъ выставить конкурентовъ изъ среды Орочей же.

Привыкшіе съ искони пріобрѣтать нужные для себя предметы только за пушнину, Орочи сильно были удивлены, что я за довольно щедрыя цѣны скупаю у нихъ такія вещи, какъ берестовыя чумашки, вилки, ковши и т. п., за которыя они недали-бы и хвоста соболинаго. На первый разъ они смотрѣли на меня съ удивленіемъ, какъ на сумасшедшаго, затѣмъ стали относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ, не учиню ли я имъ потомъ за такую продажу какую либо каверзу; поэтому нѣкоторые отказывались отъ продажи своихъ вещей, прятали ихъ отъ меня и даже сами старались избѣгать меня, особенно когда я завелъ рѣчь объ измѣреніи ихъ головъ и роста. Только благодаря нѣкоторымъ смѣльчакамъ, которые, какъ видно было, на авось довѣрились мнѣ и которые, кромѣ ласки и обильнаго вознагражденія, ничего отъ меня не получили, Орочи мало по малу перестали дичиться меня, начали не только показывать и продавать мнѣ свои вещи, но и разсказывать про свое житье, бытье. Подъ конецъ дѣло дошло до того, что кому либо изъ нихъ нужно было получить отъ меня что либо, напр. табаку, чаю и т. п. онъ напередъ узнавши, чего изъ ороческихъ вещей не было у меня, бралъ эту вещь и заявлялся ко мнѣ съ словами: „Твоя найонъ, еще не видѣлъ вотъ это, погляди“, и при этомъ подробно разсказывалъ употребленія этой вещи. Нѣкоторые даже заявлялись и объявляли мнѣ, что я ихъ еще не мѣрилъ, конечно я тотчасъ же приступалъ къ измѣреніямъ и награждалъ ихъ чѣмъ либо. Я долго напр. не могъ достать женскихъ штановъ, наконецъ является одинъ Орочъ съ предложеніемъ дать ихъ мнѣ, если я дамъ за нихъ столько дабы, сколько слѣдуетъ для штановъ, и сахару для его жены, а для него за хлопоты рюмку водки и табаку. Я согласился и чрезъ полчаса штаны были у меня. Если у какого нибудь Ороча не было ничего такого, за что онъ могъ бы получить съ меня что-либо, то онъ предлагалъ дать ему какую нибудь работу, напр. сдѣлать модель юрты, парты, лодки и т. п., тогда какъ по первому разу мнѣ дорого стоило нанять и уговорить одного Ороча, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ модель оморочки; онъ взялся, но видно было, что это занятіе сильно сокрушало его, и сдѣлалъ до того неподходящую для меня модель, что я бросилъ ее потомъ, когда другой Орочъ, добровольно взявшійся, сдѣлалъ мнѣ другую вполнѣ правильно и хорошо. Словомъ подъ конецъ видно было, что Орочи перебирали весь свой хламъ житейскій, и если находили какую нибудь вещь, которой у меня еще не было, то тотчасъ доставляли мнѣ ее. Если не находилось ничего изъ вещей такого, чѣмъ бы можно было заинтересовать меня, то Орочи начинали продѣлывать предо мною какія либо игры и забавы, или заводили разсказы про старое, про бывалое и т. п. Боясь, чтобы кто нибудь изъ нихъ, пользуясь моею готовностью слушать и записывать все, что только мнѣ не скажутъ, не вздумалъ бы наговорить мнѣ какой либо небылицы, я каждый разъ старался провѣрять все сказанное у другихъ Орочей, при чемъ нападалъ иногда на различные варіанты одного и того же факта, а иногда и на пополненія прежняго разсказа. Вотъ благодаря этимъ-то бесѣдамъ, у меня и составилось нѣсколько сказаній и повѣрій, а также и описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ, о которыхъ я и думаю сообщить нѣсколько далѣе, а теперь скажу нѣсколько словъ о вымираніи Орочей въ теченіи послѣднихъ лѣтъ.

Въ силу сосредоточенности единственно на удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей, Орочи, какъ и другіе полудикари, свои интересы распространяютъ на столько, на сколько они касаются лишь ихъ собственнаго существованія. Поэтому они не только не интересуются давно минувшимъ и будущимъ, но даже то, что было лѣтъ пять, шесть тому назадъ, при ихъ жизни, становится для нихъ предметомъ, подлежащимъ необходимому забвенію. Никто не знаетъ своихъ лѣтъ жизни, даже матери, если ихъ дѣтямъ прошло болѣе 5 лѣтъ, отказываются отъ опредѣленія ихъ возраста. Только выдающіеся факты, совершившіеся предъ ихъ глазами и заинтересовавшіе ихъ вниманіе, болѣе или менѣе на долгое время остаются у нихъ въ памяти; такъ напр. они помнятъ не годъ, а фактъ появленія въ Императорской гавани въ первый разъ русскихъ, помнятъ затопленіе фрегата „Паллада“, зимовку въ Императорской гавани парохода „Манджуръ“, и т. п.

Вотъ благодаря подобнымъ фактамъ и представилась возможность, при распросахъ о времени, подраздѣлить послѣдніе 30 лѣтъ на болѣе мелкіе періоды. Одинъ Орочъ, напр. на вопросъ сколько ему лѣтъ, отвѣчаетъ: *„Когда русскіе первый разъ ходи, у меня былъ сынъ, умный ходи“*, *или „умный соболя ловы“* и т. п.; другой на вопросъ, когда умеръ его отецъ, отвѣчалъ: *„Когда зима здѣсь стои пароходъ* („Манджуръ“) *отецъ мой сильно хворай и умирай“*. На всякій вопросъ о времени приходилось получать подобные отвѣты, почему трудно было собрать достовѣрныя свѣдѣнія о вымираніи Орочей по годамъ въ какой либо опредѣленный періодъ времени. Всѣ говорятъ: *„Когда первый разъ ходи русскіе, Орочъ здѣсь много, много былъ, теперь всѣ помирай“*. Лишь только одинъ Орочъ, послѣ долгихъ моихъ упрашиваній, могъ сосчитать мнѣ сколько жило Орочей на рр. Ходэ и Май въ то время, когда былъ затопленъ фрегатъ „Паллада“, т. е. 1856 г.

По его счету оказывается, что мужчинъ по этимъ двумъ рѣчкамъ жило 56, а женщинъ 48. (Онъ перечислилъ ихъ всѣхъ поименно). Сравнивая такимъ образомъ съ числомъ нынѣ живущихъ, оказывается, что въ теченіи 30 лѣтъ народонаселеніе Императорской гавани уменьшилось почти въ 4 раза. Таковое же уменьшеніе можно допустить и по другимъ рѣкамъ. Академикъ Шренкъ зналъ о многихъ селеніяхъ, которыхъ нынѣ совсѣмъ нѣтъ и отъ которыхъ остались только полуразрушившіяся кладбища.

Главная причина постепеннаго уменьшенія Орочей—это тягостныя условія ихъ жизни, которыя, вмѣстѣ съ ихъ неряшествомъ и нѣкоторыми дикими обычаями, въ концѣ концовъ совершенно уничтожатъ это, когда-то большое племя. Изъ болѣзней, на которыя болѣе всего жалуются Орочи, большая часть принадлежитъ къ экзематознымъ и ревматическимъ. Есть и сифилисъ, но въ незначительной мѣрѣ. Бывали эпидеміи; на сколько можно было понять Орочей,—это были оспа и тифъ.

Всѣ Орочи окрестностей Императорской гавани считаются православными христіанами, но христіанство признается ими только для виду и выражается только тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ крестъ, въ большинствѣ случаевъ гдѣ-нибудь спрятанный, и каждый носитъ православное имя, при чемъ Орочи, живущіе въ отдаленныхъ уголкахъ, какъ напр. по р. Тунджи, гдѣ имъ приходится рѣдко встрѣчаться съ русскими, даже съ трудомъ вспоминаютъ данныя имъ когда-то православныя имена. Креститься умѣютъ 5—6 человѣкъ и только; понятій о вѣрѣ христіанской никакихъ и ни у кого. Миссіонеръ былъ у нихъ раза три, при чемъ послѣдній разъ былъ лѣтъ 8 тому назадъ, почему дѣти моложе 8 лѣтъ совсѣмъ не крещены и зовутся своими Ороческими именами. Очевидно, что послѣ 8-ми лѣтней Ороческой клички всякій ребенокъ, хотя и получитъ православное имя, но въ силу привычки продолжаетъ зваться своимъ прежнимъ именемъ, а не православнымъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Ходэ и Уй, гдѣ всегда есть русскіе солдаты, православныя имена подъ вліяніемъ ихъ болѣе или менѣе получаютъ перевѣсъ надъ Ороческими и со временемъ укорепяются, въ мѣстахъ же удаленныхъ отъ русскаго элемента, православное имя имѣется у каждаго только на случай пріѣзда къ нимъ кого либо изъ русскихъ, вотъ почему многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ сказать свое имя, поглядятъ другъ на друга, какъ бы прося помощи у другихъ вспомнить это имя, и произнесутъ „Ирилка“ т. е. Кирилка.

Подъ прикрытіемъ же христіанства каждый изъ нихъ продолжаетъ чтить религію своихъ предковъ. Вопросъ о религіи, какъ вопросъ умозрительный, при разъясненіяхъ его требуетъ болѣе или менѣе правильнаго умѣнія объясняться на томъ или другомъ нарѣчіи, поэтому мнѣ, какъ не умѣвшему по Ороčески, съ Орочами, какъ незнающими на столько русскаго языка, трудно было достигнуть по этому вопросу вполнѣ точныхъ результатовъ. Вотъ почему въ данномъ случаѣ, приступая къ сообщенію о вѣрованіяхъ Орочей, я считаю долгомъ предупредить читателей, что все, мною ниже сообщенное, есть результатъ неоднократныхъ распросовъ о вѣрованіи Орочей и мой лишь личный выводъ изъ нихъ, при чемъ смѣю льстить себя надеждой, что впослѣдствіи, при развитіи нашего общества, мои сообщенія будутъ пополнены, исправлены и измѣнены, гдѣ и какъ нужно.

Сверхестественная сила, обоготворяемая Орочами, въ рукахъ которой находится власть надъ всѣмъ видимымъ, называется у Орочей, какъ я уже разъ говорилъ выше, Андури; къ нему Орочи прибѣгаютъ съ своими молитвами во всѣхъ случаяхъ; у него просятъ себѣ пропитанія, у него ищутъ помощи въ промыслѣ, ему возносятъ свои жалобы и у него же просятъ совѣтовъ, въ видѣ вразумленія. Андури, по представленію Орочей имѣетъ видъ человѣка, одареннаго властью дѣлать все, что захочетъ. Мѣстопребываніе его небо, откуда Андури, вмѣщающій и все это небо, все видитъ и за всѣмъ слѣдитъ. Собственно слово „Андури“ есть манджурское, у Амурскихъ и Уссурійскихъ инородцевъ произносится Эндури, и въ переводѣ на русскій языкъ значитъ святой духъ; Орочи, прилагая это названіе къ своему божеству, выражаютъ этимъ эпитетомъ общее обращеніе ко всѣмъ духамъ, могущимъ оказывать помощь въ просимомъ, но такъ какъ выше всѣхъ божествъ, по мнѣнію Орочей, все таки есть то доброе и покровительствующее людямъ божество, которое живетъ на небѣ, то эпитетъ Андури и прилагается главнымъ образомъ къ нему, хотя частное имя этого божества есть Боа, что значитъ Богъ, а Андури есть слово, характеризующее его

святость, его сверхестественность. Боà Андури, какъ владѣтель всего видимаго, имѣетъ въ своемъ распоряженіи второстепенныхъ духовъ, владѣющихъ исключительно какимъ либо однимъ райономъ видимаго, напр. владѣтеля моря, называемаго Тэму, владѣтеля горъ и тайги, называемаго Качкамгу. Небо, тайга съ горами и море вотъ все видимое, что окружало и окружаетъ Ороча, поэтому по этимъ тремъ отдѣламъ міра, существуетъ и 3 божества. По представленію Орочей Тэму и Качкамгу, какъ блюстители, какъ управляющіе однимъ лишь изъ владѣній Боà, не обладаютъ уже тѣмъ всемогуществомъ, какъ Боà, и не отличаются тѣмъ великодушіемъ, какъ онъ. *„Боà Андури“*, говорилъ мнѣ одинъ Орочъ, *„велѣлъ Качкамгу оберегать тайгу, чтобы никто не портилъ ея и не пользовался ею сверхъ требуемаго“*. Чтобы угодить Боà, Качкамгу, какъ ревностный управляющій, иногда бываетъ слишкомъ взыскателенъ и, ради благосостоянія тайги, иногда не щадитъ въ тайгѣ и людей; если бы не жалость Боà Андури къ людямъ, то Качкамгу, ничего бы не далъ Орочу въ тайгѣ. Въ своей молитвѣ предъ отправленіемъ на охоту Орочи обращаются съ просьбою къ Андури, а кашу разбрасываютъ по тайгѣ и разливаютъ водку собственно для умилостивленія Качкамгу. Такого же представленія Орочи и о Тэму, какъ о блюстителѣ моря и воды. Предъ началомъ рыбной ловли Орочи молятся также Андури, а для Тэму бросаютъ въ воду старую юколу и кашу.

Качкамгу и Тэму, какъ боги низшаго порядка, могутъ быть видимы и простыми Орочами. Вотъ преданіе о видѣніи Качкамгу и Тэму Орочамъ.

Однажды одинъ богатый Орочъ отъ нечего дѣлать пошелъ въ большую тайгу собирать кедровыя шишки.

Такъ какъ тайга была большая и кедра въ ней было много, то Орочъ скоро набралъ цѣлый мѣшокъ кедровыхъ шишекъ. Сѣлъ подъ дерево и началъ ѣсть орѣхи, но такъ какъ былъ не голодный, то не столько ѣлъ ихъ, сколько бросалъ ихъ по сторонамъ. Вдругъ откуда не возмись Качкамгу, въ видѣ большаго, большаго человѣка, и сказавши: зачѣмъ ты нарвалъ зря кедровыхъ шишекъ, взялъ бѣднаго Ороча на плечи и понесъ на горы. Чрезъ нѣсколько времени Качкамгу подошелъ къ большому утесу, въ которомъ была щель; щель эта разступилась, и Качкамгу съ Орочемъ на плечахъ вошелъ въ нее и очутился въ большой и красиво убранной юртѣ; тамъ много было всякаго добра, было много мамокъ (женъ) и много дѣтей. Орочъ испугался и не зналъ, что дѣлать. Вспомнилось ему, что Качкамгу, по приказанію Андури, не долженъ касаться крови человѣка, вотъ онъ взялъ свой ножъ и ударилъ себя въ грудь; изъ груди пошла кровь, и ею Орочъ вымазалъ себя всего. Качкамгу видитъ, что Орочъ не дуракъ, хочетъ отъ него отдѣлаться; взялъ обмоталъ его берестой, чтобы самому не вымазаться въ крови, и понесъ въ рѣку мыть. Сначала долго его окуналъ въ воду, затѣмъ разорвалъ на немъ всю одежду и надѣлъ ему свою новую. Принесъ его опять въ свою юрту и далъ ему ѣсть какого то мяса. Орочъ зналъ, что если онъ съѣстъ этого мяса, то Андури отступится отъ него и тогда ему уже не возвратиться въ свою семью. Какъ его не упрашивалъ Качкамгу и какъ не угрожалъ ему, Орочъ ничего не ѣлъ, а все молился Андури. Прошло 7 дней, а Орочъ все не ѣстъ ничего и не пьетъ. Наконецъ Качкамгу видитъ, что Орочъ пожалуй умретъ у него въ юртѣ съ голоду, осерчалъ, взялъ его и отнесъ назадъ на то мѣсто, гдѣ взялъ. Орочъ бросилъ тамъ всѣ кедровыя шишки и мѣшокъ, пришелъ домой и разсказалъ о всемъ случившемся съ нимъ, добавивъ „не позволь Андури еще когда нибудь видѣть Качкамгу.“

Разсказъ о видѣніи человѣкомъ властителя моря Тэму слѣдующій:

Жилъ когда то старый Орочъ со старой мамкой (женою), у нихъ былъ сынъ молодой, лѣтъ 20. Какъ самъ старикъ, такъ и сынъ его были самыми лучшими промышленниками среди Орочей, почему жили очень богато и было у нихъ всего не только въ достаткѣ, но и въ запасѣ; соболей было много, матерій шелковыхъ и халатовъ хватало на каждаго по нѣскольку штукъ. Вотъ однажды поѣхали они на своихъ оморочкахъ ловить нерпъ; старикъ ѣдетъ немного впереди, а сынъ сзади. Увидѣли они нѣсколько нерпъ, старикъ сталъ преслѣдовать одну нерпу, а сынъ другую.

Потративъ нѣсколько времени въ погонѣ за нерпой понапрасну, старикъ вернулся назадъ и увидѣлъ, что сынъ куда-то исчезъ; сначала онъ подумалъ, не утонулъ ли онъ, началъ искать оморочку, но ни сына, ни оморочки его нигдѣ не было видно; поѣхалъ на берегъ, обошелъ весь берегъ, сына небыло нигдѣ. Пошелъ старикъ домой и сообщилъ о такомъ внезапномъ исчезновеніи сына вмѣстѣ съ оморочкой, острогой и т. п. Первое время все еще надѣялись, что онъ какъ нибудь вернется, но прошло нѣсколько дней, а сынъ не возвращался. Тогда старикъ вынулъ изъ своихъ амбаровъ соболей и матерій и нанялъ двухъ, трехъ Орочей искать сына, поручивъ имъ принести къ нему хотя-бы что нибудь изъ вещей, бывшихъ съ сыномъ въ оморочкѣ. Долго они искали, но ничего не нашли. Старикъ нанималъ еще нѣсколькихъ молодцовъ для розыску, но все было напрасно. Прошло два года; старикъ и старуха похудѣли съ тоски, постарѣли съ горя, промышлять было некому, а все запасное добро истратили на поиски сына. На третій годъ старикъ со старухой пошли къ тому мѣсту, откуда пропалъ ихъ сынъ, сѣли на берегу и начали плакать, прося Андури помочь ихъ горю.

Вдругъ, откуда не возмись, на торчащихъ изъ подъ воды камняхъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега появился Тэму въ видѣ большаго человѣка съ длинной, бѣлой бородою и спросилъ старика: отъ чего ты такъ горько плачешь? Старикъ сначала испугался, а потомъ кое какъ разсказалъ про свое горе. Тогда Тэму объявилъ ему, что его сынъ живетъ у него и если старику угодно видѣть его (сына), то пусть въ наступающую одну ночь сдѣлаетъ здѣсь на берегу новую юрту, тогда сынъ его самъ явится къ нему въ эту юрту. Объявивъ это условіе, Тэму бросился въ воду и исчезъ. Старикъ отослалъ старуху домой, а самъ началъ дѣлать юрту. Трудно было старику исполнить эту работу, но желаніе видѣть своего сына преодолѣло все и къ концу ночи юрта была готова. Утомленный работою, старикъ подъ утро легъ въ этой юртѣ и хотѣлъ хотя немного заснуть, но вдругъ дверь приподнялась и въ юрту къ его ногамъ была кѣмъ то брошена зыбка, обвернутая матеріею и завязанная ремнемъ. Старикъ развязалъ ремень, развернулъ покрывало и увидѣлъ въ зыбкѣ маленькаго мальчика, какъ разъ такого, какимъ былъ его сынъ, когда былъ еще младенцемъ. Обрадовался старикъ и понесъ его къ старухѣ. Обрадованная старуха сразу признала въ малюткѣ своего сына и начала кормить его рыбьимъ жиромъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ и въ два года выросъ и сталъ такимъ, какимъ потерялся. Сталъ промышлять лучше прежняго и скоро поправилъ состояніе обѣднѣвшаго старика отца.

По соображеніямъ Орочей, сынъ этотъ, когда поѣхалъ на оморочкѣ съ отцомъ промышлять нерпъ, то по ошибкѣ погнался не за нерпой, а за большой рыбой касаткой, въ пасти которой и находится жилище Тэму.

„Да“ добавилъ мнѣ разскащикъ Орочъ, *Качаму и Тэму одинъ-одинъ Орочъ посмотри, Андури же можетъ видѣть только большой шаманъ.*

Большимъ, т. е. настоящимъ шаманомъ называется такой человѣкъ, который можетъ доводить себя посредствомъ истязаній до нервнаго притупленія чувствъ, и такой лишь шаманъ способенъ, по мнѣнію Орочей, видѣть Андури, причемъ въ такомъ лишь видѣніи, что у шамана, по приведеніи его въ чувства, остается въ памяти только смутное представленіе о его величіи и нѣсколько изрѣченій, сказанныхъ ему самимъ Андури, съ цѣлью передачи ихъ людямъ. Дабы человѣкъ удостоился видѣть Андури, онъ долженъ, хотя бы на время, отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ житейскихъ нуждъ и тѣлесныхъ требованій, побужденій; человѣкъ, погруженный въ житейскіе интересы, низокъ для общенія съ Андури. Вотъ почему каждый шаманъ, стремящійся къ этому общенію, старается предъ началомъ шаманства и во время его показать, что ему непочемъ изнурить свое тѣло и притупить свои чувства, лишь бы только возвыситься умомъ и сердцемъ до лицезрѣнія Андури.

Раннимъ утромъ или позднимъ вечеромъ, когда вся природа погружается, такъ сказать, въ раздумье о предстоящихъ или прошедшихъ прозябаніяхъ, шаманъ, погруженный въ раздумье, мало по малу отдѣляется своими мыслями отъ всѣхъ взгодъ и невзгодъ житейскихъ, все окружающее становится ему мерзкимъ, а какое то внутреннее чувство, прирожденное ему, какъ человѣку, шепчетъ ему, что есть что-то и гдѣ-то, что выше всего земнаго, и даже выше его самого. Въ такомъ раздумьи шаманъ мало по малу перестаетъ удовлетворяться только мыслью о всемъ возвышенномъ, ему является потребность не только умомъ, но и тѣломъ вознестись до того, что въ его мысляхъ кажется болѣе достойнымъ, чѣмъ все земное. Какъ человѣкъ грубый, дикій шаманъ Орочъ и мысли свои выражаетъ въ грубой формѣ, въ формѣ шаманства.

На постоянно курящемся въ юртѣ очагѣ шаманъ зажигаетъ особаго рода траву, дымъ которой распространяется по всей юртѣ и способенъ притупить не только чувства обонянія, но и другія. Дабы глаза его не сосредоточивались на чемъ либо окружающемъ, онъ держитъ ихъ въ полузакрытомъ видѣ и нѣсколько прикрываетъ ихъ повязкой вокругъ головы. Вокругъ поясницы привѣшиваетъ коротенькую, съ красной канвой юбочку (таб. VI, рис. 9), подпоясывается поясомъ, увѣшаннымъ множествомъ желѣзныхъ побрякушекъ (таб. VI, рис. 8) и беретъ въ руки бубенъ, состоящій изъ деревяннаго обруча, діаметромъ въ аршинъ, обтянутаго выдѣланной кожей молодаго оленя; въ лѣвой рукѣ держитъ этотъ бубенъ, а въ правую беретъ плоскій изогнутый валекъ, длиною четверти въ 2, обтянутый невыдѣланной кожей съ ногъ лося. Вотъ въ такомъ то вооруженіи, обкуренный вышеупомянутой травою, шаманъ становится съ внутренней стороны дверей своей юрты и однократными ударами о бубенъ, предварительно нагрѣтый надъ очагомъ, возвѣщаетъ о началѣ своего шаманства. Прежде всего изъ устъ шамана слышатся лепетанье и шипенье какихъ то звуковъ, непонятныхъ, какъ говорятъ Орочи, даже и имъ. Болѣе всего слышится учащенный звукъ чо-чо-чо и ши-ши-ши и раздаются завыванья, прерываемыя ударами о бубенъ. Потомъ сначала тихо, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе шаманъ начинаетъ бѣгать вокругъ очага, причемъ ногами выдѣлываетъ въ родѣ па при танцахъ, т. е. одной ногой дѣлаетъ большой шагъ и тотъ часъ же передвигаетъ ее впередъ на полъ ступни, затѣмъ дѣлаетъ такой же большой шагъ и передвиженіе его на полъ ступни впередъ другой ногой и т. д. При такой побѣжкѣ получается сотрясеніе туловища, отъ чего желѣзныя побрякушки на поясѣ производятъ сильную стукотню. По мѣрѣ того, какъ шаманъ начинаетъ вхо-

дить въ пафосъ, все сильнѣе и сильнѣе слышаться его дикія завыванья и непонятные звуки, сильнѣе и чаще оглашаютъ окрестъ удары о бубенъ и бряцанья побрякушекъ, даже верстъ на 5 по тайгѣ можно слышать, что шаманъ заманилъ. Послѣ 4 или 5 туровъ вокругъ очага шаманъ останавливается около двери, страшно воетъ и бьетъ себя валькомъ или по головѣ, или по животу, потомъ опять начинаетъ бѣгать, останавливается и опять бьетъ себя. Подъ конецъ, т. е. послѣ часоваго такого бѣсованія, физіономія шамана сильно искажается, глаза становятся страшными, потъ градомъ льется съ него, завыванья слышатся отрывистыя, но сильныя, наводящія ужасъ на непривычнаго къ нимъ человѣка, стукъ бубна, звонъ побрякушекъ и смрадъ отъ травы наполняютъ всю юрту. Наконецъ шаманъ остановился, ударилъ въ бубенъ и бросилъ его, ударилъ еще разъ себя въ голову и въ полуизнеможенномъ видѣ повалился на нары. Домашніе укладываютъ его и только на другой день спрашиваютъ о томъ, не узналъ ли онъ вчера что либо отъ Андури. Бываютъ случаи, что послѣ шаманства шаманъ, особенно женщина, впадаютъ въ болѣзни или въ помѣшательства. Мнѣ указывали на одну женщину, рьяную шаманку, которая однажды послѣ шаманства, перестала понимать свой родной языкъ, заговорила на непонятномъ для Орочей нарѣчіи и только мѣсяца два спустя послѣ этого начала, какъ малый ребенокъ, постепенно понимать и говорить съ другими. Что было бы съ нею, если бы мужъ не отобралъ отъ нея всѣ шаманскія принадлежности и не запретилъ бы ей шаманить?

Если шаманъ шаманилъ по собственному своему желанію, такъ сказать, по наитію съ выше, то на другой день, смотря по обстоятельствамъ или угрюмо молчитъ, или придумаетъ что либо сообщить своимъ собратамъ въ видѣ какого нибудь предсказанія, напр. объ обилліи рыбы въ наступающее лѣто, о приходѣ судна, о пріѣздѣ какого нибудь найона и т. п.; случается, что и угадываетъ, и чѣмъ больше такихъ вѣрныхъ предсказаній шамана, тѣмъ болѣе онъ самъ убѣждается въ своей способности шаманить и тѣмъ болѣе возвышается его достоинство въ глазахъ другихъ Орочей. Такого шамана Орочи почитаютъ и вѣрятъ ему. Одинъ зоветъ его для больнаго, другой для указанія, какъ и гдѣ искать потерянное, третій проситъ его пошаманить вообще о какихъ либо невзгодахъ и т. п. Такой шаманъ мало по малу становится дармоѣдомъ и ничего не дѣлаетъ, а только шаманитъ. Особенно Орочи признаютъ въ шаманѣ способность исцѣлять болѣзни. Въ этомъ случаѣ шаманъ, очнувшись послѣ шаманства въ присутствіи больнаго, обыкновенно предписываетъ больному сдѣлать изъ дерева какого нибудь идола, напр. медвѣдя, лебедя, тигра и т. п., обязываетъ его поставить или повѣсить этого истукана гдѣ нибудь и кормить жиромъ. Такихъ насаженныхъ и подвѣшанныхъ на длинныхъ шестахъ болвановъ можно встрѣтить у каждаго селенія; попадаются и большіе болваны, помѣщенные въ небольшихъ изгородяхъ, и эти идолы, какъ кажется, даже и обоготворяются. (Таб. VI, рис. 1—6.) Предписанное шаманомъ больной исполняетъ въ точности до тѣхъ поръ, пока не выздоравливаетъ, а если случится, что умретъ, то шаманъ остается въ полномъ убѣжденіи, что больной не точно выполнялъ предписанное ему чрезъ шамана самимъ Андури.

Шамановъ, заслужившихъ себѣ довѣріе, среди Орочей очень мало, настоящіе же шаманы пріѣзжаютъ къ нимъ съ р. Амура изъ Гольдовъ; такихъ же шамановъ, которые умѣютъ только продѣлывать всю процедуру шаманства, а силою знанія и предвѣщанія не отличаются, попадается много, но Орочи сами о такихъ шаманахъ отзываются, что они лишь дурятъ; такой то началъ „дурить“, сообщаютъ они другъ другу.

Подъ вліяніемъ ли христіанства, или изъ угожденія ко мнѣ, какъ къ русскому чиновнику, или подъ вліяніемъ какихъ либо другихъ соображеній, но только въ моемъ присутствіи многіе Орочи отзывались о шаманствѣ, какъ о шарлатанствѣ, и на мои вопросы, кто и что вліяетъ на вѣрность предсказаній шамана, высказывали сомнѣніе насчетъ участія въ этомъ дѣлѣ Андури, а скорѣе приписывали это хитрости самого шамана или вѣдѣнію Амба, т. е. черта, который ради своихъ злыхъ намѣреній помогаетъ шаману.

Въ противуположность добрымъ божествамъ, т. е. Боа Андури и его земнымъ повѣреннымъ Тэму и Качкамгу, есть, по вѣрованію Орочей, и злые духи, вредящіе жизни человѣка, это Амба, т. е. чертъ, діаволъ. Амба, какъ и Андури, всевѣдующій, но не такъ всемогущъ, какъ Андури. Онъ вездѣ слѣдитъ за человѣкомъ и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ портить жизнь человѣку и препятствуетъ ему во всякомъ начинаніи. Амба иначе называется Ганкэ, но слово Ганкэ употребляется какъ ругательство и скорѣе имѣетъ такой же смыслъ, какъ у насъ бранное слово „скотина“, „анаѳема“ и т. п. Злой духъ, обитающій въ дебряхъ лѣсныхъ, въ пустыряхъ и въ старыхъ заброшенныхъ юртахъ, называется у Орочей Шака, но Шака собственно не вреденъ, если только не заходить въ его владѣніе, гдѣ онъ только и можетъ причинить зло человѣку.

Представленія Орочей о началѣ всего видимаго и о первомъ появленіи человѣка въ мірѣ нельзя назвать точными, или вѣрнѣе сказать, мнѣ не удалось собрать точныхъ, послѣдовательныхъ свѣдѣній объ этомъ вопросѣ. *„Должно быть Андури все дѣлай и онъ знай все это, а Орочъ это не понимай, какъ онъ можетъ знай“* го-

ворилъ мнѣ одинъ Орочъ на вопросъ, откуда взялось все, что окружаетъ насъ. Никто изъ Орочей не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ, сообщить мнѣ своихъ воззрѣній о послѣдовательномъ появленіи всего видимаго, а каждый, кого только я не спрашивалъ, или говорилъ уклончиво, или сообщалъ мнѣ только отрывочные факты.

Отъ разныхъ лицъ мнѣ удалось узнать нѣсколько разсказовъ, которые, по моему мнѣнію, должно быть, составляютъ продолженіе одинъ другаго, и которые, хотя и не говорятъ ясно о началѣ всего видимаго, но все таки относятся къ давно минувшему и отчасти характеризуютъ представленія Орочей, о томъ, что было прежде. Разсказы эти, дабы дать возможность читателю самому дѣлать изъ нихъ выводы, сообщаю такъ, какъ они были переданы мнѣ; съ своей стороны предлагаю только порядокъ ихъ, т. е. какой изъ нихъ, по моему мнѣнію, долженъ предшествовать другому.

1) Когда то, давнымъ давно, было 3 солнца; время это было очень жаркое, жить на землѣ тогда нельзя было; былъ тогда человѣкъ (одинъ или много?) и были животныя, но жить на землѣ было невозможно, почему человѣкъ жилъ на водѣ и умѣлъ ходить по воздуху. Скучно стало человѣку жить такимъ образомъ, вотъ онъ взялъ лукъ и стрѣлы и пошелъ стрѣлять въ солнце. Долго-ли, скоро-ли, но все таки ему удалось убить два солнца и спустить ихъ съ неба въ воду. Тогда стало прохладно и можно было переѣхать на землю. Земля остыла и покрылась тайгой, остались отъ того горячаго времени только въ горахъ ноздреватые камни, которые при трехъ солнцахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кипѣли.

2) Сначала земля нагрѣвалась тремя солнцами, но жить тогда было очень тяжело; вотъ одинъ Орочъ и убилъ два солнца, осталось одно и жить стало прохладнѣе. Человѣкъ въ то время жилъ въ видѣ животнаго, не имѣлъ ни одежды, ни особой пищи; тогда и другія животныя жили съ нимъ вмѣстѣ, говорили такъ же, какъ и онъ. Теченія въ рѣкахъ были двойныя, т. е. у одного берега вода текла въ одну сторону, а у другаго въ другую, вѣтеръ сразу дулъ со всѣхъ сторонъ, деревья были какъ камни, а камни горѣли, какъ деревья. Словомъ тогда было не такъ, какъ теперь. Перемѣнилось это благодаря ходатайству выдры предъ Андури Боа. Однажды выдра переплывала съ своимъ ребенкомъ рѣку; на срединѣ рѣки выдра, плывшая впереди, попала въ одно теченіе, а ребенокъ въ противуположное. Теченіе было быстрое, не успѣла выдра оглянуться, какъ ея ребенокъ былъ унесенъ теченіемъ далеко отъ нея. Поплыла она за нимъ, но не догнала и онъ пропалъ. Послѣ долгихъ розысковъ она пошла къ Андури и говоритъ ему: не ладно все на землѣ устроено, человѣкъ какъ животное, камни горятъ, а деревья какъ камни, теченія въ рѣкѣ различныя, вѣтеръ дуетъ сразу со всѣхъ сторонъ и пр. и пр. и разсказала ему про свое горе. Тогда Андури велѣлъ выдрѣ вѣчно жить въ рѣкѣ и только изрѣдка выходить на землю и глядѣть какъ живутъ другія животныя, а все остальное передѣлалъ и велѣлъ всему быть такъ, какъ оно теперь существуетъ; послѣ этого человѣкъ сталъ жить отдѣльно отъ животныхъ, стремленія его стали выше стремленій другихъ животныхъ и получилъ онъ право пользоваться всѣмъ видимымъ.

3) Сначала человѣкъ былъ все равно животное, говорилъ такъ же, какъ и другія животныя, и никто изъ нихъ не боялся другъ друга и никто не слушался одинъ другаго. Порядка тогда никакого не было. Тогда Андури взялъ и раздѣлилъ животныхъ на роды и выдѣлилъ отъ нихъ человѣка, давъ ему превосходство предъ всѣми животными. Человѣкъ (мужчина) сдѣлалъ юрту и жилъ сначала одинъ, ловилъ рыбу, промышлялъ звѣрей и молился Андури за то, что онъ сдѣлалъ его выше всѣхъ животныхъ. Однажды къ этому человѣку, пришла въ юрту утка (Кіоча) и положила свою голову къ нему на колѣни. Сначала онъ хотѣлъ убить ее, но потомъ видитъ, что она такая ласковая, сталъ кормить ее. Прошло нѣсколько времени, утка стала большая-большая, стала понимать, что говоритъ человѣкъ и сама стала кричать почти по человѣчески. Однажды она надѣла на себя одежду и стала настоящая женщина, человѣкъ взялъ ее себѣ въ жены и сталъ съ ней жить. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ у нихъ родились сынъ и дочь. Когда дѣти выросли отецъ отвелъ ихъ въ тайгу и поселилъ въ отдѣльной юртѣ. Дѣти долго жили вмѣстѣ какъ братъ съ сестрой. Братъ ловилъ рыбу, звѣрей и т. п., а сестра шила одежду, готовила пищу, убирала юрту и т. п. Долго они такъ жили наконецъ сестра начала скучать, то сердилась не въ мѣру на брата, то слишкомъ была ласкова съ нимъ, а братъ все былъ одинаковъ, только и зналъ, что ходилъ на охоту. Вотъ однажды братъ возвратился съ охоты и не нашелъ сестры дома, поискалъ, поискалъ ее вокругъ и ушелъ опять на охоту. Сестра же въ это время ушла далеко въ тайгу, сдѣлала тамъ новую юрту, и возвратилась опять домой. Приходитъ братъ и спрашиваетъ ее: „ты гдѣ была“. Сестра разсказала ему, что она была далеко въ тайгѣ и видѣла тамъ новую юрту и въ ней голую женщину, которая просила ее, чтобы она прислала къ ней своего брата. Братъ согласился идти къ ней и сестра разсказала ему куда и какъ идти. Братъ пошелъ, но ненашелъ, тогда сестра велѣла ему цѣлыхъ два дня искать ее; братъ проходилъ два дня, но юрты не нашелъ. Тогда сестра велѣла ему искать три дня и тогда, говоритъ, навѣрнякa найдешь. Братъ пошелъ и дѣйствительно на третій день увидѣлъ юрту, подошелъ къ ней и видитъ, что въ ней сидитъ голая женщина съ

закрытымъ лицомъ. Вотъ онъ вошелъ въ юрту и схватилъ ее, но она ни слова и не пошевельнулась, онъ раскрылъ ей лицо и былъ удивленъ сходствомъ ея съ сестрой. Началъ убѣждать ее сознаться, что она была его сестра, но она окончательно отказалась и только ласкалась къ нему. Тогда онъ предложилъ ей пробыть въ этой юртѣ еще нѣсколько дней, а самъ пошелъ домой, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли сестра его была дома. Какъ только онъ вышелъ, она одѣлась и скорѣй, скорѣй прямой дорогой побѣжала домой. Приходитъ братъ и видитъ что сестра его дѣйствительно сидитъ дома, а та женщина слѣдовательно не его сестра, а другая. Сейчасъ же поѣвъ немного опять пошелъ къ открытой имъ такъ случайно женщинѣ, съ намѣреніемъ взять ее себѣ въ жены. Сестра, какъ только онъ скрылся, опять прямой дорогой опередила его, раздѣлась и опять сѣла въ юртѣ на тоже мѣсто. Пришелъ братъ, обнялъ и взялъ ее себѣ въ жены. Прожили они въ этой юртѣ три дня и братъ радовался тому, что онъ приведетъ къ своей сестрѣ жену, помощницу въ хозяйствѣ, но увы сестры дома не оказалось и онъ тутъ только понялъ, что сестра обманула его, но уже было поздно вернуть прежнія братскія отношенія и они зажили какъ мужъ съ женой. Пошли у нихъ дѣти, были и мальчики, были и дѣвочки. Нашли они затѣмъ и то мѣсто, гдѣ жилъ первый человѣкъ съ уткой, тамъ было уже много юртъ и много людей. Каждый мальчикъ нашелъ тамъ себѣ жену, а каждая дѣвочка мужа. Только одинъ братъ остался безъ жены. Пошелъ онъ разъ на охоту, поймалъ бѣлку и хотѣлъ ее убить, но вдругъ бѣлка заговорила по человѣчески и упрекнула его за то, что онъ рожденъ отъ брата съ сестрой. Онъ бросилъ эту бѣлку и пошелъ дальше, но какого звѣря онъ не встрѣчалъ, всякій ему говорилъ тоже, т. е. что онъ рожденъ отъ брата съ сестрой. Раздраженный этимъ онъ пришелъ домой и началъ говорить объ этомъ отцу; отцу стало стыдно и онъ молча наклонилъ голову и отвернулся въ сторону, признавъ такимъ образомъ свою вину предъ сыномъ. Тогда сыну ясно стало, что это была правда, взялъ отца съ матерью, посадилъ въ лодку и пустилъ ихъ безъ весла въ море. Такъ отецъ съ матерью и уплыли отъ своихъ дѣтей. Жилъ, жилъ этотъ сынъ одинъ и стало ему жаль своихъ родителей. Вотъ онъ и пошелъ искать ихъ, долго искалъ ихъ, но нигдѣ не нашелъ; началъ молиться Андури, чтобы онъ помогъ ему отыскать отца съ матерью. Андури услышалъ его молитву, поднялъ его на небо, привязалъ къ его ногамъ лыжи и велѣлъ идти на другую сторону неба къ отцу и матери. Сынъ пошелъ и больше не возвращался, остался на небѣ только слѣдъ отъ его лыжъ, слѣдъ этотъ и теперь виденъ на небѣ (млечный путь).

4) Прежде, когда людей (Орочей) на землѣ было немного, никто изъ нихъ не помиралъ, люди были большаго роста и никогда не хварали. Только въ послѣдствіи появилась смерть. Первый смертный случай былъ таковъ. Молодой Орочъ, сынъ одного шамана, полезъ на утесъ доставать яйца одной морской утки, утесъ былъ большой и почти гладкій. Набралъ яицъ и хотѣлъ уже слѣзать, но тутъ оступился, упалъ на камни и разбился. Шаманъ отецъ началъ роптать, что его лишь сынъ умеръ, а другіе никто не умираетъ. Долго шаманъ шаманилъ, наконецъ пошелъ куда то въ горы, вырылъ тамъ гдѣ то глубокую яму и сказалъ: пусть эта яма будетъ дорогою въ Бунни Боа, т. е. въ рай, куда всѣ люди должны идти рано-ли поздно-ли. Бунни Боа есть подземный міръ, гдѣ есть земля, тайга, солнце и вода и гдѣ человѣкъ можетъ безъ трудовъ имѣть все то, чего старался имѣть на землѣ. Попавшіе въ Бунни люди живутъ тамъ долго, долго, затѣмъ умираютъ и какъ дымъ поднимаются опять на землю, гдѣ въ видѣ маленькихъ родятся для новой жизни на землѣ. Въ подземномъ мірѣ есть кромѣ Бунни Боа еще Окки Боа (адъ), куда переходятъ послѣ смерти нехорошіе люди. Въ Окки Боа всегда бываетъ темно, холодно и человѣкъ тамъ съ большимъ трудомъ достаетъ себѣ необходимое. Путь съ земли въ подземный міръ очень извилистый и сбивчивый. Только Орочи хорошіе, богатые и благочестивые могутъ находить дорогу въ Бунни, худые же какъ не бьются, все же попадаютъ въ Окки. Послѣ смерти тѣло человѣка остается на землѣ неподвижнымъ, а тѣнь его (мія) продолжаетъ быть живой, и вотъ эта то тѣнь и переходитъ, смотря по достоинству, или въ Бунни или въ Окки.

Орочи вообще боятся умершихъ, поэтому погребеніе совершается всегда, какъ можно скорѣе и только близкими и друзьями. Посторонніе же смотрятъ изъ далека и не принимаютъ никакого участія. При кончинѣ больнаго, особенно если кончина соединена съ страданіями, всѣ удаляются изъ юрты, если умирающій есть хозяинъ юрты, или по крайнѣй мѣрѣ стараются не глядѣть на него, а если умирающій есть какой нибудь второстепенный членъ семьи, то его выносятъ вонъ изъ юрты, не смотря ни на какую погоду. Бывали случаи, что отецъ семьи оставлялъ жену и сына мучившихся предсмертною болью, и уходилъ въ чужую юрту, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока его страдальцы не умирали. Одна Орочка съ дѣтьми ушла отъ своего больнаго мужа и возвратилась только тогда, когда онъ умеръ и когда собаки истребили бо́льшую часть покойника. Какъ только больной помираетъ, ему первымъ долгомъ обвязываютъ голову и лицо платкомъ, большою частью синяго цвѣта, и потомъ уже приступаютъ къ дальнѣйшему снаряженію покойника. Ему надѣваютъ все лучшее изъ его одежды, причемъ если одежда оказалась вполнѣ новою и цѣлою, то ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ

надрѣзываютъ; халатъ надрѣзывается у воротника, штаны у колѣнъ и унты на носкахъ. Словомъ костюмъ такъ или иначе портится, дабы тамъ, т. е. въ Бунни ему дали совершенно новую. Если покойникъ богатый, то сверхъ костюма обвертывается въ шелковую матерію или въ парчу, или въ какое либо другое покрывало, оставленное умершимъ. Сверхъ всего этого, какъ бѣднаго такъ и богатаго обвертываютъ нѣсколько разъ берестой, иногда въ 3 и 4 ряда. При обверткѣ берестой преслѣдывается главнымъ образомъ та цѣль, чтобы къ тѣлу не проникала влага. На дно гроба постилается тоже береста и, положивъ покойника въ гробъ, прикрываютъ его еще и сверху берестой, а потомъ уже накладываютъ крышку. Въ гробъ къ умершему мужчинѣ кладутъ копья, стрѣлы, ножи и т. п. мелкое оружіе, а также, если у него остались, соболей, выдръ или лисицъ. Изъ предметовъ домашняго обихода кладутъ тоноръ и котелъ, причемъ котелъ надбиваютъ и кладутъ въ ноги, такъ что ступни ногъ приходятся въ котлѣ. Лодка, острога, лыжи и т. п. крупныя вещи кладутся снаружи около гроба. Въ гробъ шамана кладутъ еще всѣ шаманскія принадлежности, предварительно переломавъ и изорвавъ ихъ. Въ гробъ женщины кладутся женскія орудія и женскія принадлежности. По вѣрованію Орочей тѣнь умершаго въ теченіи двухъ недѣль витаетъ среди его родныхъ и знакомыхъ, поэтому въ теченіи этого времени ничто изъ вещей покойника не трогается, мало того, во время ѣды и чаепитія въ его чашку накладывается и наливается все, что только могъ бы онъ съѣсть. Наполненная кушаньемъ чашка умершаго ставится по преимуществу на томъ мѣстѣ въ юртѣ, гдѣ обыкновенно при жизни сиживалъ умершій, а по окончаніи обѣда кто нибудь изъ членовъ семьи беретъ эту чашку, уноситъ въ тайгу и выливаетъ. Нѣкоторые же Орочи въ теченіи двухъ недѣль носятъ чашку съ кушаньемъ на гробъ, гдѣ она остается до слѣдующаго обѣда, когда кушанье въ ней перемѣняется и т. д.

По истеченіи двухъ недѣль все годное имущество умершаго берется родными, а негодное сожигается. Чашка, въ которой держали въ теченіи двухъ недѣль кушанье умершему, оставляется близъ гроба. Гробъ дѣлается изъ лиственничныхъ тесанныхъ досокъ, сколачивается въ видѣ длиннаго ящика и скрѣпляется или деревянными гвоздями или рамами изъ 4-хъ выструганныхъ палочекъ. Забитый крышкой гробъ ставится на аршинъ подъ землею на деревянныхъ подставкахъ, или на толстыхъ пняхъ. Гробики младенцевъ ставятся иногда на дерево между большими вѣтками. Большинство гробовъ такъ и остаются подъ открытымъ небомъ, нѣкоторые же, вѣроятно тѣ, у которыхъ въ семьѣ осталось много рабочихъ рукъ, вокругъ гроба дѣлаютъ срубъ съ бревенчатою крышею, или только бревенчатый навѣсъ. Есть срубы и пирамидальной формы, но такихъ сравнительно мало. Наконецъ попадаются и такіе, которые напоминаютъ коническую круглую юрту небольшихъ размѣровъ. Впрочемъ такія надгробныя юрточки строятся преимущественно надъ тѣлами утопленниковъ. Здѣсь къ стати замѣчу, что Орочи, если въ теченіи двухъ лѣтъ не найдутъ тѣла утопленника или вообще безъ вѣсти пропавшаго, то дѣлаютъ изъ дерева болвана въ видѣ человѣка, кладутъ его въ гробъ и погребаютъ его въ такихъ коническихъ юрточкахъ.

Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, когда частые лѣсные пожары начали все больше и больше истреблять ороческія кладбища, Орочи начинаютъ зарывать своихъ покойниковъ въ землю, обложивши ихъ со всѣхъ сторонъ бревнами, для предохраненія отъ хищныхъ звѣрей, причемъ вмѣсто гроба служитъ иногда лодка, оставшаяся послѣ покойника. Покойника всегда кладутъ головою на западъ, лицомъ вверхъ, и съ вытянутыми по бокамъ руками. Благодаря хорошей укупорки, трупы сохраняются очень долго. Мнѣ приходилось брать черепа на кладбищѣ стараго селенія Конни, которое по свидѣтельству Акад. Шренка, въ 1856 году все вымерло и слѣдовательно имѣло minimum 30 лѣтъ, и несмотря на это, трупы были до того ясны, что приходилось черепа отрѣзать и обдирать отъ завалившагося вокругъ ихъ тѣла.

Браки между Орочами находятся въ полной зависимости отъ жизненныхъ интересовъ. Ни любви, ни цѣломудренности брачущихся не требуется, была-бы лишь возможность жениху или его родителямъ заплатить отцу невѣсты требуемый имъ за дочь выкупъ или калымъ, и бракъ между молодыми возможенъ, хотя-бы эти молодые не только не сочувствовали другъ другу, но даже еслибы они никогда и не видѣлись раньше, или если бы они даже были въ такомъ возрастѣ, когда между ними, кромѣ дѣтскихъ игръ и колотушекъ другъ другу, ничего другаго и быть не можетъ. Только взрослые женихи, т. е. такіе, которые или имѣютъ свое самостоятельное хозяйство, или такіе, которые, хотя и живутъ съ родителями, но сами промышляютъ для себя соболей и сами одѣваютъ и кормятъ себя, пользуются въ выборѣ себѣ жены полной свободой; но такъ какъ среди Орочей очень мало бываетъ свободныхъ невѣстъ, то и эти то свободные женихи не придаются любовнымъ выборамъ, а женятся на первой попавшейся.

Вслѣдствіе недостатка женщинъ есть много Орочей не женатыхъ; но такъ какъ женитьба зависитъ всѣцѣло отъ матеріальнаго обезпеченія жениха, то остаются не женатыми по большей части бѣдные, которые, не въ силахъ конкурировать съ богатыми при выкупѣ невѣсты. Богатые же заводятъ для себя по нѣскольку женъ, даже по 3 и 4, но эти случаи рѣдки и, за недостаткомъ свободныхъ жен-

щинъ, большею частію бываютъ только у тѣхъ, которымъ вторая и третья жена достается отъ умершихъ братьевъ. Богатые иногда покупаютъ женъ для своихъ малолѣтнихъ сыновей, причемъ случается и такъ, что жена для такого мужа попадается и вдвое старше его. Все зависитъ отъ представившагося случая.

Съ другой стороны, бѣдный отецъ можетъ продать свою дочь чуть не прямо изъ колыбели.

Возрастъ для вступленія въ супружескую жизнь для мальчика опредѣляется его половымъ развитіемъ, приблизительно около 17 лѣтъ, а для дѣвушки первой менструаціей, т. е. между 12—14 годами. Для вступленія же въ брачную сдѣлку, т. е. для взятія невѣсты въ свою семью и для выдачи за нея выкупа, возрастъ жениха и невѣсты не играетъ никакой роли.

Вмѣсто калыма женихъ платитъ за невѣсту иногда своими трудами, напр. если престарѣлый отецъ имѣетъ небольшую дочь, то онъ беретъ къ себѣ какого нибудь мальчика на возрастѣ и трудами его пользуется до совершеннолѣтія дочери, или смотря по уговору и до конца своей жизни. Случается и такъ, что Орочъ беретъ къ себѣ на воспитаніе маленькую дѣвочку и содержитъ ее до тѣхъ поръ, пока не выдастъ за какого либо изъ своихъ сыновей.

Болѣе нормальный способъ сватовства и женитьбы слѣдующій: когда мальчику исполнится 16—17 лѣтъ, отецъ его идетъ въ заранѣе намѣченное семейство, гдѣ есть дѣвушки около 14 лѣтъ, и предлагаетъ отцу ея поженить своего сына на его дочери; если отецъ невѣсты не имѣетъ въ виду какого либо другаго жениха, то тотчасъ же между ними начинается сговоръ о выкупѣ. На выкупъ невѣсты или на калымъ идутъ обыкновенно соболя, шелковыя матеріи и нѣкоторыя вещи изъ домашняго обихода, какъ то котелъ для варки пищи, чайникъ, топоръ и т. п., а также и провизія: юкола, чай, крупа и т. п. 50 соболей, куска три шелковой матеріи и котелъ составляютъ среднюю цѣну за невѣсту, но бываютъ и дороже и дешевле, смотря по достоинству жениха и невѣсты. Купленная жена составляетъ т. е. собственность семьи мужа и въ случаѣ смерти мужа переходитъ съ дѣтьми въ жены младшему брату мужа; если же брата нѣтъ, то къ ближайшему родственнику по мужской линіи. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ она можетъ не идти къ родственнику, а можетъ возвратиться къ отцу; въ такомъ случаѣ отецъ долженъ возвратить калымъ назадъ. Дѣти остаются у родныхъ мужа. Такъ какъ отецъ вдовы не всегда бываетъ въ состояніи возвратить калымъ назадъ, то въ практикѣ обыкновенно бываетъ такъ, что за нее даетъ калымъ роднымъ мужа всякій, пожелавшій жениться на ней.

Вслѣдствіе такого взгляда на женитьбу, какъ на торговую сдѣлку между отцами, бываетъ не мало курьезовъ въ семейномъ быту. Разскажу нѣсколько фактовъ, источникомъ которыхъ является взглядъ на жену, какъ на купленную вещь. Одинъ Орочъ, по имени Алексѣй, купилъ для своего сына, которому было лѣтъ 20, жену, дѣвицу тоже лѣтъ 20. Случилось такъ, что въ этотъ же годъ у отца, т. е. у Алексѣя, родился еще сынъ, няньчить котораго и пришлось молодой снохѣ. Прошелъ годъ, пристала къ этому семейству какая-то повальная болѣзнь и оба взрослые мужчины, т. е. отецъ и старшій сынъ волею судебъ отошли къ праотцамъ. По закону Орочей жена старшаго брата переходитъ по смерти его къ младшему, почему овдовѣвшая невѣстка, именемъ Анна, тотчасъ же была перечислена въ жены тому младенцу, котораго за годъ тому назадъ няньчила. Когда такая чета дождется сладкихъ дней? Мало того, кто такую чету со старухою матерью прокормитъ до этихъ сладкихъ дней? На ихъ счастье подвернулся дальній родственникъ покойнаго Алексѣя, по имени Очо, овдовѣвшій къ этому времени, и изъявилъ свои права на старуху, жену Алексѣя и, какъ требуетъ законъ Орочей, вмѣстѣ съ нею долженъ былъ взять къ себѣ и ея семью, т. е. бѣдную Анну съ малолѣтнимъ мужемъ. Прошло нѣсколько времени, и Очо вступилъ сначала въ тайное, а потомъ и въ открытое сожительство съ этой Анной. Когда я былъ у нихъ въ юртѣ, то никакъ не могъ понять кто кому жена и кто кому сынъ, только впослѣдствіи при помощи другихъ Орочей и солдатъ мнѣ удалось разобрать родословную этой семьи. Ревнивая старуха жаловалась мнѣ на такое безнравственное поведеніе Оча, но я отказался судить ихъ; тогда она дождалась старшины, ѣздившаго въ Никольскъ за товарами, и просила его заступиться за нее. Старшина созвалъ стариковъ, позвалъ также старшину изъ села Датта, такъ какъ Анна была родомъ изъ села Датта. Судъ былъ назначенъ подъ предсѣдательствомъ старшины въ присутствіи моемъ и старшаго изъ солдатъ. Виновные были опрошены подробно по порядку. Виновница показала, что Очо склонилъ ее къ этому преступленію, хотя и призналась, что ему не трудно было достигнуть этого; а Очо показалъ, что старуха стала неспособна къ супружеской жизни, и ему, бѣдному Орочу, пришлось безъ всякаго интереса кормить такую семью, почему онъ и рѣшилъ, что онъ можетъ за свои труды пользоваться хотя однимъ изъ членовъ этой несчастной семьи. Судъ постановилъ: Оча высѣчь 100 розгами, но такъ какъ онъ былъ уже съ просѣдью, а исправникъ не приказывалъ сѣчь стариковъ, то вмѣсто 100 розогъ посадить его на двое сутокъ въ карцеръ, а жену старуху, малолѣтняго мужа и его взрослую жену отправить съ р. Ходэ въ с. Датта къ отцу несчастной жены, предписавъ старухѣ зорко слѣдить за цѣломудренностью своей снохи.

Въ томъ же самомъ судейскомъ засѣданіи старшинъ

и стариковъ Ороческихъ разбирались еще два дѣла, касающіяся семейной жизни Орочей: 1) по смерти одного Ороча, оставившаго въ живыхъ жену и трехъ мальчиковъ, изъ коихъ одному 12 лѣтъ, одному 10 и третьему 3 года, ближайшій его родственникъ хотѣлъ взять себѣ въ жены эту вдову со всѣми дѣтьми. Она почему-то отказалась и вышла замужъ за другаго, который и заплатилъ роднымъ ея мужа извѣстный калымъ. Какъ любящая мать она не хотѣла отпустить отъ себя дѣтей, но Капельда, такъ именуется первый ея претендентъ, силою отобралъ ихъ и погрозилъ убить ея мужа, по имени Карпа, если только онъ вздумаетъ требовать дѣтей къ матери. Капельда имѣлъ интересъ только въ старшемъ сынѣ, который могъ уже работать для него, бездѣтнаго лѣнтяя. Младшихъ же двухъ держалъ у себя исключительно изъ ненависти къ матери ихъ, почему и обращался съ ними очень жестоко, такъ напр. онъ подвѣшивалъ маленькаго мальчика надъ очагомъ и не снималъ его до тѣхъ поръ, пока средній братъ не клялся ему, что онъ при всѣхъ старшинахъ откажется за себя и за трехлѣтняго брата идти жить къ матери. Зная о такомъ обращеніи съ ея дѣтьми, мать всѣми мѣрами старалась взять отъ него дѣтей. Но никто изъ Орочей, хранящихъ свято свои родовые обычаи, не могъ помочь ей, почему она обратилась ко мнѣ съ своей просьбой. Убѣдившись въ дѣйствительно звѣрскомъ обращеніи Капельды съ дѣтьми, мнѣ жаль стало ихъ, и я напугалъ его тѣмъ, что донесу объ немъ большому найону, который тотчасъ же пришлетъ за нимъ солдатъ, чтобы вести его въ Хабаровку. Капельда испугался и отдалъ дѣтей матери. Боясь, чтобы послѣ моего отъѣзда не вышла бы у нихъ опять ссора изъ за дѣтей, я и посовѣтовалъ матери, пользуясь сборомъ старшинъ и стариковъ, предложить имъ это дѣло на окончательное рѣшеніе. Дѣло въ судѣ поднялъ братъ этой несчастной матери, по имени Гришка. Долго обѣ тяжущіяся стороны спорили предъ судомъ; были представлены свидѣтели въ томъ, какъ Капельда билъ и угнѣталъ дѣтей, были спрошены и дѣти. Судъ постановилъ: старшій сынъ, какъ не нуждающійся въ ласкахъ и покровительствѣ матери, долженъ идти къ Капельдѣ, а два младшихъ, въ виду только того, что Капельда бьетъ ихъ, должны поступить на житье къ матери. Кромѣ того Капельду и его брата, по имени Чайку, посадить въ карцеръ на сутки за то, что они имѣли дерзость пригрозить, что убьютъ и Карпа и Гришку.

Оставалось еще два дѣла, но судьи порѣшили прекратить свое засѣданіе часа на два, чтобы всѣмъ пообѣдать и напиться чаю. Послѣ обѣда снова всѣ сѣли въ кружекъ и выслушали прежде всего жалобу старика Кирилла. Кириллъ старый закоренѣлый Орочъ. Былъ у него молодой сынъ Сергѣй, женатый на одной Орочкѣ, по имени Марфа. Годъ тому назадъ Сергѣй, въ погонѣ за нерпой, сорвался съ оморочки и утонулъ. Такъ какъ у Кириллы не было другихъ сыновей ни ближайшихъ родственниковъ, которымъ бы онъ могъ передать во владѣніе свою сноху Марфу, то она и ушла къ своему отцу, взявъ съ собою и трехлѣтняго сына. Основываясь на своихъ законахъ, Кириллъ и просилъ судей, чтобы они отобрали у Марфы сына, его внука, и съ ея отца стребовали калымъ назадъ. Бойкая Марфа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что она была вѣнчана съ Сергѣемъ русскимъ священникомъ, когда-то бывшимъ, видно на ея счастье, на р. Тунджи, въ чемъ представила письменное свидѣтельство отъ этого священника, потребовала, вѣроятно въ виду моего присутствія, судить ее со свекоромъ по русскимъ обычаямъ и правиламъ, а не по ороческимъ, на которые такъ сильно опирался Кириллъ. По этому поводу предсѣдатель старшинъ задалъ мнѣ и старшему солдату; нѣсколько вопросовъ получивъ должные отвѣты, всѣ Орочи долго шумѣли другъ съ другомъ, наконецъ судъ рѣшилъ: трехлѣтняго сына Марфы оставить при ней, предоставивъ Кириллѣ право жаловаться софійскому исправнику, калымъ же долженъ быть возвращенъ Кириллѣ тогда, когда Марфа выйдетъ за кого нибудь замужъ. Тутъ же было перечислено все то, что когда-то Кириллъ платилъ за Марфу, дабы всѣ знали, что долженъ будетъ получить Кириллъ съ перваго попавшагося женіха Марфы.

Послѣднимъ вопросомъ, предложеннымъ на рѣшеніе суда, была жалоба старшины с. Датта на 18-ти лѣтняго Ороча, оскорбившаго старшину словами. Это дѣло судъ не долго разбиралъ и порѣшилъ дать молодому Орочу за оскорбленіе старшины 50 ударовъ розгами, что немедленно и было выполнено.

Рожденію дѣтей Орочи бываютъ очень рады, такъ какъ они такъ или иначе составляютъ оплотъ въ дальнѣйшемъ существованіи, причемъ, по видимому, не отдается преимущество мальчику предъ дѣвочкой; дѣвочка въ быту Орочей или калымомъ, или трудомъ мужа, тоже можетъ воздать должное своимъ родителямъ.

Родильница и народившійся ребенокъ признаются нечистыми, почему роды по обряду Орочей, совершаются внѣ общаго жилья и при такой хозяйственной обстановкѣ, которую затѣмъ не жаль было-бы и бросить. Помѣщеніе для родовъ изготовляется заблаговременно мужемъ и состоитъ изъ маленькой конической юрточки, поставленной гдѣ либо въ сторонѣ селенія и называемой Ятаку.

Къ концу періода беременности въ Ятаку сносится все необходимое какъ для родильницы, такъ и для ребенка. Перворождающей женѣ содѣйствуютъ болѣе опытныя жены, а также и акушерка. При первыхъ болях женщина уходитъ въ Ятаку, мужъ затворяетъ за ней двери, послѣ

чего никто уже не смѣетъ входить туда. Даже акушерка и то входитъ туда только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, послѣ чего должна тщательно вымыться и бросить или сжечь все, что было надѣто на ней. Обыкновенно же акушерка садится у дверей съ внѣшней стороны и чрезъ особо продѣланное отверстіе подаетъ наставленія, какъ родильница должна управляться сама съ собою. Больная должна сама вымыть и одѣть какъ ребенка, такъ и себя; мало того, если она захочетъ чаю или вообще какой либо горячей пищи, то и объ этомъ должна сама позаботиться; акушерка подаетъ ей чрезъ отверстіе только все необходимое какъ то: воду, дрова, рыбу, чай и т. п. При такихъ условіяхъ, буде это лѣтомъ или зимою, родильница живетъ въ Ятаку 10 дней (у нѣкоторыхъ 5 дней), считая со дня рожденія; на десятый день она моетъ ребенка, одѣваетъ его въ новую одежду и передаетъ его акушеркѣ, которая несетъ его въ юрту и чрезъ очагъ передаетъ отцу или близкому родственнику (у нѣкоторыхъ послѣдняго не выполняютъ). Оставшись въ Ятаку родильница складываетъ на угасшій очагъ все, что только было съ ней, тщательно моется, надѣваетъ на себя все чистое и выходитъ къ мужу. Послѣ этого мужъ закрываетъ Ятаку и заваливаетъ входъ жердями и корой такъ, чтобы собаки не могли попасть туда. Рожденіе ребенка, какъ мнѣ сообщали сами Орочи, не составляетъ предмета празднества, но такъ какъ при этомъ всегда бываетъ большее число посѣтителей, частью любопытствующихъ, а частью и навѣщающихъ больную мать, то обыкновенно въ юртѣ, гдѣ произошло увеличеніе семьи, въ это время бываетъ обѣдъ и чаепитіе съ посторонними, въ угощеніи коихъ Орочи не имѣютъ обыкновенія отказывать и во всякое другое время, лишь бы посѣщеніе ихъ совпало со временемъ вообще принятія пищи. Богатые при этомъ обыкновенно не жалѣютъ тратить изъ своихъ запасовъ кое что и лишнее противъ обѣденнаго, т. е. кромѣ обыкновенной рыбы, подаютъ и мясо и даже крупу и т. п., а бѣднымъ это и на руку. Воспитаніе ребенка до поры хожденія, когда онъ становится общимъ баловнемъ всей юрты, лежитъ на обязанности матери, которая содержитъ его въ чистотѣ, обкладывая мягкими стружками и варенымъ мхомъ вмѣсто пеленокъ и струганой гнилушкой вмѣсто перинки и подушки. Каждая мать имѣетъ двухъ сортовъ люльку, одну прямую изъ бересты для ночи и одну изогнутую изъ деревяннаго остова, обшитую берестой, для дня, когда ребенку приходится быть больше въ сидячемъ положеніи. Денная люлька обыкновенно подвѣшивается надъ нарами и бываетъ увѣшана массою побрякушекъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ костей, зубовъ и челюстей различныхъ хищныхъ животныхъ. Куда-бы Орочка не ѣхала, она всегда беретъ съ собою груднаго ребенка. Моетъ его по крайнѣй мѣрѣ разъ въ день и кормитъ грудью до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не пріобрѣтаетъ способность самъ ѣсть юколу и рыбу. Обращеніе матери съ дѣтьми всегда ласковое, но въ тоже время и очень настойчивое; всякій лакомый кусокъ, данный матери, дѣлится между дѣтьми; не разъ приходилось видѣть, какъ Орочка, отхлѣбнувъ немного поданной ей водки, дѣлила остальное между дѣтьми, и очень была довольна, когда я угощалъ водкой и дѣтей; за то всякое приказаніе матери дѣти выполняютъ безъ разговора.

Незаконнорожденное дитя есть предметъ общаго презрѣнія, за исключеніемъ конечно матери; всякій можетъ обижать его, какъ угодно, даже если кто и убьетъ его, то убійца не несетъ никакихъ наказаній. Слово„ Тукса“, что значитъ незаконнорожденный, употребляется какъ ругательное слово. „Тукса-си-ла“ значитъ на русскомъ языкѣ: ахъ (ла) ты (си) найда. Насколько полюбовная незаконнорожденность всѣми презирается, на столько же обычай Орочей ограждаетъ всякое насиліе противъ цѣломудренности женщины. Женщина, подвергающаяся насилію со стороны посторонняго мужчины, должна ухитриться во время борьбы съ нимъ отрѣзать какой нибудь клочекъ отъ его одежды; такой клочекъ, представленный мужу или роднымъ, даетъ возможность имъ провѣрить этотъ фактъ и даетъ право дѣлать съ обидчикомъ, что угодно. Дѣло обыкновенно кончается или сильными побоями или какимъ либо матеріальнымъ взысканіемъ съ обидчика.

Христіанскихъ празднествъ Орочи не признаютъ, да и не знаютъ о нихъ ничего, изъ своихъ же дикихъ празднествъ до настоящаго времени соблюдается только одинъ, это праздникъ въ честь медвѣдя.

Въ началѣ второй половины зимы, когда охота за соболемъ почти уже прекращается, кто нибудь изъ Орочей, вскормившій къ этому времени медвѣдя, устраиваетъ торжество въ честь медвѣдя, на которое приглашаетъ всѣхъ жителей окрестныхъ селеній. Я уже упоминалъ выше, что у нѣкоторыхъ Орочей содержатся иногда въ особыхъ срубахъ медвѣди. Если кто изловитъ въ тайгѣ маленькаго медвѣженка, то онъ считаетъ своимъ долгомъ кормить его примѣрно лѣтъ до трехъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ публично убить его и съѣсть въ сообществѣ друзей.

Нѣкоторые, если только вознамѣрились почему-либо устроить празднество въ честь медвѣдя и медвѣженка или медвѣдя не могли изловить, то стараются купить такого гдѣ либо, не жалѣя тратить на эту покупку пушнины рублей на 80 и болѣе. Устраиваютъ празднество по разнымъ причинамъ, или въ честь того, что Андури въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ посылалъ много соболей, или въ честь умершаго уважаемаго отца, оставившаго наслѣдство дѣтямъ и т. п. Такъ какъ медвѣжій праздникъ есть торже-

ство общественное, хотя и устраивается по инпціативѣ только одного лица, то Орочи, чтобы не разобщиться для веселья на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, стараются о томъ, чтобы этотъ праздникъ устраивался въ каждую зиму лишь только кѣмъ-либо однимъ. Прошлый годъ, (т. е. въ 1886 году) напр. праздникъ былъ въ с. Датта, нынѣшній годъ хотѣли устроить въ с. Уй, а на будущій годъ, по всей вѣроятности, устроятъ въ с. Коппи.

Съ живымъ медвѣдемъ Орочи справляются очень ловко. Мнѣ пришлось видѣть, какъ они вынимали медвѣдя изъ сруба для купанья. Чрезъ отверстіе крыши спускается петля на шею медвѣдю и двѣ петли на переднія лапы. Растянувши медвѣдя по тремъ направленіемъ, они разбираютъ крышу сруба и одинъ изъ ловкихъ Орочей спускается ему на спину верхомъ и опоясываетъ его немного позади переднихъ ногъ толстымъ ремнемъ, къ которому прикрѣпляется длинная веревка, при помощи которой общими силами вынимаютъ медвѣдя изъ сруба и ведутъ куда угодно.

Къ назначенному для торжества дню съѣзжаются всѣ Орочи, желающіе праздновать. Самого виновника торжества откармливаютъ къ этому времени на славу, обвѣшиваютъ разными лоскутками и побрякушками и общими силами водятъ его по юртамъ. Всѣ принимающіе участіе въ вожденіи мишки бываютъ вооружены копьями и стрѣлами. Хозяинъ юрты, куда приведутъ медвѣдя, старается угощать какъ его, такъ и всю празднующую толпу. Богатые зазываютъ къ себѣ по нѣсколько разъ. Водятъ медвѣдя нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ всѣ юрты не только своего селенія, но даже и ближайшаго, если таковое есть, и пока не перестанутъ приглашать медвѣдя къ себѣ. Водятъ по преимуществу съ утра и подъ вечеръ, днемъ же Орочи предаются общимъ играмъ и состязаніямъ.

Когда то прежде, съ горечью вспоминаютъ старые Орочи, каждый отецъ училъ своихъ сыновей не только промыслу и охотѣ, но старался развить ловкость ихъ, научить ихъ играмъ и полезнымъ забавамъ, которыя бы развивали ихъ физически и дѣлали бы ихъ закаленными въ борьбѣ за существованіе. Мало того, были и спеціальныя учителя по этому дѣлу. Прежде каждый Орочъ учился не только мѣтко стрѣлять изъ лука, но и увертываться отъ стрѣлъ. Кто могъ увернуться отъ стрѣлы, пущенной въ него на разстояніи саженей 3-хъ или отъ двухъ, даже отъ трехъ стрѣлъ, по очередно пускаемыхъ въ него на растояніи саженей 8—10, тотъ только и считался достойнымъ вступать въ состязанія съ другими на медвѣжьемъ празднествѣ. Учились также дѣлать прыжки, лазить по деревьямъ и шестамъ, а также и фехтованію на копьяхъ. Ученымъ могъ считаться тотъ, кто могъ дѣлать прыжки въ свой ростъ по вертикальному направленію и въ три роста по горизонтальному, кто могъ лазить по дереву такъ проворно и ловко, что стрѣла, пущенная въ него на разстояніи 10 саженъ, не могла попасть въ него. Всѣ подобныя состязанія когда то составляли главную часть празднества, теперь же, говорятъ старики, остались только пустяшныя забавы, въ родѣ игры въ мячъ, на подобіе нашей игры въ шаръ, стрѣльбы изъ лука, игры въ обручъ и т. п., и если и осталось что хорошаго, такъ это бѣгъ на собакахъ съ призами. Для этой цѣли назначаютъ мѣсто на льду, гдѣ становятся нѣсколько нартъ въ рядъ и по сигналу трогаются съ мѣста. Любопытные, а также и желающіе купить собакъ, становятся по сторонамъ и наблюдаютъ за побѣжкой какъ вообще всей своры, такъ и въ особенности за передовой.

Когда пришло время покончить съ медвѣдемъ, его привязываютъ къ какому нибудь столбу или дереву и онъ становится предметомъ стрѣльбы въ цѣль. Первый стрѣляетъ хозяинъ, а за нимъ отличившіеся на состязаніяхъ стрѣлки. Сначала стрѣляютъ на разстояніи саженъ 30, и если стрѣльба была не удачна, то подходятъ ближе сажень на 10, если и на такомъ разстояніи никто не убилъ медвѣдя, то подходятъ еще ближе. Бываютъ случаи, что медвѣдя не убиваютъ стрѣлами и на близкомъ разстояніи, тогда хозяинъ закалываетъ его копьемъ. Затѣмъ разводятся костры для поджариванія мяса на вертелахъ, садятся всѣ въ кружки и начинается трапеза. Сколько бы народу ни было, всегда стараются, чтобы всѣмъ досталось хотя по немногу. У нѣкоторыхъ Орочей (по Тунджѣ) въ этой трапезѣ участвуютъ и женщины, у нѣкоторыхъ же какъ напр. на р. Уй, женщины не только не ѣдятъ медвѣжатины, но и не касаются до нея.

Этой трапезой обыкновенно и кончается празднество въ честь медвѣдя, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ.

Изъ сказокъ удалось узнать только три, да и то не совсѣмъ ясныя, но разъ задавшись мыслью сообщить все, что только удалось мнѣ узнать у Орочей, я считаю долгомъ передать и ихъ, какъ онѣ были переданы мнѣ.

1.

Жили семь маленькихъ братьевъ и одна сестра. Однажды они играли около юрты; игра состояла въ томъ, что палками сбивали наставленные на извѣстномъ разстояніи колышки. Во время игры къ нимъ пристала тоже для игры бѣлка. По нечаянности одинъ изъ братьевъ перебилъ бѣлкѣ ногу, за что она осердилась, ушла отъ нихъ и пригрозила имъ, что завтра она явится къ нимъ со множествомъ другихъ бѣлокъ и перебьетъ ихъ всѣхъ. Братья испугались и начали придумывать, какъ имъ избавиться отъ нашествія бѣлокъ. Наконецъ старшій предложилъ влезть на небо; всѣ на это предложеніе согласились. Тогда младшій братъ сказалъ: „что мы сдѣлаемъ съ сестрой, вѣдь она не можетъ

влезть на небо, а спрятать ее въ тайгѣ нельзя, потому что бѣлки въ тайгѣ найдутъ ее и убьютъ". Думали, думали объ этомъ и рѣшили такъ: вырыли яму и положили туда сестру, оставивъ надъ ея головою маленькое отверстіе, чтобы ей можно было дышать. На грудь сестры положили мѣшокъ съ кровью оленя и прикрыли его землею. Послѣ этого старшій братъ пустилъ стрѣлу въ небо, стрѣла вонзилась и повисла. Слѣдующій братъ пустилъ свою стрѣлу и вонзилъ ее въ конецъ стрѣлы старшаго брата, повисшей на небѣ, третій братъ попалъ въ конецъ стрѣлы второго и т. д., пока всѣ 7 не перестрѣляли. По этимъ стрѣламъ, образовавшимъ изъ себя такимъ образомъ жердь отъ земли до неба, они одинъ за другимъ влезли на небо, при чемъ младшій, когда лезъ, то собиралъ за собою и стрѣлы. На другой день пришла стая вооруженныхъ бѣлокъ и начали розыскивать братьевъ, но нигдѣ не могли ихъ отыскать; начали спрашивать всю домашнюю утварь, но ни ложки, ни чашки не сказали имъ о выдумкѣ братьевъ, только старыя унта (сапоги изъ рыбьей кожи) сказали бѣлкамъ, гдѣ братья и что сестра зарыта подъ очагомъ. Тогда бѣлки начали колоть копьями въ очагъ, попали въ мѣшокъ съ кровью и кровь брызнула изъ подъ земли. Бѣлки думали, что они закололи сестру, перебили всю посуду и ушли домой въ тайгу. Сестра встала изъ своего убѣжища, изорвала первымъ долгомъ эти унта и стала придумывать, что ей теперь одной дѣлать. Боясь, чтобы бѣлки не пришли во второй разъ, она рѣшилась идти искать своихъ братьевъ. Ходила, ходила и попала въ юрту, гдѣ жила лягушка. Лягушка видитъ, что у нея хорошая одежда, сначала приласкала ее, а потомъ отняла у нея всю одежду, надѣла на себя, а дѣвушку оставила голою. Вдругъ залаяла собака, лягушка и говоритъ: — „сейчасъ придутъ два молодыхъ Ороча, одинъ изъ нихъ увидитъ, что я такая нарядная и возметъ меня себѣ въ жены, а тебя выгонитъ". Сказавши такъ, она вышла изъ юрты встрѣчать ихъ, а бѣдная дѣвушка начала съ досады бить себя палкою по головѣ. Палка эта разступилась и дѣвушка спряталась въ нее. Входятъ два молодыхъ Ороча, старшій сѣлъ съ лягушкой, а младшій — около той палки, въ которую скрылась дѣвушка. Старшій бесѣдуетъ съ лягушкой, а младшій отъ нечего дѣлать взялъ палку и началъ ее рѣзать своимъ ножемъ. Вдругъ изъ палки потекла кровь, онъ испугался, бросилъ и палку и ножъ и скорѣй выбѣжалъ изъ юрты. Старшій братъ видитъ, что младшій ушелъ, взялъ съ собою лягушку и тоже пошелъ домой. Дорогой младшій братъ вспомнилъ, что онъ ножикъ свой бросилъ въ юртѣ и вернулся за нимъ. Подошедши къ юртѣ, онъ рѣшилъ сначала потихоньку поглядѣть въ нее, нѣтъ-ли тамъ кого, смотритъ и видитъ, что тамъ сидитъ голая дѣвица. Откудова и храбрости взялось у него, отворилъ дверь и схватилъ ее; она хотѣла спрятаться опять въ палку но не успѣла. Тутъ она разсказала ему про своихъ братьевъ и какъ лягушка отняла у нея одежду. Онъ взялъ, прикрылъ ее, чѣмъ только могъ, и повелъ съ собою къ отцу. Дома отецъ сначала встрѣтилъ старшаго сына съ лягушкой, потомъ младшаго съ дѣвушкой. Слово за слово, отецъ началъ распрашивать про родныхъ, кто они и гдѣ живутъ. Лягушка по глупости своей похвасталась своими братьями и сказала: „я вамъ сейчасъ покажу своихъ братьевъ, дайте ведро"; взяла ведро, пошла на рѣчку, зачерпнула вмѣстѣ съ лягушками и принесла Отецъ какъ увидѣлъ ихъ, такъ сейчасъ же и прогналъ ее, а дѣвицу сталъ просить, чтобы она какъ-нибудь розыскала своихъ братьевъ. Она пошла въ тайгу, стала подъ большой березой и стала молиться Андури. Андури услышалъ ее; пришли 7 ея братьевъ и принесли каждый по цѣлому костюму. Она одѣлась въ костюмъ, данный младшимъ, и повела ихъ къ старику. Старикъ, какъ только увидѣлъ ихъ, разостлалъ у входа въ юрту шелковую матерію, ласково принялъ ихъ и угостилъ ихъ, чѣмъ могъ. Они разсказали ему, что живутъ на небѣ у Андури, просили не обижать сестры, пробыли три дня и ушли, а сестра счастливо зажила съ младшимъ сыномъ старика.

2.

Два брата ходили на охоту, увидѣли медвѣдя и погнались за нимъ. Медвѣдь побѣжалъ къ утесу и скатился внизъ. Тогда младшій братъ и говоритъ старшему: „давай, я тебя привяжу къ веревкѣ и спущу внизъ, ты тамъ убьешь медвѣдя, а я потомъ вытащу и тебя и его. Старшій братъ согласился, обвязался веревкой и сталъ спускаться. Младшій братъ, желая завладѣть женою брата, взялъ ножъ и обрѣзалъ веревку. Утесъ былъ крутой и старшій братъ не могъ удержаться и полетѣлъ внизъ къ медвѣдю, а младшій пошелъ домой и взялъ себѣ жену и все имущество брата.

. . . . . .

(Конца этой сказки разскащикъ не зналъ, а другого, знающаго эту сказку, мнѣ не удалось встрѣтить).

3.

Жили братъ съ сестрою. Однажды братъ возвратился съ охоты домой и не нашелъ сестры дома. Пошелъ искать ее и видитъ два слѣда, идущіе рядомъ, одинъ человѣческій, другой медвѣжій; подумалъ, подумалъ и пошелъ по этимъ слѣдамъ. Прошелъ нѣсколько времени и увидѣлъ впереди по тайгѣ медвѣдя, ведущаго за руку сестру. Братъ догналъ ихъ и хотѣлъ медвѣдя убить, а сестру взять съ собою. Тогда медвѣдь пошепталъ что-то на ухо сестрѣ и сказалъ:

„не бей меня, я тебѣ пригожусь, пойдемъ лучше жить ко мнѣ, у меня юрта большая, юколы много и жить тебѣ у меня будетъ хорошо“. Братъ согласился и пошелъ. . . . . (Конца этой сказки тоже не удалось узнать).

Есть у Орочей два сказанія, по мысли своей напоминающія наши сказанія о цвѣтѣ папортника, о неразмѣнномъ рублѣ и т. п.

1.

Однажды Орочъ пошелъ на охоту за соболемъ, охота была неудачна. Настала ночь, Орочъ развелъ огонь, поѣлъ юколы и легъ спать. Въ полночь проснулся и увидѣлъ поотдаль въ тайгѣ сильный свѣтъ. Дай, думаетъ, пойду посмотрю, что тамъ такое; пошелъ и видитъ, что сидитъ человѣкъ въ хорошей одеждѣ, которая, блеститъ, какъ огонь. Вотъ Орочъ тихонько подкрался къ нему, взялся крѣпко за край халата, вынулъ ножъ и отрѣзалъ кусокъ халата этого свѣтящагося человѣка. Видѣніе моментально изчезло, а Орочъ, завернувъ этотъ кусокъ въ бересту, пошелъ скорѣй домой, не оглядываясь назадъ, гдѣ было видѣніе. Пришедши домой, онъ прошелъ прямо въ амбаръ, взялъ большой чуманъ изъ бересты и положилъ туда свою добычу. Чрезъ нѣсколько дней Орочъ пришелъ въ амбаръ посмотрѣть, что сталось съ его находкой. Чумана, гдѣ лежалъ отрѣзанный имъ кусокъ свѣтящагося халата, онъ не могъ открыть, но все, что только было у него въ амбарѣ старое, негодное, сдѣлалось новымъ, годнымъ. Съ этого времени, чтобы этотъ Орочъ не дѣлалъ, все у него шло счастливо и удачно, промышлять началъ лучше всѣхъ и скоро разбогатѣлъ.

Такое видѣніе, добавилъ разскащикъ, старается каждый Орочъ увидѣть когда либо.

2.

Есть еще средство, добавилъ мнѣ тотъ же разскащикъ, счастливо жить и скоро разбогатѣть.

Зимою, во время самыхъ сильныхъ морозовъ, попадаются иногда въ тайгѣ павшія животныя: или олень, или соболь, или какое либо другое. Въ такихъ трупахъ, не смотря на сильный холодъ, можетъ попасться иногда живой червячекъ, подъ которымъ всегда находится красный шарикъ. Вотъ такой-то шарикъ, если кто найдетъ и положитъ его въ амбаръ, то можетъ скоро разбогатѣть и будетъ жить счастливо.

Въ подтвержденіе этихъ вѣрованій Орочъ указалъ мнѣ на двухъ богачей—Орочей, изъ коихъ одинъ по убѣжденію всѣхъ Орочей, владѣетъ кускомъ, отрѣзаннымъ отъ одежды свѣтящагося человѣка, а другой — краснымъ шарикомъ изъ подъ червячка, найденнаго имъ въ трупѣ лося.

Я уже упоминалъ выше, что Орочи окрестностей Императорской гавани едва-ли могутъ назваться чистокровными по происхожденію. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ такому предположенію, я указывалъ на кажущуюся двойственность ихъ типа съ промежуточными ступенями.

Широкое, почти квадратное, плоское лицо составляетъ главный, сразу бросающійся въ глаза, характерный признакъ однихъ Орочей, болѣе или менѣе удлиненное, съ выдѣляющимися чертами, лицо служитъ отличительнымъ признакомъ другихъ. У первыхъ, ширина лица, т. е. разстояніе между скуловыми костями, въ среднемъ выводѣ на 28 ^{mm}. болѣе, чѣмъ длина лица, т. е. разстояніе между переносьемъ и нижнимъ краемъ нижней челюсти; носъ широкъ и сильно приплюснутъ, постепенно расплывается въ стороны, ширина у ноздрей немного превышаетъ ширину межглазнаго пространства; надбровныя дуги не особенно выдаются, лобъ прямой и плоскій. Растительности на лицѣ, кромѣ бровей, почти никакой, если только не считать нѣсколько волосковъ по щекамъ и на верхней губѣ. Лицо вторыхъ Орочей удлиненное, и если и больше въ ширину, чѣмъ въ длину, то не болѣе, какъ милиметровъ на 10; носъ у основанія, у корня и по срединѣ своего протяженія ясно выдѣляется (бываютъ даже горбоносые); щеки, борода и верхняя губа покрыты сравнительно большими и густыми волосами; надбровныя дуги и лобъ болѣе округлый, чѣмъ у первыхъ. По первому впечатлѣнію лицо первыхъ представляетъ изъ себя плоскую, голую массу, лицо же вторыхъ отличается, кромѣ растительности, еще ясными выдѣляющимися очертаніями нѣкоторыхъ его частей, какъ-то: носа, лба, бровей.

Помимо этихъ отличительныхъ чертъ лица, есть у нихъ и много общаго, какъ-то: плоскость затылка, разрѣзъ глазъ, сильная развитость скуловыхъ и челюстныхъ костей, ростъ и т. п.

Разрѣзъ глазъ по первому впечатлѣнію, особенно у молодыхъ, кажется косымъ, съ уклономъ отъ наружнаго края глазницы къ носу, но такое впечатлѣніе теряется, если внимательно разглядѣть устройство глазныхъ прорѣзовъ. Мнѣ пришлось произвести 51 измѣреніе живыхъ особей и когда мнѣ приходилось измѣрять межглазное пространство, я просилъ то закрывать, то сильно раскрывать глаза, при чемъ замѣтилъ, что на кажущійся прорѣзъ глазъ сильно вліяетъ складка верхняго вѣка, которую если большимъ раскрытіемъ глаза приподнять, то глазной прорѣзъ окажется совершенно прямымъ. Эта складка, прикрывающая слёзный бугорокъ, у дѣтей и молодыхъ особей бываетъ особенно большая и прикрываетъ часть внутренняго угла глазнаго разрѣза, почему, чѣмъ субъектъ моложе, тѣмъ во

первыхъ межглазное пространство больше и тѣмъ болѣе, во вторыхъ, разрѣзъ глазъ кажется скошеннымъ у носа. У стариковъ эта надслёзная складка становится меньше, слёзный бугорокъ ясно виденъ, межглазное пространство становится меньше и разрѣзъ глазъ кажется совершенно прямымъ.

Сильное развитіе скуловыхъ и челюстныхъ костей одинаково присуще всѣмъ Орочамъ, причемъ ширина нижней челюсти (между задними углами), а также ширина между скулами и между лобными скуловыми отростками на глазъ мало разнятся, почему лицо кажется почти одинаково широкимъ на всемъ своемъ протяженіи. Мало того, у нѣкоторыхъ женщинъ ширина между скуловыми костями превосходитъ ширину самого черепа, почему, глядя на Орочку, вамъ зачастую представляется, что у нея на плечахъ не голова, а одно лишь лицо.

Промежуточныя же особи, какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ много общаго какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ крайнимъ типомъ.

Общая же характеристика типа и физическихъ свойствъ Орочей есть слѣдующая: голова небольшая, лицо большое, лобъ прямой и невысокій, лобные бугры слабо развиты и сближены; виски (отъ полукружныхъ линій идутъ прямо назадъ) плоскіе. Затылокъ плоскій и у большинства спускается почти прямой линіей отъ макушки къ шеѣ; затылочный бугоръ не ясно ощупывается, или же ощупывается въ видѣ поперечнаго вала, лежащаго несимметрично. Несимметричность черепа, особенно затылка, присуще многимъ. Лицо плоское и широкое у скулъ и немного съужено къ верху и къ низу, при томъ бываетъ какъ короткое (квадратъ), такъ и продолговатое (прямоугольникъ). Носъ у большинства съ низкой спинкой и незамѣтно расплывающійся въ стороны, но есть субъекты, какъ я уже сказалъ, и съ рѣзко очерченнымъ носомъ и даже горбоносые. Курносыхъ и длинноносыхъ, собственно говоря, нѣтъ, но попадаются и малые и большіе носы; вообще о размѣрахъ носа можно лучше судить по прилагаемой таблицѣ. Глаза вообще небольшіе, черные и, какъ я уже сказалъ, съ прямымъ прорѣзомъ, а если и кажутся у молодыхъ съ косыми, то это благодаря складкѣ вѣкъ, которая съ годами сильно уменьшается. Челюсти сильно развиты и вооружены большими, крѣпкими и частыми зубами.

Тѣлосложеніе Орочей, если не считать особенно выдающееся развитіе грудной клѣтки, можно считать пропорціональнымъ. Ростомъ небольшіе, самый большій ростъ изъ измѣренныхъ мною 162 сантиметра. Женщины вообще ниже мужчинъ, самая высокая по моимъ измѣреніямъ имѣетъ ростъ въ 147 с. Руки и ноги не мускулистыя, ноги съ кривизною у колѣнъ наружу, кисти рукъ и ступни ногъ маленькія. Тучныхъ, за исключеніемъ одного Ороча лѣтъ въ 40, мнѣ не приходилось видѣть. Здѣсь кстати замѣчу, что всѣ рѣзкія исключенія, какъ-то горбоносые, особенно длиннолицые, обросшіе баками, усами и т. п., вообще описанный мною выше второй типъ, встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ селенія находятся сѣвернѣе, т. е. ближе къ заливу Де-Кастри, особенно по р. Тунджѣ. Цвѣтъ волосъ безъ исключенія черный, волосы длинные, прямые, но нельзя сказать, чтобы были густые; плешивыхъ, развѣ только отъ болѣзни, совершенно нѣтъ, за то и густоволосые попадаются очень рѣдко, и то больше по р. Тунджѣ. У мужчинъ волосы заплетаются въ одну косу, которая бываетъ у нѣкоторыхъ въ метръ длиною. Женщины носятъ всегда двѣ косы; какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ косы всегда бываютъ сложены въ нѣсколько колѣнъ и обвязаны краснымъ шнуркомъ. Выраженіе лица апатичное и скорѣе мягкое, привѣтливое, чѣмъ суровое; въ этомъ отношеніи составляютъ исключенія опять-таки субъекты, стоящіе ближе къ второму типу.

Что касается физической силы Орочей, то они, какъ мнѣ удалось подмѣтить, слабѣе русскихъ, но за то выносливостью и терпѣніемъ гораздо превосходятъ послѣднихъ; достаточно сказать только то, что Орочи безъ остановокъ могутъ грести часовъ 6, 7 сряду, чтобы судить о ихъ выносливости. Съ язвами на ногахъ и на плечахъ Орочъ можетъ дѣлать большіе переходы какъ на лодкѣ, такъ и пѣшкомъ. О цвѣтѣ кожи трудно сказать что-либо опредѣленное, такъ какъ грязь, наполняющая тѣлесныя поры какъ на лицѣ, такъ и на тѣлѣ, совершенно маскируетъ тѣлесный цвѣтъ. Умываются иногда только одни старшины, которымъ исправникъ приказалъ слѣдить за чистоплотностью своихъ подчиненныхъ, остальныя же никогда не моются; обычая купаться лѣтомъ нѣтъ, плавать никто не умѣетъ, и если Орочу случится какъ нибудь сорваться съ лодки въ воду на глубокомъ мѣстѣ, то онъ, по выраженію самихъ Орочей, какъ убитая нерпа идетъ прямо ко дну.

Вслѣдствіе своей непредставительности по тѣлосложенію, Орочи могутъ показаться на первый взглядъ неимѣющими никакой способности къ быстротѣ и ловкости тѣлодвиженій, но это можетъ показаться только по первому впечатлѣнію, на самомъ же дѣлѣ многіе изъ нихъ могутъ поспорить въ этомъ отношеніи съ многими другими народами. Стоитъ только возбудить охотничій духъ лѣниваго и апатичнаго на взглядъ Ороча и онъ становится весь, какъ пружина, и дѣлаетъ движенія весьма ловкія и проворныя. Надо видѣть, какъ какой нибудь плюгавый Орочъ справляется съ медвѣдемъ или какъ въ опасную минуту управляется съ лодкой на быстринѣ рѣки или на волнахъ моря, чтобы судить о ихъ ловкости и проворствѣ.

Надъ органами чувствъ спеціальныхъ наблюденій мною произведено не было, но вообще можно сказать, что у Оро-

ИМЕНА	Мѣстожительство.	Возрастъ.	Отъ Glabella до затылочн. бугра.	Между выдающ. буграми позади и на уровнѣ верх. прикрѣпленія уха.	Отъ Glabella до соединяющихъ отростковъ.	Отъ соединяющаго отростка до затылочнаго бугра.	Между соединяющими отростками.	Отъ корня носа до подбородка.	Между скуловыми дугами.	Между задними углами нижней челюсти.	Длина носа (отъ корня до основанія).	Ширина носа.	Длина нижней челюсти.	Межглазное пространство.	Ростъ стоя.	Ростъ сидя.	Ширина плечъ.	Длина руки.	Длина кисти руки.	Обхватъ ладони.	Отношеніе ширины лица къ длинѣ.	Волосистость на лицѣ.	Очертаніе носа.
Кириллъ	Датта.	50	187	165	144	117	145	117	153	116	57	35	101	35	1560	810	395	690	195	200	130	Нѣтъ.	Широкій, постепенно расплывающійся въ стороны.
Андрей	Датта.	45	185	162	140	108	135	122	146	115	60	40	98	35	1550	800	390	680	190	190	118		
Егоръ	Уй.	60	186	163	151	120	137	127	153	120	62	39	110	31	1595	890	410	720	205	213	120		
Егоръ	Ходэ.	35	178	152	140	106	130	114	147	116	57	41	101	37	1540	820	400	730	208	200	125		
Егоръ	Тунджа.	40	190	153	149	106	140	107	148	115	52	40	105	35	1490	765	420	710	195	205	138		
Иванъ	Ходэ.	20	182	165	162	102	158	127	160	125	55	51	110	35	1540	830	390	670	170	210	126		
Тарасъ	Уй.	20	181	163	145	102	143	126	154	112	53	47	104	35	1550	810	370	690	178	190	122		
Дорофей	Дюанко.	35	190	159	148	110	145	126	156	120	56	37	109	34	1560	890	430	690	200	210	123		
Василій	Ходэ.	25	183	143	155	83	146	119	155	115	54	35	101	35	1590	815	365	740	188	210	130		
Алексѣй	Уй.	50	180	156	145	92	139	124	148	120	58	36	110	32	1590	850	410	730	185	205	119		
Алексѣй	Ходэ.	32	177	155	153	100	139	118	152	122	54	36	109	32	1590	830	390	680	150	198	128		
Матвѣй	Уй.	около 100	185	144	148	97	127	120	148	112	53	41	105	30	1555	805	370	680	180	200	123	Рѣдкая борода.	
Нилъ	Уй.	32	180	152	145	113	135	116	142	115	55	39	105	34	1585	860	380	710	180	195	122		
Карпъ	Уй.	40	191	155	148	120	138	124	152	117	50	39	107	36	1500	780	380	699	175	210	122	Нѣтъ.	
Маркъ	Конин.	30	192	157	159	107	137	122	152	117	56	46	105	38	1550	760	410	690	185	210	124		
Семенъ	Конин.	25	191	154	153	116	133	120	145	115	49	38	100	41	1560	820	385	685	190	210	120		
Лазарь	Май.	30	179	155	138	85	125	110	140	110	50	39	97	34	1560	825	400	720	195	205	127		
Антонъ	Ходэ.	30	190	162	148	110	145	120	151	116	59	34	105	39	1565	840	310	710	210	210	125		
Николай	Конин.	14	174	142	130	100	122	105	130	97	48	30	86	34	1370	740	315	570	160	165	123		
Семенъ	Конин.	11	160	142	130	85	122	102	133	100	50	33	82	32	1280	670	310	560	150	160	130		
Матрена	Конин.	40	180	147	134	116	128	115	146	115	53	35	105	34	1440	790	350	670	170	183	127		
Аксинья	Конин.	35	180	153	148	102	130	118	144	101	55	38	97	32	1470	750	290	680	180	182	122		
Марія	Конин.	25	175	155	140	96	130	114	143	100	53	34	94	37	1450	770	310	650	175	174	125		
Елена	Ходэ.	20	170	158	134	90	130	110	143	99	53	35	94	38	1420	780	340	630	173	170	130		
Елена	Ходэ.	35	177	143	136	79	122	111	140	113	49	32	95	30	1460	810	350	660	170	180	126		
Соломонида	Дюанко	20	178	151	142	108	124	114	140	108	53	35	93	38	1460	730	380	610	165	180	122		
Тимофей	Датта.	40	195	160	153	106	145	130	150	116	63	33	110	30	1570	850	390	700	200	200	115	Баки.	Горбоносъ
Карпъ	Уй.	35	197	143	155	95	135	125	149	120	62	43	122	34	1550	870	375	680	180	200	119	Усы.	Расплывающійся въ стороны.
Харлампій	Дюанко.	18	180	160	121	102	128	125	142	107	52	38	95	39	1560	800	345	702	180	200	113	Нѣтъ.	
Власъ	Дюанко.	35	179	146	143	114	123	114	132	111	68	37	101	32	1510	810	390	670	190	190	115	Баки.	
Такори	Дюанко.	60	189	150	143	110	130	130	146	119	62	50	105	35	1450	765	360	680	175	182	112	Нѣтъ.	
Григорій	Дюанко.	35	195	159	155	110	149	126	150	123	63	37	107	31	1540	850	390	680	190	205	119	Нѣтъ почти.	Горбоносъ.
Иванъ	Ходэ.	50	167	146	132	98	126	122	141	109	60	40	98	36	1380	730	360	620	185	180	115		Расплывающ.
Корнилъ	Ходэ.	25	186	149	141	100	135	126	146	113	58	40	104	37	1620	820	405	710	169	194	115		Расплывающійся въ стороны.
Григорій	Конин.	50	185	153	156	105	130	126	148	115	60	44	108	35	1590	830	420	720	195	220	118		
Лука	Конин.	35	182	156	148	101	137	124	147	124	58	38	108	31	1530	800	380	690	180	197	118		
Данило	Тунджа.	40	180	141	151	110	122	116	136	110	60	38	105	30	1530	800	390	700	170	192	116		Ясно очерченный.
Николай	Датта.	20	184	149	146	106	127	120	143	115	53	38	100	42	1510	770	390	650	182	210	119		
Алексѣй	Ходэ.	16	178	155	140	94	132	116	134	110	49	38	103	36	1480	780	320	620	170	180	115		
Дарья	Уй.	60	156	137	132	72	125	116	133	102	50	35	95	26	1430	780	340	640	169	179	114		
Марфа	Датта.	25	181	145	144	105	123	117	137	114	53	31	102	33	1410	750	370	590	160	170	117		
Филиппъ	Тунджа.	30	186	143	147	110	134	125	144	111	54	39	106	34	1570	830	400	690	190	195	115		
Василій	Ходэ.	50	184	150	143	91	125	134	147	124	66	42	100	38	1573	850	400	705	175	200	110		
Терентій	Ходэ.	50	174	145	150	90	133	130	140	110	57	40	105	40	1540	820	370	700	180	200	108	Баки.	
Максимъ	Тунджа.	50	180	147	150	99	132	134	147	115	57	35	105	29	1625	850	370	755	195	180	109	—	
Степанъ	Тунджа.	70	183	158	144	97	137	126	140	114	61	50	95	30	1550	810	400	670	185	200	111	Баки.	
Михаилъ	Конин.	30	182	143	151	97	133	127	141	117	56	38	106	33	1510	790	360	630	170	185	111	Баки, усы.	
Михаилъ	Конин.	25	180	152	144	109	124	125	139	110	57	37	96	35	1500	785	360	650	170	200	111	Баки, усы.	
Ѳедоръ	Тунджа.	30	190	144	148	99	135	137	146	116	60	36	103	34	1530	780	380	730	195	205	106	—	
Николай	Датта.	8	153	116	128	91	114	103	113	85	47	30	82	37	1140	650	260	490	130	145	109	—	
Сергѣй	Датта.	10	159	134	129	90	115	117	124	92	49	32	82	34	1220	720	290	535	140	160	106	—	

чей, какъ питомцевъ некультурной природы, развитіе чувствъ идетъ рука объ руку съ требованіями ихъ жизни. Несмотря на дымную атмосферу ихъ жилья, зрѣніе, въ смыслѣ быстроты и дальнозоркости, можно признать вполнѣ прекраснымъ. Болѣзнь глазъ (краснота и слезливость) нисколько не мѣшаетъ Орочу днемъ и ночью бить острогою иногда на нѣсколько саженъ рыбу, или отличать предметы на весьма большомъ разстояніи. Какъ бы въ подспорье зрѣнію, въ борьбѣ съ житейскими нуждами развиваются и слухъ и обоняніе, но опять таки въ направленіи практическомъ. Орочъ туго отличаетъ варіаціи пѣнія и музыки, но грубые звуки, какъ-то: трескъ, крикъ и т. п. онъ слышитъ изъ далека. Равнымъ образомъ и запахъ цвѣтовъ не производитъ на нихъ особаго впечатлѣнія, но дымъ, напримѣръ, Орочъ слышитъ на далекомъ разстояніи. Только чувства вкуса и осязанія нѣсколько отстаютъ отъ другихъ въ своемъ развитіи. Не только усталость, голосъ, но и физическія боли они переносятъ стоически. Спать, напр., на камняхъ или на мягкой подстилкѣ для Ороча безразлично; ударъ по больному мѣсту, напр., по нарыву, по сифилитической язвѣ и т. п. производитъ Орочу такое же ощущеніе боли, какое для русскаго человѣка по здоровому мѣсту. Относительно вкуса стоитъ только сказать, что Орочи на пищу крайне неразборчивы, смѣсь продуктовъ, совсѣмъ не подходящихъ другъ къ другу по вкусу, напр., сахаръ и нерпичій жиръ, принимается ими въ пищу одинаково апетитно, какъ и порознь.

Предъ своимъ отправленіемъ къ Орочамъ, я хотя и имѣлъ въ виду производить измѣренія на живыхъ субъектахъ, но во 1-хъ весьма сомнѣвался въ возможности уговорить Орочей не бояться этихъ измѣреній, а во 2-хъ положительно не могъ достать необходимыхъ для этого инструментовъ. Кронъ-циркуль самой простой конструкціи и метрическая лента — вотъ и все, чѣмъ я былъ снабженъ для краніологическихъ цѣлей. Съ такими измѣрительными средствами не мыслимо было выполнить все то, что требуется новѣйшими антропометрами, вотъ почему я принужденъ былъ ограничиться только тѣми измѣреніями, которыя по моему мнѣнію были во 1-хъ, не столь стѣснительны для измѣряемыхъ, а во 2-хъ, которыя были бы сдѣланы при помощи только циркуля и метрической ленты. Точки, между которыми брались циркульныя измѣренія показаны въ предъидущей таблицѣ. Ростъ измѣрялся такъ: измѣряемый становился или садился на какую нибудь доску, кто нибудь изъ любопытствующихъ держалъ надъ его головой другую доску, прислонивъ ее къ макушкѣ; обѣ доски приводились на глазъ въ параллельное положеніе и разстояніе между ними бралось метрической лентой. Ширина плечъ бралась между *acromion*, длина руки — между *acromion* и шиловиднымъ отросткомъ, длина ладони — между шиловиднымъ отросткомъ и концомъ средняго пальца, наконецъ обхватъ ладони брался лентой по срединѣ ладони чрезъ первые суставы пальцевъ. Представляемая здѣсь таблица измѣреній хотя и не выполняетъ всѣхъ требованій науки, но тѣмъ не менѣе, я считаю своимъ долгомъ помѣстить ее, какъ сырой матеріалъ, могущій быть полезнымъ для другихъ изслѣдователей Орочей.

Въ бытность свою въ Императорской гавани мнѣ удалось достать 17 череповъ Ороческихъ, изъ конхъ одинъ съ почти полнымъ скелетомъ, (недостаетъ нѣкоторыхъ мелкихъ костей конечностей). Пять череповъ взяты со стараго кладбища с. Коппи, вымершаго въ 1856 году отъ оспы и теперь вновь воздвигнутаго по другую сторону устья рѣчки Коппи. Пять череповъ взяты съ кладбищъ, разбросанныхъ по берегамъ самой Императорской гавани, одинъ изъ с. Дюанко и шесть череповъ изъ с. Датта. Я уже упоминалъ выше, что Орочи при погребеніи умершихъ кладутъ въ гробъ мужчинъ мужскія принадлежности, а въ гробъ женщинъ — женскія, по этимъ то вещамъ и представилась возможность опредѣлить полъ большинства изъ череповъ на мѣстѣ, т. е. при вынимании ихъ изъ гробовъ. Изъ добытыхъ мною череповъ 7 принадлежали взрослымъ мужчинамъ, пять — взрослымъ женщинамъ и пять за неимѣніемъ данныхъ остаются мною неопредѣленными: черепа подъ №№ XIV и XV найдены у совершенно разрушившихся могилъ, а черепъ подъ № XII брался съ большимъ рискомъ, почему приглядѣться къ костюму покойника не удалось и наконецъ черепа за №№ XVI и XVII принадлежатъ еще несовершеннолѣтнимъ, почему ни по костюму ни по придаточнымъ вещамъ опредѣлить ихъ пола, было невозможно.

Предъ отправленіемъ на добычу череповъ мнѣ иногда удавалось окольными разспросами вывѣдать отъ самихъ Орочей не только мѣста погребенія, но и имена и даже возрастъ покойника. Впрочемъ такихъ опредѣленныхъ череповъ только 2; черепъ № II-й принадлежалъ полусумасшедшему Орочу Тантешкѣ, умершему на 45-мъ году своей жизни во время скитаній по тайгѣ, гдѣ онъ былъ найденъ полуразложившимся и похороненъ на мѣстѣ нахожденія; черепъ № VI принадлежалъ большому шаману лѣтъ 40 по имени Леуга. Возрастъ нѣкоторыхъ другихъ череповъ приблизительно опредѣлялся состояніемъ зубовъ, такъ черепъ № XVII имѣетъ еще молочные зубы, черепъ № XVI хотя и не имѣетъ молочныхъ зубовъ, но настоящіе еще не всѣ прорѣзались. Черепъ № XIII не только не имѣетъ коренныхъ зубовъ, но даже и лунчки всѣ стерты.

Прежде чѣмъ говорить объ измѣреніяхъ этихъ череповъ, скажу нѣсколько словъ о своемъ способѣ измѣреній.

Хотя во всѣхъ краніологическихъ брошюрахъ и стать-

тьяхъ за послѣднее время слышался упрекъ всѣмъ спеціальнымъ и временнымъ краніологамъ за то, что каждый изъ нихъ старается измыслить свой методъ измѣреній, и хотя я вполнѣ солидаренъ съ мнѣніемъ о непригодности разнородности краніологическихъ методовъ, но тѣмъ не менѣе я, съ одной стороны побуждаемый долгомъ совѣсти дать всѣ данныя о добытыхъ мною черепахъ, составляющихъ еще рѣдкость въ музеяхъ, а съ другой стороны вооруженный для этой цѣли опять таки однимъ лишь кронциркулемъ и метрической лентой, былъ поставленъ въ большое затрудненіе въ 1-хъ выполнить всѣ требованія науки, а во-вторыхъ придержаться для этого какого либо одного выработаннаго метода. На нашей далекой окраинѣ пришлось задуматься не только надъ тѣмъ, какимъ бы образомъ измѣрить лицевой уголъ, но даже и надъ тѣмъ, какъ и при помощи чего установить черепъ въ требуемой горизонтальной плоскости. Вотъ почему пришлось придумывать такіе способы краніометріи, которые были бы болѣе или менѣе пригодны для этой цѣли, и въ тоже время были бы доступны на нашей далекой окраинѣ. Кромѣ того меня, какъ новичка въ этомъ дѣлѣ, постоянно пугала мысль, опредѣлю-ли я въ точности на черепѣ тѣ пункты и точки, между которыми предписывается брать измѣренія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ точекъ до того неясны и неопредѣленны, особенно на монхъ, вполнѣ ассиметричныхъ черепахъ, что сбиться въ нихъ для неопытнаго вполнѣ возможно. Въ виду всего этого я и предложилъ было заняться измѣреніемъ монхъ череповъ одному изъ докторовъ Тихо-океанской эскадры съ условіемъ воспользоваться его цифрами при составленіи этой работы, но онъ въ 1-хъ, за неимѣніемъ инструментовъ бралъ всѣ горизонтальныя и вертикальныя плоскости на глазъ, а во-вторыхъ, хотя такимъ образомъ и сдѣлалъ эти измѣренія, но почему то не счелъ нужнымъ подѣлиться своими цифрами. Пришлось, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ нашего общества, самому взяться за это дѣло. Первый вопросъ, который предстояло рѣшить, это тотъ, какъ установилъ черепъ въ горизонтальномъ положеніи. По соображеніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ я рѣшился воспользоваться для этой цѣли поверхностью воды въ сосудѣ (таб. IX, рис. 1). Мною былъ взятъ сосудъ съ стеклянными стѣнками, вмѣстимостью ведра $2^1/_2$. Этотъ сосудъ ставился на треугольникъ съ длинными винтами по угламъ. При помощи этихъ винтовъ поверхность воды приводилась въ должное положеніе. Для медленнаго подливанія воды въ сосудъ, если того требовалось, былъ установленъ на высотѣ другой сосудъ съ гутаперчевою трубкою съ краномъ, а для отливанія воды былъ перекинутъ чрезъ стѣнку стекляннаго сосуда сифонъ съ зажимомъ. Черепъ устанавливался неподвижно къ тяжелой подставкѣ, съ которой вмѣстѣ и опускался въ стеклянный сосудъ. При помощи винтовъ, сифона и вверху стоящаго сосуда поверхность воды приводилась въ такое положеніе, что проходила чрезъ средины ушныхъ отверстій и чрезъ нижній край правой глазницы. Кругомъ черепа карандашемъ наносилось нѣсколько точекъ, чрезъ которыя проходила горизонталь. Подливая воды до тѣхъ поръ, пока не закрывалась самая послѣдняя точка на черепѣ, я во 1-хъ вполнѣ точно опредѣлялъ наиболѣе высшую точку по отношеніи къ горизонтали, а во-вторыхъ могъ и измѣрить разстояніе ея отъ горизонтальной плоскости. Для этого измѣренія было сдѣлано слѣдующее приспособленіе: на стѣнѣ комнаты по отвѣсу была установлена неподвижно стеклянная трубка, діаметромъ $^1/_2$ дюйма, которая гутаперчевой трубкой соединялась съ дномъ стекляннаго сосуда. Въ стеклянную трубку для удобства былъ опущенъ поплавокъ съ остріемъ иглы. Уровень воды въ сосудѣ отмѣчался карандашемъ на бумагѣ по острію поплавка въ трубкѣ. Подливая постепенно воду въ сосудъ, могло случиться, что запертый въ черепѣ воздухъ могъ облегчить тяжесть подставки и вывести черепъ изъ первоначальнаго положенія, дабы избѣжать этого, въ черепъ чрезъ затылочное отверстіе вставлялась изогнутая воздухоотводная трубка. Для обозначенія продольно-вертикальной плоскости, черепъ прикрѣплялся неподвижно на правый бокъ, при чемъ поверхность воды проходила чрезъ переносье, чрезъ заднюю носовую ость и чрезъ центръ задней окружности затылочнаго отверстія. Помимо обозначенія этой плоскости, этотъ пріемъ обнаруживалъ всѣ уклоненія отъ симметріи черепа и давалъ возможность опредѣлить абсолютную ширину черепа. Подливая воду до того момента, когда закрывалась послѣдняя точка на черепѣ, я на этотъ разъ опредѣлялъ въ 1-хъ положеніе этой точки, и во 2-хъ ширину лѣваго бока. Выпустивъ за тѣмъ воду до того момента, когда правый бокъ только что прикасался воды, я опредѣлялъ какъ точку, наиболѣе отстоящую отъ средины, такъ и ширину праваго бока, а слѣдовательно и ширину всего черепа.

Для нанесенія поперечно вертикальной плоскости черепъ ставился на лицо по двумъ отвѣсамъ, совпадающимъ одинъ съ горизонталью, а другой съ продольно-вертикальною плоскостью; поверхность воды проводилась чрезъ слуховыя отверстія. Пересѣченіе этой плоскости съ продольною обозначалось, за тѣмъ вода подливалась до передняго края затылочнаго отверстія, а потомъ до задняго; пересѣченія этихъ плоскостей съ продольною тоже обозначались карандашемъ. Наконецъ вода наливалась до самой верхней точки и опредѣлялась такимъ образомъ дальнѣйшая точка по продольно-вертикальной плоскости, которая, т. е. точка, на многихъ изъ монхъ череповъ при-

ходилась то въ право, то въ лѣво отъ продольно-вертикальной плоскости. Всѣ обозначенныя такимъ образомъ точки дали мнѣ возможность смѣлѣе дѣйствовать циркулемъ, которымъ и были дополнены всѣ остальныя измѣренія.

При такихъ измѣрительныхъ средствахъ, очевидно, пришлось избрать такой методъ, который былъ бы болѣе доступенъ; я придержался метода Дерптскаго профессора Штида, принятаго д-мъ Таранецкимъ при его описаніи череповъ Ахалъ-Текинцевъ, Папуасовъ и Корейцевъ. Этотъ методъ показался мнѣ болѣе всего доступнымъ при моихъ краніологическихъ средствахъ. Только нѣсколько измѣреній пришлось выпустить, а нѣсколько добавить своихъ. Выпустить пришлось, напр., уголъ затылочнаго отверстія, уголъ лица, такъ какъ при моихъ инструментахъ этихъ измѣреній нельзя было сдѣлать, а добавить — правый и лѣвый поперечники, такъ какъ это можетъ дать понятіе относительно ассиметріи и не составляло особаго труда при моемъ способѣ измѣреній. Правда, волосность много мѣшала при этомъ, но такъ какъ я эти поперечники опредѣлялъ въ два пріема, т. е. сначала клалъ черепъ на правый бокъ, а потомъ на лѣвый и цифру бралъ среднюю между обоими измѣреніями, то результатъ, могу надѣяться, получился удовлетворительный. Кстати добавлю, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только препятствовала волосность, приходилось дѣлать такъ или иначе поправки.

ТАБЛИЦА

измѣреній (въ милиметрахъ) череповъ Орочей.

		С. Дюпюи	С. Хадэ	С. Коппи	С. Датта	С. Датта	С. Хадэ	С. Коппи	С. Коппи	С. Датта	С. Датта	С. Хадэ	С. Коппи	С. Коппи	С. Датта	С. Хадэ	С. Датта	С. Хадэ
		муж.	муж.	муж.	муж.	муж.	муж.	жен.	жен.	жен.	жен.	муж.	—	жен.	—	—	юноше-ский	дѣтскій
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
	Возрастъ...	25	20-25	35	25	25	40	40	20-30	50	20	45	50-60	50	20	30	10	7
1	Емкость въ сантиметрахъ измѣрялась дробью № 8.....	1500	1501	1640	1452	1639	1541	1531	1340	1302	1350	1380	1322	1320	1300	1350	1160	1010
2	Продольный діаметръ (между glabella и дальней точкой затылка на вертикальной плоскости параллельно общей горизонтали).....	172	183	183,5	184	177,5	177	181,1	175	172,5	162	167,5	176	160	168	179	158	156
3	Абсолютная ширина по горизонтальной плоскости.....	154	144	149,5	153	157	147,5	146	147,5	139	153,5	140	141,5	137,5	143,5	144,5	138	128.5
4	Правая ширина..	78	73	74,5	79	77	73	74	71,5	69	78,5	70	72	69,5	73	70,5	69	65
5	Лѣвая ширина	76	71	75	74	80	74,5	72	76	70	75	70	69,5	68	70,5	74	69	63,5
6	Ширина между лобными костями позади ихъ скулов. отростка	96	90	96	95	98	97	97	95	86,5	96	92	96,5	93,5	89	91	84	80
7	Ширина у основанія сосцевидныхъ отростковъ.....	135	1 отростка нѣтъ	135	140	132,5	131	131	124,5	118,5	128,5	130	130	121,5	128	133	111	101
8	Ширина между теменными буграми.....	135,5	130	142	129	139	135,5	131	138	123	133	124	126	129	132	131	127	123,5
9	Ширина между центрами лобныхъ бугровъ.....	57	56	50	48	56,5	54	50	47	52	57	50	50	45,5	49	50	45,5	42
10	Высота по перпендикуляру къ горизонтали отъ средины передней окруж. затылоч. отверстія къ макушкѣ.....	132,5	126	138	128,5	135	135	132,5	123	124,5	124	128,5	127	121	127	136	118	основной кости нѣтъ
11	Такая же высота отъ центра задней окруж. затыл. отверст.	127	129	135	124,5	124	128	135	127	124	121,5	119,5	130	119	119	128,5	125	112
12	Высота отъ передней окружности затыл. отверст. до самой отдаленной точки макушки..	132,5	128	138	129	135	135	132,5	124	125	124	129	129,5	120	127	136	121	—
13	Горизонтальн. окружность (отъ лобно-носоваго шва чрезъ Arcus supra-orbitalis и чрезъ точку пересѣченія горизонтальной съ продольно-вертикальной плоскостью).....	524	525	529	535	532	522	532	517	510	503	500	520	495	501	525	468	454

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
14	Поперечная дуга (между слуховыми отверстіями по вертик. плоск.)	348	335	347	335	350	345	340	345	325	337	320	315	317	328	334	315	305
15	Продольная дуга (отъ лобно-носоваго шва по сагитальной лин. до затыл. отвер.)	348	368	375	365	359	361	363,5	365	355	339	343	355	337	336	360	331	325
16	Лобная дуга	120	129	134	132	122	130	123	130	128	121	125		123	126	122	115	109
17	Теменная дуга	113	106	124	118	114	123	123,5	106	111	112	117		100	104	115	103	109
18	Затылочная дуга	115	133	117	115	123	108	117	129	116	106	101		114	106	123	113	107
19	Передняя длина продольнаго діаметра (отъ glabella до вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія)	90,5	89,5	98	95	101	95	95,5	90	90,5	92,5	86,5	84	80,5	90	93	76	—
20	Задняя длина того же діаметра.	81,5	93,5	85,5	89	76,5	82	86	85	82	69,5	81	92	79,5	78	86	82	—
21	Разстояніе отъ передняго края затылочнаго отверстія до корня носа	103	97	105,5	96,5	107,5	100,5	104	92	98	96	94	101	95	97	100	82	—
22	Разстояніе отъ передняго края затылоч. отверстія до альвеолярнаго края верхней челюсти	99	102,5	101,5	95,5	101,5	96,5	97	97,5	105,5	101	91	98	100	97	108,5	80	—
23	Длина затылочнаго отверстія	40	39	39,5	39	37	36	37,5	33	31	30	38,5	35	35,5	35	35	34	—
24	Ширина затылочнаго отверстія.	32,5	29	32,5	32	33	32,5	33,5	28	26	28	29	31	28	26,5	30	26	—
25	Длина твердаго нёба	52	55	54	53	54	50	50	53	59	57	47	50	52	50	55,5	42	35
26	Ширина твердаго нёба (противъ четвертаго коренного зуба)	41	42	45,5	41	43	41	38	38,5	36	42	43	38	44	35	38,5	34	28
27	Длина лица (отъ корня носа до средины нижняго края нижней челюсти)	122	122	111	118,5	119,5	113,5	123,5	106	112	116,5	119	111	107,5	нижней челюсти нѣтъ	125	98,5	74
28	Ширина лица (между центрами скуловыхъ костей)	117	115	122	120	119,5	121	117	116	109	120	121	118	115	114	124	95	84
29	Наибольшее разстояніе между скуловыми дугами	136	137,5	139,5	139	139,5	145	133,5	136	123	136	136	139	137	132	141,5	одной дуги нѣтъ	97
30	Длина глазницы	39,5	39,5	42,5	41	42	42,5	39,5	42	38	40	40,5	43,5	42	39,5	42	33	32
31	Высота глазницы	39	35,5	35	36	36	33	35	33	32,5	33	34	37,5	37	35	35	29	27,5
32	Длина носа (отъ корня до носовой кости)	59	56	52,5	55	55	52	58	45	48	51	51	53	48	50	52	38	33
33	Ширина носа (ширина грушевидной вырѣзки)	25,5	25	26	25	26,5	25	25,5	29	22	28	24	28	24,5	25	26	19	18
34	Ширина корня носа (между сочлененіями лобно-челюстныхъ отростковъ съ лобными костями)	23	24	23	20	24	22	21	22,5	20	22	25,5	22	20,5	20	19	20	17
35	Длина верхней челюсти (между концомъ лобнаго отростка и срединою альвеолярнаго отростка у перваго рѣзца	73,5	69	64	69	66	65	67	57	73	60	64	62,5	62	63	70	52	43

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
36	Ширина верх. челюсти (надъ четвертыми коренными зубами)	67	67	69	69	67	65	61	66	63	65	65	62	65	60	62	54	44
37	Длина нижняго края нижней челюсти	187	198	196	195	190	189	198	190	190	188	190	190	187	—	200	142	115
38	Разстояніе между углами нижней челюсти	106	102	109	117	95,5	101	108	91	90	93	103	91	96	—	100	78	68
39	Вышина нижней челюсти по срединѣ отъ нижняго края до альвеолярнаго	33	32	28	33,5	30	30	30	25	26	29	34	25	27	—	34	19	19
40	Высота восходящей вѣтви нижней челюсти	55	59	52	53	60,5	54	61	55	52,5	60	54	50	50	—	64	41,5	32
41	Ширина восходящей вѣтви нижней челюсти	40	36	39	38	40	38	35	37	35	37,5	35	34	37	—	40	30	23

ТАБЛИЦА

показателей (indices) и указанія ихъ.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
Показатель ширины черепа (продольный діам. = 100)	89	78	81	83	88	83	80	84	80	94	83	80	86	85	80	87	82
Показатель отношенія длины къ высотѣ (длина = 100) № 10	77	68	75	70	76	76	73	70	72	75	77	72	75	75	75	74	—
Показатель отношенія наибольшей ширины къ наименьшей ширинѣ	62	62	64	62	62	59	66	57	62	62	65	68	68	62	63	60	62
Показатель отношенія ширины къ высотѣ	85	87	92	83	86	91	90	83	89	80	91	89	88	87	94	85	—
Показатель отношенія длины носа къ ширинѣ	43,2	44,6	49,5	45,4	48,1	48	43,9	64,4	45,5	54,9	47	52,8	51	50	50	50	54,8
Показатель отношенія длины глазницы къ высотѣ	98,7	90	82,3	87,8	85,7	77,8	90	78,5	85,5	82,5	83,9	86,4	88	88,8	83,3	87,9	85,9
Показатель отношенія длины затылочнаго отверстія къ ширинѣ	81,2	74,3	82,4	82	89,1	90	89,3	84,8	83,8	93,3	75,3	88,5	78,8	75,7	85,7	76,5	—
Брахи-цефалъ	I	—	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
Субъ-брахи-цефалъ	—	II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гипсо-цефалъ	I	—	III	—	V	VI	—	—	—	X	XI	—	XIII	XIV	XV	—	—
Орто-цефалъ	—	—	—	IV	—	—	VII	VIII	IX	—	—	XII	—	—	—	XVI	—
Плато-цефалъ	—	II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лепторинъ	I	II	—	IV	—	—	VII	—	IX	—	XI	—	—	—	—	—	—

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
Мезоринъ	—	—	III	—	V	VI	—	—	—	—	—	XII	XIII	XIV	XV	XVI	—
Платиринъ	—	—	—	—	—	—	—	VIII	—	X	—	—	—	—	—	—	XVII
Микрозем̀ъ	—	—	III	—	—	VI	—	VIII	—	X	—	—	—	—	—	—	—
Мезозем̀ъ	—	—	—	IV	V	—	—	—	IX	—	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
Мегазем̀ъ	I	II	—	—	—	—	VII	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Въ дополненіе къ краніологическимъ даннымъ о черепахъ Орочей, слѣдовало бы дать анатомическое описаніе ихъ, но такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ не считаю себя достаточно подготовленнымъ, то поэтому на этотъ разъ ограничусь только указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей, касающихся главнымъ образомъ ассиметріи череповъ, а изъ анатомическихъ особенностей укажу только на тѣ, которыя бросаются въ глаза человѣку, даже мало подготовленному въ этомъ дѣлѣ. Не буду придерживаться порядка нумераціи, выведенной въ таблицѣ, а начну съ болѣе характерныхъ череповъ.

Черепъ № VIII взятъ со стараго кладбища с. Коппи, и судя по костюму и головному убранству покойника, принадлежалъ женщинѣ лѣтъ отъ 20 — 30; швы, за исключеніемъ основнаго. еще не срослись, нѣкоторые даже не сходятся плотно. Зубы, или по крайней мѣрѣ зубныя луночки, всѣ 32 на лицо. Ширина черепа по мѣрѣ удаленія отъ лба ясно возростаетъ и достигаетъ своего максимума немного позади вертикально-ушной плоскости, повыше височнаго шва. Теменныя кости несиметричны и изуродованы. Лѣвая теменная кость, помимо неровностей по своей поверхности, сильно выпячена влѣво и назадъ, правая-же наоборотъ приплюснута въ задней своей половинѣ и круто спускается внизъ. Таковому же искривленію подверглась и затылочная кость, т. е., лѣвая ея сторона вздута, а правая прижата; затылочный бугоръ приходится вершиной своей на лѣвой сторонѣ. Такимъ образомъ вся задняя часть черепа искривлена, какъ бы сдавлена съ правой стороны и вытянута въ лѣвой. Вслѣдствіе этого искривленія, правый теменной бугоръ приходится почти на вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія, а лѣвый лежитъ много сзади ея. Вѣнечный шовъ отличается полнымъ отсутствіемъ зазубринъ и скорѣе можетъ назваться соприкасающимся, нежели настоящимъ швомъ; стрѣловидный шовъ имѣетъ зазубрины только на срединѣ своего протяженія, ламбдовидный же изобилуетъ зазубринами. Впрочемъ такое состояніе швовъ у большинства изъ моихъ череповъ и черепъ № VIII не составляетъ въ этомъ случаѣ выдающейся особенности. Вышеуказанное искривленіе затылочной кости не исчерпываетъ всей ея своеобразности. На этомъ черепѣ затылочная кость состоитъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ костей, связанныхъ зазубренными швами. Между тѣми углами, гдѣ сходятся ламбдовидный, височный и сосцевидный швы, поперегъ всей затылочной кости проходитъ извилистый шовъ съ выпуклостью къ верху. Этимъ швомъ затылочная кость дѣлится на двѣ почти равныя доли верхнюю и нижнюю. Верхняя доля въ свою очередь таковымъ же швомъ, идущимъ сверху внизъ дѣлится еще на двѣ части, лѣвую меньшую и правую нѣсколько большую. Этотъ второй добавочный шовъ не служитъ продолженіемъ стрѣловиднаго шва, начинается нѣсколько лѣвѣе его, и спускаясь внизъ, оканчивается надъ затылочнымъ бугромъ, который лежитъ въ нижней доли затылочной кости. Продольно вертикальная плоскость, проведенная чрезъ средину затылочнаго отверстія, по стрѣловидному шву и чрезъ переносье, оставляетъ въ лѣвой сторонѣ какъ затылочный бугоръ, такъ и добавочный отвѣсный шовъ. Вся нижняя часть затылочной кости отличается неровностью.

При разсматриваніи черепа особенно бросается въ глаза общая ширина лица въ сравненіи съ длиною и шириной переносья. Впрочемъ эта особенность присуща всѣмъ моимъ черепамъ. Обѣ носовыя косточки очень маленькія, срослись между собою и образуютъ едва замѣтный хребтикъ, носовые же отростки челюстной кости очень массивны и образуютъ большую часть плоскаго переносья. Твердое нёбо весьма неровное и раздѣляется по длинѣ своей большимъ вздутымъ валомъ, оканчивающимся широкою задне-носовою костью.

Черепъ № II принадлежалъ мужчинѣ лѣтъ 20 — 25 (на верхней челюсти зубовъ мудрости еще нѣтъ). Этотъ черепъ искривленъ по всей своей длинѣ. Лѣвая сторона затылка приплюснута, а правая выпукла, наоборотъ, лобная кость лѣвымъ бокомъ выступаетъ впередъ, а въ правомъ прижата назадъ. Такимъ образомъ весь черепъ какъ будто сжатъ по діагонали, ведущей отъ праваго лобно-

скуловаго отростка къ лѣвому краю затылочной кости, а по діагонали, ведущей отъ лѣваго лобно-скуловаго отростка къ правому краю затылка, вытянутъ. Даже лицо въ силу этого сильно искривлено съ лѣва на право. Отъ glabella по срединѣ лба къ макушкѣ идетъ ясно выраженный хребетъ. Носовыя косточки срослись; твердое нёбо неровное. Нижняя челюсть весьма массивна, отличается толщиною тѣла и шириною восходящихъ вѣтвей.

Черепъ № IV принадлежалъ мужчинѣ лѣтъ 25 (зубы мудрости прорѣзываются). Черепъ отличается своею тяжестью и шероховатостью, переносье вздуто и лобный гребешокъ очень ясно выраженъ, затылочный бугоръ сильно развитъ. Этотъ черепъ, а такъ же черепа подъ №№ XV, XI и XII искривлены такъ же, какъ и черепъ № II, только не въ такой степени.

Всѣ кости лица черепа № XV весьма массивны, надпереносье и надбровныя дуги сильно развиты. На лбу незамѣтно лобнаго гребешка, но по срединѣ лба ясно обрисовывается бугорокъ; зубовъ мудрости нѣтъ, но швы почти окостенѣли. Скулы и челюсти массивны, вѣтви нижней челюсти отлоги, нёбо какъ у черепа № VIII.

Черепъ № XII принадлежалъ старому человѣку, такъ какъ швы его всѣ окостенѣли и отъ коренныхъ зубовъ остались только стертыя луночки. Затылочный бугоръ очень развитъ, нёбо весьма неровное. Этотъ черепъ, а такъ же черепъ № V имѣютъ ту особенность, что у нихъ по срединѣ передняго края затылочнаго отверстія есть костяныя отросточки, величиною въ горошину.

Черепа №№ V и III замѣчательны тѣмъ же, чѣмъ и черепъ № VIII, т. е. затылочною костью, которая въ этихъ черепахъ раздѣлена не на три, а на двѣ части, нижнюю и верхнюю. Въ остальномъ эти черепа отличаются отъ № VIII, т. е. они почти правильны и симетричны. Изъ остальныхъ череповъ укажу только на №№ I и VII, которые отличаются отъ другихъ тѣмъ, что лбы у нихъ сравнительно съ другими сильно покаты назадъ и макушки ясно выпячены вверхъ, тогда какъ у остальныхъ череповъ макушки плоски и лбы болѣе или менѣе прямые; только черепъ № XV по лбу ближе подходитъ къ нимъ. Впрочемъ о покатости лба и выпуклости макушки и затылка легче судить по рисункамъ профилей, изображенными на таб. IX и X.

Эти рисунки брались слѣдующимъ образомъ: каждый изъ череповъ на одинаковомъ разстояніи ставился предъ фотографическимъ аппаратомъ, при чемъ такъ, что продольно-вертикальная плоскость черепа приходилась перпендикулярно къ оси фотографическаго аппарата. На то стекло, гдѣ получалось изображеніе черепа, накладывалась тонкая просвѣчивающаяся бумага, на которой карандашемъ и очерчивался контуръ черепа. За тѣмъ это изображеніе переводилось на литографскій камень.

Если провести отъ средины альвеолярнаго края верхней челюсти двѣ линіи, одну чрезъ выступающую точку лба, а другую чрезъ слуховое отверстіе (на таблицахъ показано точками), то получится лицевой уголъ, приблизительное измѣреніе котораго можно сдѣлать транспортиромъ. Кромѣ того, эти рисунки даютъ наглядное понятіе о покатости лба и о выпуклости макушки и затылка.

Ороческій словарь.

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Бокъ	Окдоми́	Аутила	Эрги дилба
Балаганъ для провизіи	Бибты́		
Буда (просо)	Діакта́	Джакта	Буда
Бревно	Амигда́	Айта́	Сачихамоо
Богъ	Боа́		Абкай эчжэнь
Береза	Чаба	Тала́мони́	Фія
Береста	Талу́	Сокто́	Алань
Банка (стеклянная посуда)	Токоро́	Ангала́	Тэтуны
Бровь	Кимикта́(э)	Гулуга́	Файтань
Брезентъ изъ бересты	Икая́	Тука́	
Борода	Гуахта́	Гуакта́	Салу́
Братъ	Аха́		
Бабушка	Атанга́		
Бѣлка	Олёки́		
Бабочка	Конака́		
Бѣжать	Тугоди		
Бить	Миндоми́		
Больно	Анапа́		
Бѣлый	Чакдя́		
Большой	Сакды́		
Близко	Лякы		
Волосъ	Нюкта́	Нюкта́	Фуліэхэ
Весло́	Сюй	Сыу́	Сэльби
Вода	Му́	Ули	Мукэ
Ворона	Гакь	Гай	Гаха
Все-равно	Ума-дали	Амото́	Эмуадали
Веревка	Хуку́	Хуку	Фута́
Вѣтеръ	Ады́		
Выдра	Дюку́		
Вставать	Таашно́		
Высоко	Укда́		
Вѣрно	Чадэ́		
Голова	Дылы́	Дыли	
Глазъ	Ися́	Яга́	Яса́
Грудь	Тынга	Тынга	Тункгэнь
Грудь (сиська)	Око́	Косау́	Хухунь
Грибъ древесный	Питка́ (трутъ)	Бото́	Сэнчэ
Гребень	Икду	Икду́	Ичжифунь

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Губы	Хамý	Хамý	Фэмэнь
Гора	Уá	Уá	Алинь, Ула (монгол.)
Горбуша (рыба)	Окó		
Громъ	Акды́		
Готово	Аля́		
Гляжу	Ичачивé		
Говорить	Деггане		
Десна	Ириги́	Икта тагани	
Дѣвушка	Хатала́	Хатала Гонеги	Саргань чжуй
Дѣвочка (маленьк.)	Ачха	Ажига Гонеги	Ачжиа Саргань чжуй
День	Ынаги́	Ойнаги́	Инэнги́
Дождь	Тикда́	Тигда	Ага́
Дерево	Мó	Мó	Моó
Дымъ	Сагня́	Сагня́	Шаньгань
Дробь	Сяешя́	Сацза́	Шацза (китайское)
Дверь	Укаптý	Уапте́	Дукка́
Дѣдъ	Апанга		
Другъ	Анда́		Аньда
Довольно	Аля		
Далеко	Го		
Держать (имѣть)	Чжава́		
Думать	Мычи́		
Дуть (вѣтеръ дуетъ)	Аддыни́		
Дѣлать	Очжопе		
Да	Инка́		
Давать	Буа		
Животъ	Амукда́	Мангý	Хэфэли́
Женщина	Ане́, Атачка́	Атыга́, Ганеги	Хэхэ (Эніе́-мать, мама)
Желѣзо	Села́	Села́	Сэлэ́
Желтый	Шёкдэ́		
Зубы	Икта́	Икта́	Вэйхэ
Звѣзда	Огекта́	Уэкта́	Усиха
Земля	На́	На́	На, ба
Зыбка	Амук(г)а́	Амуге́	Дури
Затылокъ	Апаке́	Гадыга	
Задница	Амбó	Ои́	Ура́
Змѣя	Мики́		
Знаю	Шааме́		
Здравствуй	Сооде́		
Зеленый	Кури́		
Икра ноги	Тидякы́	Тизаи, Титаи	
Имѣю я	Гакъ-би		
Идти	Амака, Ганджепе	Инха	
Коса (волосы)	Чочко	Гайдыга	Сэнчехэ
Комаръ	Гамакта	Немакта́	Галмань
Кэта (рыба)	Дава́	Тава, Дабга	Дамаха (монгольское)

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Кисть руки	Нала́	Хана́	Гала́
Конь	Мури	Мый	Моринь
Котелъ	Ико, Даптама	Юхо	Мучэ
Камень	Джёло	Цоло	Вэхэ
Кожа (звѣровая)	Нага́	Нига, Гіуса	Суку́
„ (рыбья)	Сшюбу		
Копье	Гида	Гида	Гида
Козуля	Гіоча	Инякта	Гуча
Кольцо	Иняпту	Уняпты	Сэмкэнь
Куртка (изъ кожи рыбы)	Уккале	Ніама	
„ (изъ кожи оленя)	Качке		
Кедръ	Кунко	Куанко	Холдоньмео
Кость	Гіамша́	Оро́	Гираши
Кора	Ывахта́	Илаке	Моо суку
Колѣно	Ханно́	Ханга́	Тобгя
Кунджа (рыба)	Оё		
Камбала (рыба)	Каббой		
Кисетъ для табаку	Хали́		
Корень	Нинта́		
Кабарга	Баюка, Анда		
Красный	Секде́		
Курить	Уми́ (принимать)		
Лодка (вообще)	Укда́	Тамтыге́, Ана́	Вейху, часахудай
„ большая морская	Аккэна́		Чжахудай
„ рѣчная	Ульмагда́		Вэйху
„ долбленая	Аморока́, Мооми		
Луна	Бе́	Бія́	Бія
Ледъ	Дюка́	Дзуга́	Чжухэ
Ложка	Уника́	Унига́	Сяйфи
Лукъ (оружіе)	Бый	Бый	Бэри
Ладонь	Хана́	Хана́	Фаланкгу́
Локоть	Ичо́	Исо́	Моянь
Лобъ	Гилюка́	Хаи	Шенкгинь
Лисица	Сулякэ́	Суляи́	Доби́
Лопатка (кость)	Сіаки́		
Лопата	Чіу́		
Лѣсъ	Дыги́		
Ловить	Байчіа		
Любить	Аявъ ми		
Лежать	Черочи́		
Моргини (обувь)	Унта́	Унта́	Гулха́
Мужчина	Нииие́	Мама-Гонеги	Хаха́
Мальчикъ	Ита́	Аука-Гонеги	Буя чжуй
Муха	Гилюка́	Гово́	Дэрховэ
Мошка	Гумахта́	Хумухта́	
Мука, хлѣбъ	Упа́	Ахва́	Уфа

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Мясо	Укта́	Пуляпты	Яли
Мать	Аньга́	Аншо́	Эмэ
Молотокъ	Халука́	Халданху	Фолхо
Медвѣдь	Мапа, мафа	Мафа́	Насинь
Мыло	Сикиики	Идза́	Ицза (китайское)
Молнія	Талиписи́		
Менструація	Ани(г)ачи		
Море	Наму́		
Мысъ	Дуа́		
Малый	Нити́		
Мало	Уякка́		
Много	Окды		
Молиться	Мегоронай		
Мести́	Аппуи́		
Мыть	Сикки		
Могу	Тумнам		
Носъ	Нигчо́	Ніоге́, Ніо́	Офоро
Нога	Букды́	Упкы́	Бэтхы
Ноготь	Огекта́	Уойкта́	Ошохо
Ночь	Доббо	Докбогюне́	Добори́
Небо	Нягня	Тимадула́	Абка́
Ножъ	Кучка, Аппели	Чакда, Кушига	Хувеси́
Ноздря	Никсо-сяна́	Салдони	Офоро-Санкіа
Не надо	Унга́	Атами́	Байдуроку
Нарта	Тукки		
Тормозъ для нарты	Каурый		
Нѣтъ	Май-маке́		
Низко	Нокто́		
Не	Ачимъ, Агимъ		
Одежда верхняя	Тагта́	Тага́	Этуку
Обѣдъ	Денты́	Чепонеги́	Буда
Огонь	То́	То́	Тува́
Отецъ	Ама(н)а	Абга	Ама́
Орелъ	Кяеча́	Кяза́	Дамиинь
Острога	Гынима́	Мыйма́	
Орѣхъ кедровый	Куйта	Нянта	Хурп
Ожерелье	Ніокчжоко	Момоли	Монголику
Отливать	Сокоо́		
Очагъ	Ува́		
Олень (ручной)	Оро́		
„ (дикій)	Икдахэ		
Плечо	Мія	Бокдоло	Мейрань
Пепелъ	Омокцо	Пулякта́	Фуленкчи
Палка	Мо	Сакта	
Палатка	Аббана	Майка	Чачари
Пихта	Сеикто	Нанта	

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Перо	Дактага́, упуктала	Тактыга́	Фуикгала́
Пуговица	Того	Напяка, того́	Тохонь
Палецъ (вообще)	Уняка	Бокты	Симхунь
„ большой	Хуму, Хугу́	Ху	
„ указательный	Шіё, Думоту	Дурунту	
„ средній	Дуляту	Цымдзяни	
„ безъимянный	Чимчакаакони	Сьюе́	
„ мизинецъ	Чимчака	Цимца	
Пятка	Моги́	Нинты	Гуя
Подошва ноги	Гакдеки	Уаннюгу́	
Подбородокъ	Гайши	Джый	Сэнчехэ
Пороховница	Харадя	Халаджа	Тувай октой шумгалы
Порохъ	Окто́	Окто́	Тувай окто
Пряжка	Киды	Гуаги́	
Поясъ	Уму	Уму	Умясунь
Пуля	Муггале	Мали́	Хухалянь
Понимаю	Тумнаме, Сааме	Сори	
Промышлять	Бычанга		
Пить	Уми		
Принести	Гайга		
Платить	Бугаме		
Плакать	Сёмо		
Рѣка	Ули́		
Ротъ	Амма́	Анма́	Анга́
Рука	Нала́	Нала́	Гала́
Ружьё	Міоча́	Міоца	Мючань
Рыба	Сюкдяга	Сюбдя	Нимаха
Рубаха	Покто	Мокто	Чамча
Ремень	Уги́	Андапти	Ушэ
Ручей	Бяка		
Ребенокъ	Гитто		
Разсказывать	Уггачага́		
Свинецъ	Тудя		
Святой Духъ	Андури	Эндури	Эндири
Ступня ноги	Гакдыки	Бокды	
Серьга	Маму, шка	Уайга	Аньчунь
Собака	Инаке	Инае	Индахунь
Свинья (кабанъ)	Нёкто	Накта́	Ульгянь
Солнце	Сеу́	Су́	Шунь
Снѣгъ	Имага́	Имана́	Нимани
Соболь	Ного, Носо	Нюге	Сэкэ́
Сохатый (лось)	Таки́	Окбіо	Анами
Соль	Даксу	Сяи́	Дабсунь
Солонка	Даску	Сяйдауки	Дабсунь
Суставъ пальца	Джила́	Цзала	
Сумка кожаная	Хундуку	Садуза	

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Спина	Никта́	Ока́	Фиса
„ поясница	Дама		
Скула и щека	Шеача	Сася́	Шакшаха́
Стружки (изъ гнилаго дерева)	Сики	Ута́	
Стрѣла	Тада́		Нпру
Сестра	Гунади́		
Старикъ	Мапача		
Старуха	Мамача		
Сивучъ	Туктуке, Конги		
Сердце	Мява́		
Стрѣлять	Міочаляй	Міоцелы	Мючеламбп
Слышать	Дакдагаме		
Спать	Апендопе, Апине		
Смѣяться	Инактагаме		
Спасибо	Мангане		
Синій	Нюкдя		
Сидѣть	Тала		
Табакъ	Дамши́	Таймп́	Дамбагу́
Трубка	Дай	Даги, дан	Дамбагу гачику
Тѣнь	Ханя́		
Топоръ	Шюка́	Суася́	Сухэ
Трава	Окто́	Окто	Орхо
Тигръ	Дуга́	Куты	Тасха
Темя	Гокчечи (проборъ)	Какпаша́	
Таймень	Шва	Джили	Чжелу
Топорище	Сюкагони	Холи	
Тонкій	Нами		
Толстый	Діами		
Трогаю	Угубуя́		
Тяжелый	Укгаге		
Ухо	Се	Коп	Шань
Усы	Гуакта́	Куахта	Салу
Узоръ	Моапту	Оніо	Хергень
Утка	Гага́	Гага́	Ніехэ
Умъ	Мучжанга		
Умный	Мучжангони		
Узкій	Намна		
Уходи	Ныйга		
Умирать	Букине		
Уполовникъ	Конды		
Укусить	Иктамокине		
Хожу	Ганаме		
Хорошій	Аай		
Хорошо	Ая́		Саинь
Худо	Манга, бай-бае		

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
Хомутъ на собакъ	Ала́		
Хочу	Галляме		
Цѣловать	Алонс	Одзузаме	Очжомби́
Человѣкъ	Ни	Ни	Нямна
Чертъ	Амба, Ганкэ, Шака	Іохо	Хуту́
Чайникъ	Чайпикъ	Гуанза	
Чашка	Чами	Мохо́	Моро
Челюсть	Діака́	Джейни	Шакшаха
Чумашка (коробка изъ бересты)	Дёдеко (маленькая)	Хаса	
	Аленки (большая)	Конжо	
	Умака (табачница)	Отуга	
Черный	Сакай		
Шапка	Прощо	Аб	Махала́
Шляпа	Ау́		
Штаны	Гейкы	Хейкы	Факури
„ наколѣнники	Аму́	Амуги́	
Шуба	Коптоко, болда	Пингау	Суку́ этуку́
Шишка кедровая	Конко	Сіу-тыги́	
Шея	Моо	Моё	Мейфель
Шестъ	Най	Оу́	Шурку́
Широкій	Дами		
Шерсть (съ оленя)	Инахта́		
Языкъ	Инни	Ини	
Якорь	Чабби	Чакбы	
Ѣсть	Дяпты		
Юкола (сушеная рыба)	Тали		
„ (суш. на огнѣ)	Сило		
„ (суш. на солнцѣ)	Яку		
Юрта	Дю	Чукди	
„ коническая	Ана	Чало́	
„ для родильницы	Ятаку		
Я	Би		Би
Ты	Си		Си
Онъ	Ты		Н
Тотъ	Тый		Техэ
Этотъ	Ай-дому		Эрэ
Мой	Миду		Мини
Твой	Синине		Сини
Есмь я	Бія́		Би
Былъ	Холичимъ		Бихэ
Буду	Гончинеи		
1	У(о)му		Эму
2	Дю		Чжуо́
3	Ила		Илань
4	Ды		Дуинь
5	Тунга́		Сунчага́

Русское	Ороческое (Изъ Император. гав.)	Ороческое (съ р. Усури)	Маньджурское.
6	Нюнгу́		Нинкгунь
7	Нада́		Надань
8	Дзяту		Чжакунь
9	Хуго́		Уюнь
10	Дзя		Чжуванъ
11	Дзя уму		Чжувань эму
12	Дзя дю		и т. д.
13	Дзя ила		
. . . . .	. . . . .		
20	Ой		Орин
21	Ой уму		Орин эму
22	Ой дю		и т. д.
23	Ой ила		
. . . . .	. . . . .		
30	Гуты́		Гучин
31	Гуты уму		Гучин эму
. . . . .	. . . . .		и т. д.
40	Дыдзя		Дэхи
41	Дыдзя-уму		
. . . . .	. . . . .		
50	Тунгадзя		Сусай
. . . . .	. . . . .		
60	Нюнгудзя		Нингоку
. . . . .	. . . . .		
70	Нада-н-дзя		Ноданьчжу
. . . . .	. . . . .		
80	Дзяпу-н-дзя		Чжуканчжу
. . . . .	. . . . .		
90	Хуго-н-дзя		Уюньчжу
. . . . .	. . . . .		
100	Тангу		Танкгу
200	Дю тангу		Чжуо танкгу
300	Ила тангу		Илань танкгу
. . . . .	. . . . .		
1000	Минга		Минкгань
1886 годъ	Минга-дзяпу-тангу дзя-пундзя нюнгу Анганы́		

Изъ приложеннаго словаря видно, что въ нарѣчіяхъ Орочей Приморскихъ и Усурійскихъ есть общія слова, но есть и разныя, есть и такія, которыя отличаются только произношеніемъ. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ попадаются слова общія съ Маньджурскимъ нарѣчіемъ. Эти послѣднія, очевидно, взяты прямо съ Маньджурскаго языка и чрезъ Орочей Усурійскихъ переданы Орочамъ Приморскимъ. Но попадаются у Приморскихъ Орочей и такія слова, которыя отличаются отъ словъ Усурійскихъ, но сходны съ Маньджурскимъ, напр., „отецъ“, „соль“ и т. п.; такія слова, очевидно, перешли отъ Маньджуръ къ Приморскимъ Орочамъ при посредствѣ другихъ сосѣднихъ инородцевъ, и скорѣе всего чрезъ Гольдовъ. Въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ“ за 1886 годъ, помѣщенъ Д—мъ Зеландъ словарь Гиляцкихъ и Гольдскихъ (Софійскихъ) словъ. Въ этомъ словарѣ я нашелъ много словъ общихъ между нарѣчіями Софійскихъ Гольдовъ и Приморскихъ Орочей. Есть и такія слова, которыя сходны только на этихъ двухъ нарѣчіяхъ и отличаются какъ отъ Усурійскихъ, такъ и отъ Маньджурскихъ. Напримѣръ:

Русское.	Приморск. Ороческое.	Усур. Ороческое.	Гольдское.	Маньджурское.
Отецъ	Ама	Абга	Ама	Ама
Соль	Даксу	Сяи́	Даусу́	Дабсунь
Чертъ	Амба	Іохо	Амба	Хуту
Голова	Дыли	Дыли	Деле	Учасу
Нога	Букды	Упикп	Букда́	Бетхэ

Измѣняемость частей рѣчи у Орочей замѣтна, но уяснить себѣ эту измѣняемость, а тѣмъ болѣе составить какія либо правила о ней, за неимѣніемъ времени я не имѣлъ никакой возможности. Не малою помѣхою въ этомъ дѣлѣ было и то, что Орочи, благодаря объясненію съ ними Русскихъ на искаженномъ русскомъ языкѣ, до того привыкли быть нечувствительными къ измѣненіямъ окончаній русскихъ словъ, что рѣшительно отказываются понимать разницу между, напр., „ты идешь“ и „онъ идетъ“, „я дѣлаю ножъ“, или „я дѣлаю ножемъ“, а потому и перевести на свой языкъ какое нибудь слово въ отдѣльности въ творительномъ падежѣ съ отличіемъ отъ именительнаго не могутъ; для Ороча все равно — ножъ — „кучка“ и ножемъ „кучка“. Приходилось для каждаго падежа составлять особыя фразы, что, конечно, затрудняло и замѣдляло дѣло. Задавая одну за другой такія фразы, въ которыхъ повторялось бы какое либо имя существительное въ различныхъ падежахъ, или глаголъ въ различныхъ формахъ, я такимъ образомъ узналъ, что въ нарѣчіи Орочей есть всѣ падежи, кромѣ предложнаго, и есть лица для глаголовъ; число же, кажется (?) одно единственное, а множественное выражается приставкою числительнаго или слова „много“, Орочъ, напр., не скажетъ „люди“, а скажетъ „5, 9, или много человѣкъ“. По родамъ слова не измѣняются, но окончанія падежей именъ существительныхъ, опять таки кажется (?), находятся въ зависимости отъ родовъ именъ существительныхъ; напр. слово „медвѣдь“ въ винительномъ падежѣ „мапа-ва“, а „кабарга“ — „боюка-ма“.

Вообще многое изъ узнаннаго мною относительно нарѣчія Орочей не ясно, не точно и подлежитъ провѣркѣ, а по сему не буду входить въ разборъ собранныхъ мною фразъ, а передамъ ихъ, какъ онѣ были переданы мнѣ:

Я ѣмъ медвѣдя	Би дентагаме мапа-ва	Дай кабаргѣ травы	Баюка-н-ду буа окто-о
Ты ѣшь кабаргу	Си депта баюкама	Дай соболю орѣхъ	Носо-ду куйтава буа́
Онъ ѣстъ соболя	Ты депта-шка носо-во	Я бью тебя соболемъ	Би носо-ди синова миндагаме
У меня нѣтъ медвѣдя	Минду мапа-о маймакэ	Я бью медвѣдя палкою	Би мапа-ва миндагаме мо-ди
Я не ловилъ соболя	Би носо-о ачимъ байчіа	Ребенокъ плачетъ	Семо́ гито
Собака ѣстъ голову кабарги	Инаке дэли баюка-мо депта-гика	Ты что плачешь?	Си имъ семошла?

Раскажи мнѣ о кабаргѣ и соболѣ	Баюка-ма ного-во си угга-чага минду	Принеси палку	Мо-о гайга
Дай мнѣ хлѣба	Минду-буа упа́	Ты что говоришь?	Си юшие сига́?
Пойдемъ въ лѣсъ	Ганджепе дыги́	Молиться Богу	Мегоронай Боа-ду.

Въ заключеніе считаю долгомъ поблагодарить князя Л. А. Кропоткина за безвозмездное исполненіе въ его литографіи прилагаемыхъ рисунковъ, И. П. Надарова за доставленныя мнѣ слова Усурійскихъ Орочей и Г. А. Мосина, переводчика Маньджурскаго языка, за слова Маньджурскія.

В. Маргаритовъ.

Объясненіе нѣкоторыхъ рисунковъ, не объясненныхъ въ текстѣ.

Таб. I, рис. 5. Могильный срубъ, внутри котораго на подставкахъ стоитъ гробъ. Рис. 6. Амбаръ для провизіи.

Таб. III, рис. 15. Охотничій поясъ.

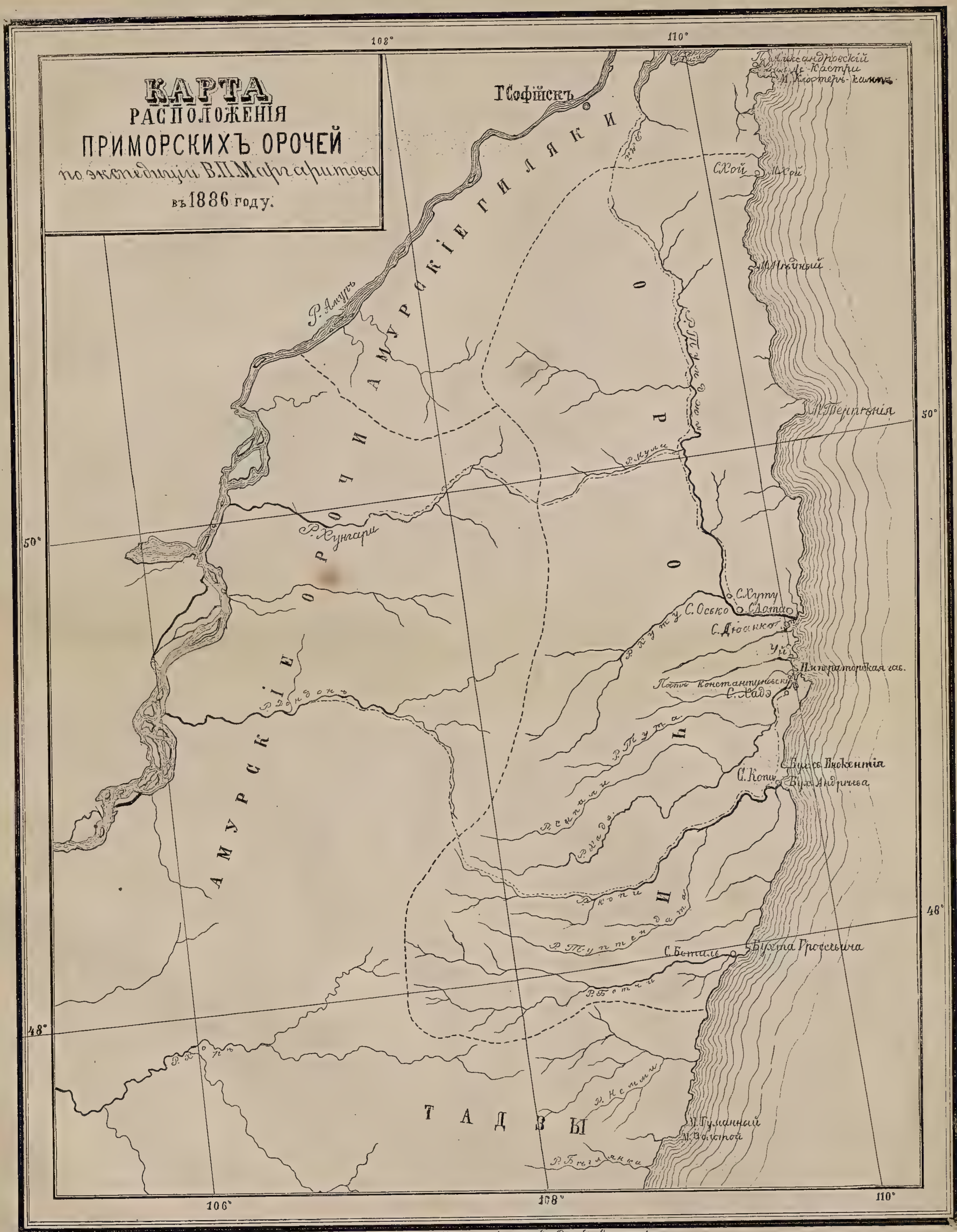
Таб. IV, рис. 5. Уполовникъ. Рис. 6 и 7 берестовые ковшъ и ведро. Рис. 8. Чуманъ берестовый для ножей, вилокъ и т. п. Рис. 9. Берестовая солонка, *a* отверстіе куда всыпается и откуда вытряхивается соль. Рис. 10. Деревянная коробочка для шелку, нитокъ и т. п. Рис. 11 и 12. Берестовые чуманы для храненія женскаго имущества. Рис. 13. Табачница.

Таб. V, рис. 1. Мужской костюмъ: *a* берестовая шляпа, *b* шапка изъ кожи оленя, *c* шарфъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, *d* халатъ изъ дабы, *e* кисетъ съ табакомъ, *f* нарукавники, *m* штаны, *n* наколѣнники, *k* унта, *r* рукавица. Рис. 2. Женскій костюмъ. Халатъ изъ желтой дабы, воротникъ *a* изъ красной, канва *b* изъ синей и коемка *c* изъ красной, *d* спина халата съ украшеніемъ въ видѣ двухъ широкихъ лентъ, увѣшанныхъ побрякушками и опушенныхъ выдрой, *m* наушники, *n* серги для ушей, *k* серги для ноздрей, *l* воротничекъ изъ шкурокъ головъ морскихъ утокъ.

Таб. VI, рис. 1—6. Шаманскіе идолы. Рис. 3. Идолы въ божницѣ. Рис. 7. Маленькіе шаманскіе бубны изъ рыбьей кожи, которыми шаманъ продолжаетъ стучать, пока большой бубенъ, коего на рисункѣ нѣтъ, нагрѣвается надъ очагомъ, чрезъ что дѣлается болѣе натянутымъ. Рис. 8. Шаманскій поясъ съ желѣзными побрякушками. Рис. 9. Шаманская юбочка. Рис. 10. Ороческая скрипка съ смычкомъ. Самый остовъ сдѣланъ изъ двухъ обручей, обтянутыхъ берестой. Рис. 11 и 12. Музыкальные инструменты, р. 12 желѣзный, а 11 деревянный. Взявшись по срединѣ инструмента губами, Орочъ рукою и учащеннымъ дыханіемъ приводитъ въ сотрясеніе тонкій язычекъ и производитъ унылые звуки. Рис. 13 и 14 половинки саквояжей, р. 13 изъ рыбьей кожи, а р. 14 изъ бересты.

Таб. VII, рис. 1. Дѣтскій халатъ изъ шкуры рыбы куньджи. Рис. 3. Женскій халатъ изъ шкуры рыбы кэты. Рис. 3. Наколѣнники дѣтскіе. Рис. 4. Украшеніе на спину халата. Рис. 5. Маленькій саквояжъ. Рис. 6. Женскій ножикъ въ ножнахъ. Рис. 7, 8. Женскія табачницы. Рис. 8. Вѣеръ изъ бересты.

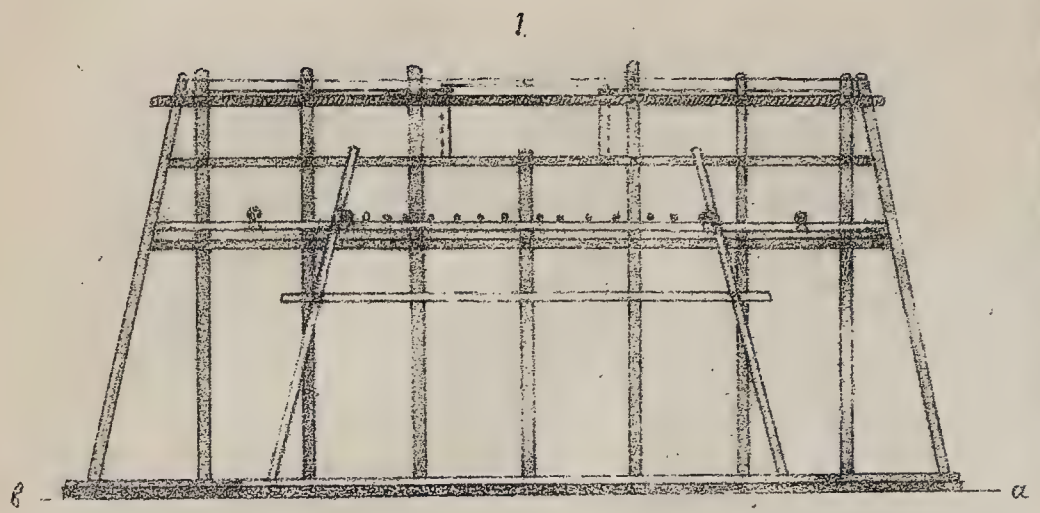
Таб. VIII, рис. 1. Денная зыбка. Рис. 2. Ночная зыбка. Рис. 3. Различные рисунки.



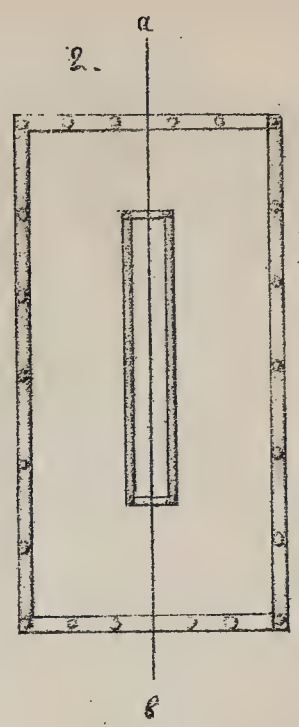
Литографія князя Кропоткина во Владивостокѣ
1886 г.

1.

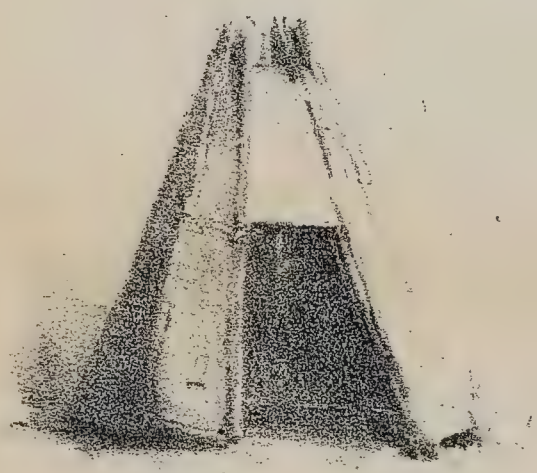
1.



2.



3.



4

6.

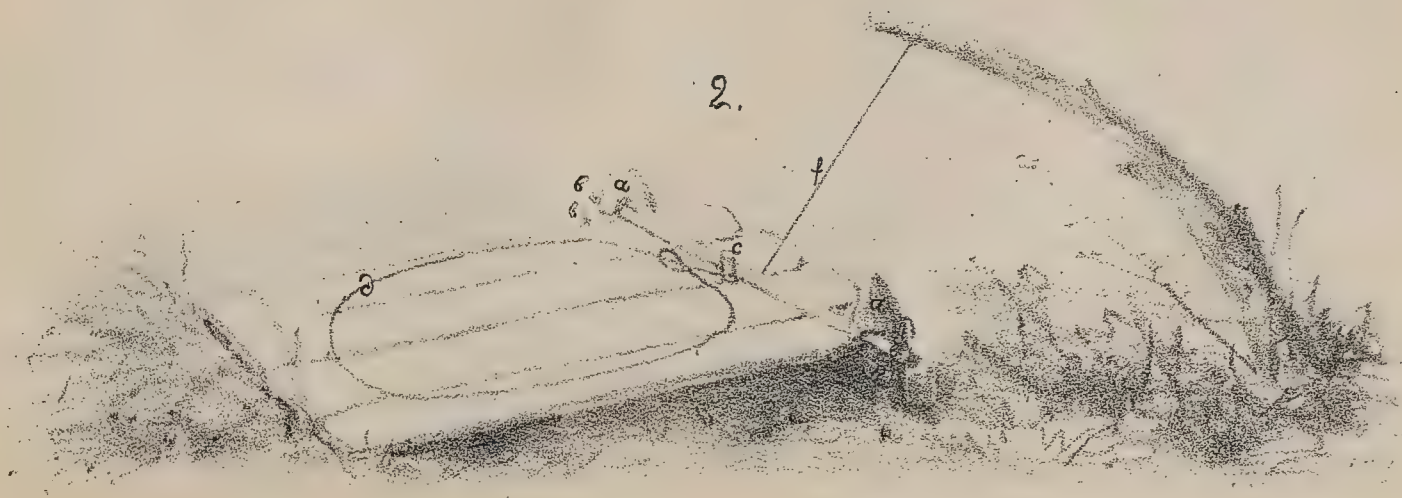
5.

Лит. Кн. Крапоткина

Владивостокъ 1887 г.

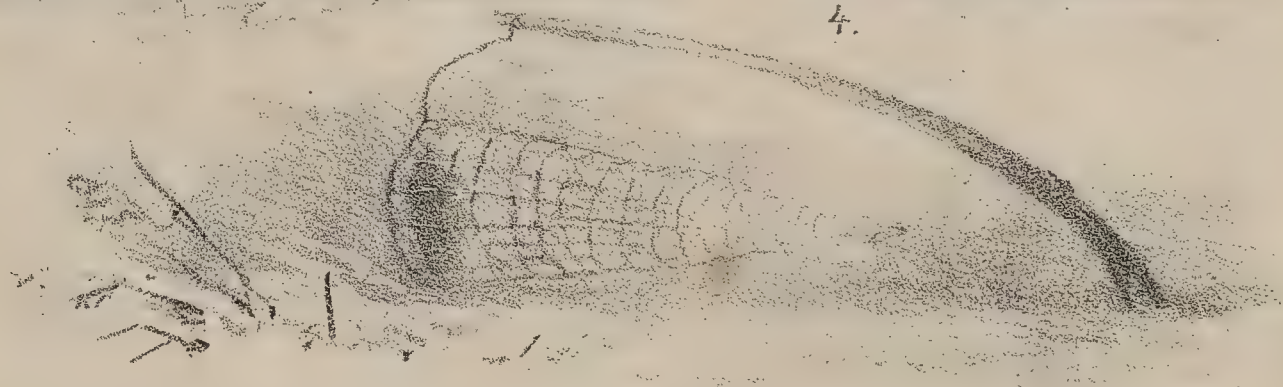
1.

2.



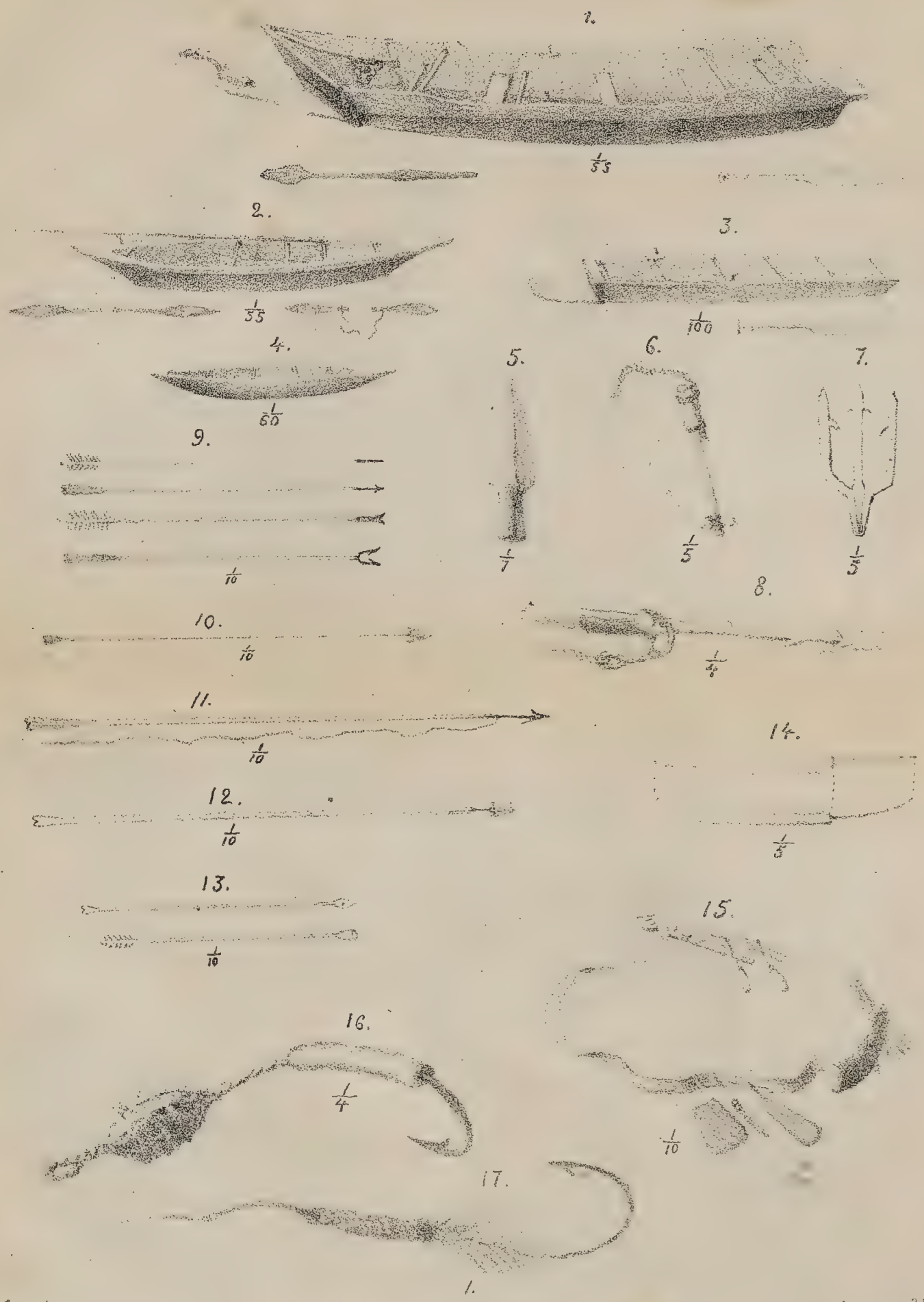
3.

4.



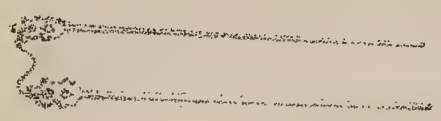
Лит. Кн. Кропоткина

Владивостокъ 1887 г.



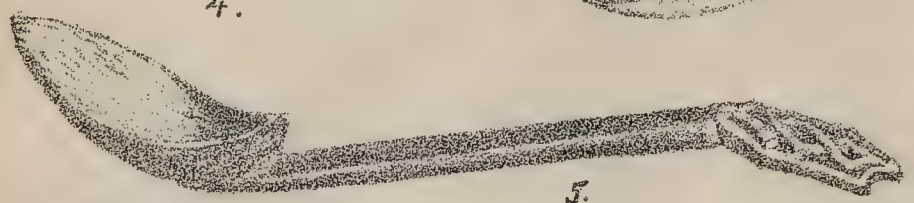
Лит. Кн. Крапоткина.

Владивосток 237

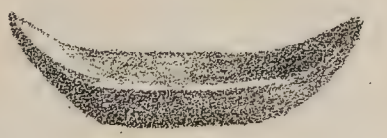


4.

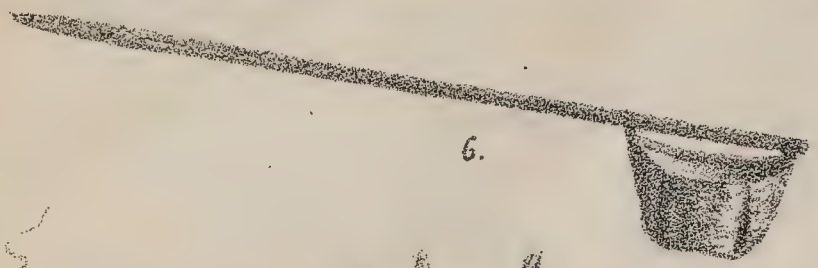
1.



5.

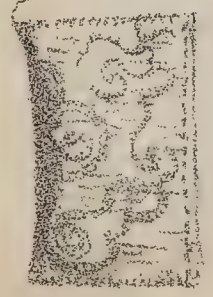


2.



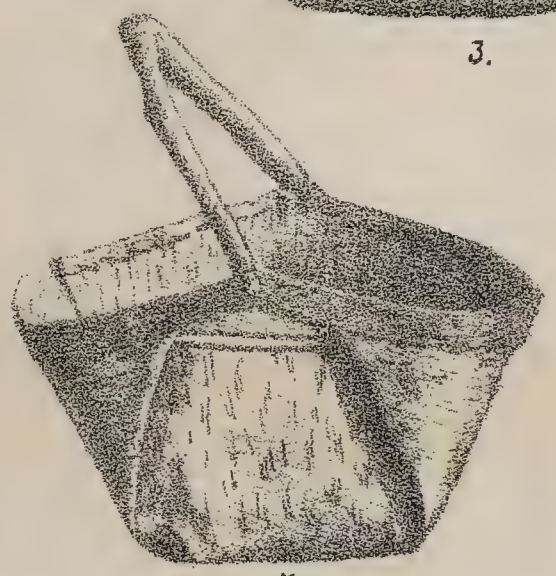
6.

3.



9.

8.

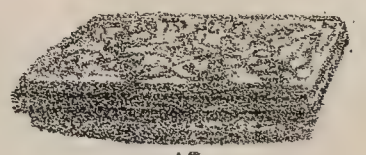


7.

10.

11.

12.

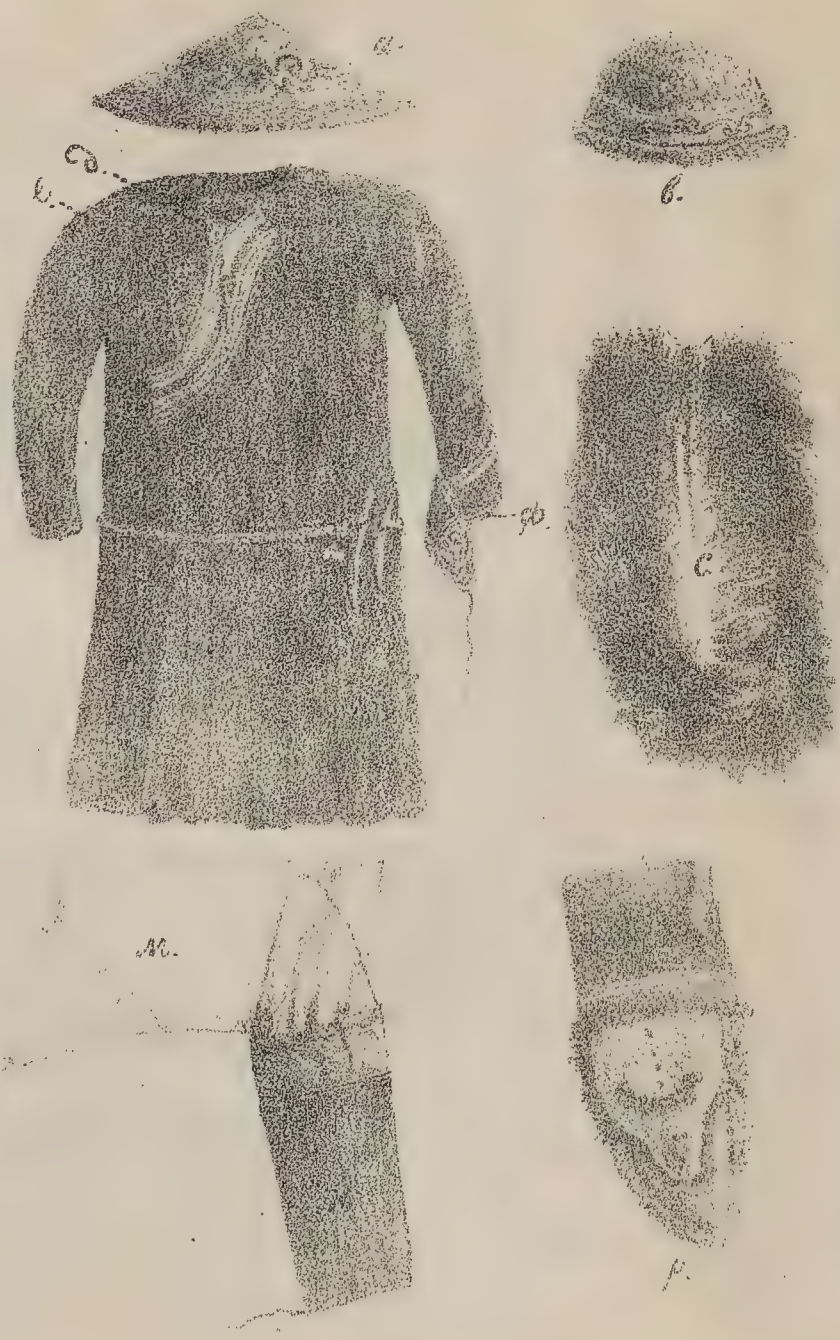


13.

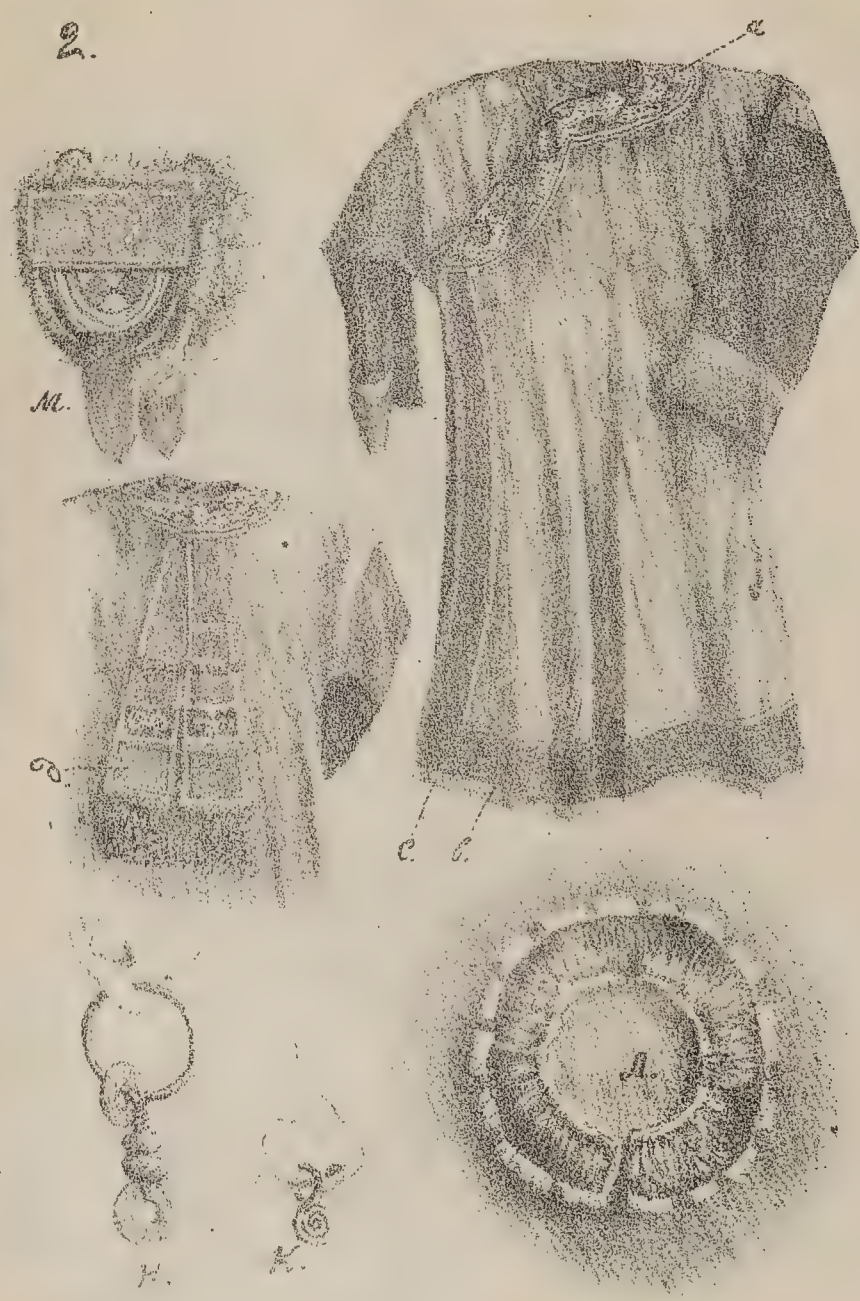
Лит. Кропотникова.

Владивостокъ 1886г.

1.



2.



Лит. Кн. Крапоткина.

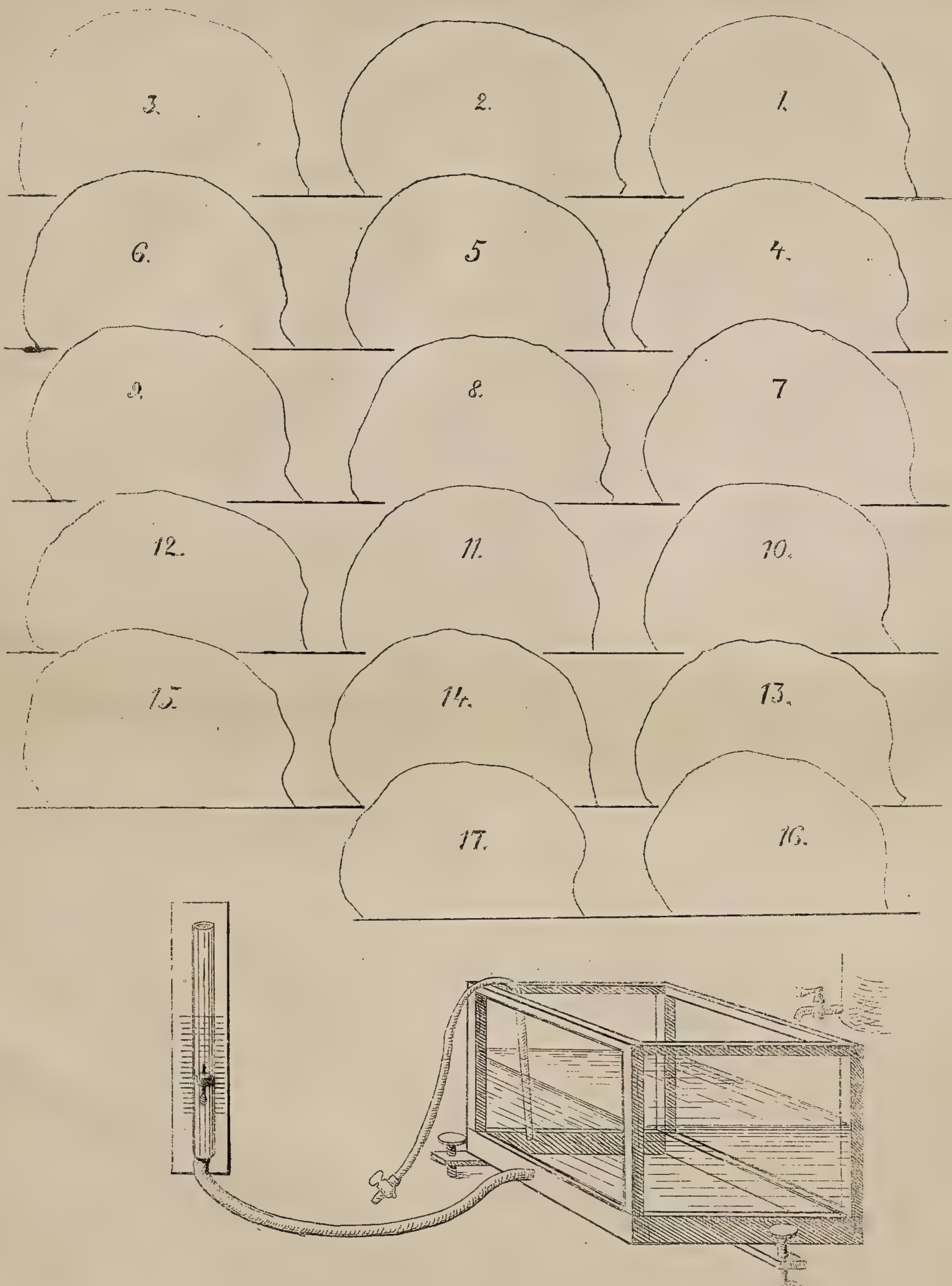
Владивостокъ 1887 г.

1.
2.
3.
4.
5.
6
7.
8.
9.

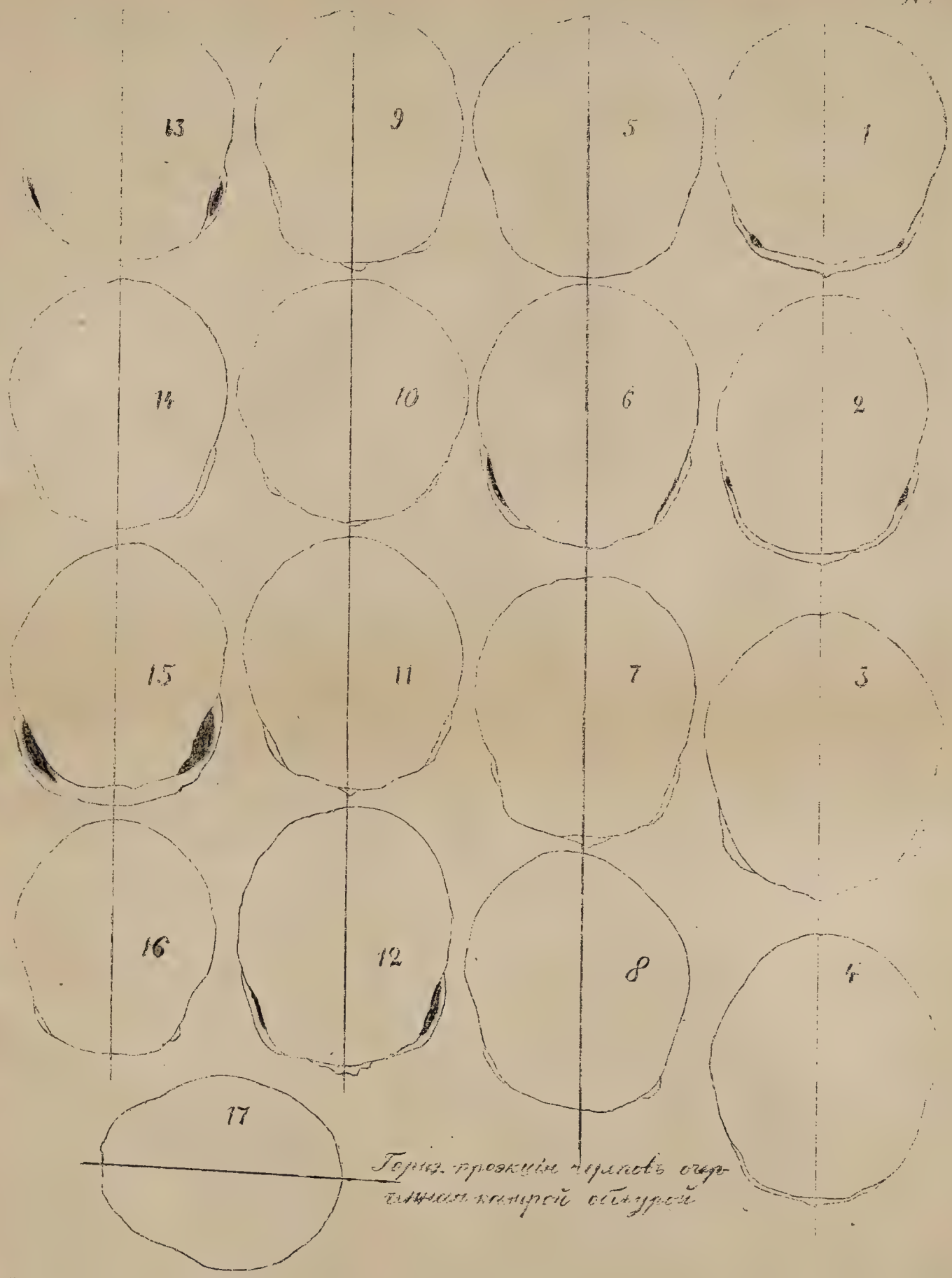
Лит. Ив. Кропоткина

Владивосток 1886 г.

IX



X.



Гориз. проэкціи черновъ очертанныхъ камерой обскурой

1886 г.

КОПИРОВАНИЕ

18.10.02

КОПИР ВАНИЕ

22.10.02